
ISSN 2225-8272

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Культурно-просветительский
и образовательный журнал**

Выходит четыре раза в год

Том 11, № 1 2022

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история;

07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Борисов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам.зав. кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: nechaevv@mail.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Филонов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: filonovvi@mail.ru

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при

Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Брузати Лука, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Editorial Council of «Journal of Public and Municipal Administration»

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Borisov Alexander, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of State and Legal Disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

Karadzova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Marco, Doctor of Economics, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Nechaev Dmitry, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Filonov Vladimir, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: filonovvi@mail.ru

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy editor-in-chief of the magazine development (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по економика, Ph.D, профессор Нового българского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

- Шестаков А.А. Боевой путь 6-й Орловской краснознаменной стрелковой дивизии в Великой Отечественной войне: события 1941 года 11

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Елисеева Н.В. Формирование политики времён перестройки в СССР (1985–1988 гг.) 19
- Елисеев А.Л. Комсомол в развитии экономики страны 28

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

- Полухин О.В. Из истории города Дешкина и Дешкинского уезда (от основания до современного положения) 41

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

- Никитин Е.В. Маршал бронетанковых войск Михаил Ефимович Катук 53

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Колесников С.А. Вхождение в концептуальность теологического историзма: принципы, ресурсы, направления 61
- Ефремов С.А. Протопоп Аввакум и старец Капитон: разность подходов 76

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Гуларян А.Б. Регламентация органами государственной власти Российской империи уставов дореволюционных общественных организаций (на примере обществ медицинских работников Орловской губернии) 83
- Лупандин В.Н. Послевоенная логическая школа В.Ф. Асмуса в контексте становления университетского образования в России 90

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Шукуров Ш.З. Вывод военных контингентов США и их союзников из Афганистана: влияние на военную безопасность стран Центрально-Азиатского региона 107
- Кулибали А.Ш. Агашерская война между Мали и Буркина-Фасо 1985 года: итоги и выводы 115

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

- Селютина Е.Н. Аграрная реформа П.А. Столыпина и земельные отношения в России: проблемы юридико-технической регламентации и результативности 124
- Холодов В.А.
- Раевская В.А. Становление и развитие юридической техники в правотворческой деятельности государств 132
- Борисов А.С.
- Козлов В.П. «Правда истории» и документальная память 143

РЕЦЕНЗИЯ

- Саран А.Ю. Рецензия на книгу Кушелева И.Е. «Пространство Орла как художественное целое. История формирования городского ландшафта» 155

CONTENTS

MILITARY CHRONICLE

- Shestakov A.A. The combat path of the 6th Orel Red Banner Rifle Division in the Great Patriotic War: events of 1941 11

HISTORY AND MODERN PRACTICE OF PUBLIC ADMINISTRATION

- Eliseeva N.V. Formation of policy during Perestroika in the USSR (1985-1988) 19
- Eliseev A.L. Komsomol in the development of national economy 28

HISTORY OF TERRITORIES DEVELOPMENT

- Polukhin O.V. The history of the city of Deshkin and Deshkin county (from the foundation to the present situation) 41

A STATESMAN: PERSONALITY IN THE HISTORY OF STATE DEVELOPMENT

- Nikitin E.V. Marshal of armoured troops Mikhail Yefimovich Katukov 53

STATE, RELIGION, CHURCH

- Kolesnikov S.A. Entering into the conceptuality of theological historicism: principles, resources, directions 61
- Efremov S.A. Protopope Avvakum and Elder Kapiton: difference of approaches 76

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

- Gularyan A.B. Regulation by the state authorities of the Russian Empire of the statutes of Pre-revolutionary Social organizations (on the example of the societies of medical workers of Orel province) 83
- Lupandin V.N. Postwar Logic Asmus' school in the context of formation of university education in Russia 90

GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Shukurov Sh. Z. Withdrawal of the American military contingent and its allies from Afghanistan and its impact on military security of Central Asian countries 107

CONTENTS

- Coulibaly A. Sh. The Agasher War between Mali and Brkina Faso in 1985: results and conclusions 115

HISTORY OF LEGAL RUSSIAN STATEHOOD

- Selyutina E.N. P.A. Stolypin's agrarian reform and land relations in Russia: problems of legal and technical regulation and effectiveness 124
Holodov V.A.
- Raevskaya V.A. Formation and development of legal technology in the law-making activity of states 132
Borisov A.S.
- Kozlov V.P. «The truth of history» and documentary memory 143

REVIEWS

- Saran A.Yu. Book review: Orel space as an artistic whole. The history of the formation of the urban landscape. / Ed. by Kushelev I.E. 155

ШЕСТАКОВ Александр Анатольевич, аспирант, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: aashestakov1970@mail.ru

SHESTAKOV A.A., Postgraduate Student at the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: aashestakov1970@mail.ru

БОЕВОЙ ПУТЬ 6-Й ОРЛОВСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СОБЫТИЯ 1941 ГОДА

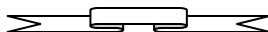
THE COMBAT PATH OF THE 6th OREL RED BANNER RIFLE DIVISION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR: EVENTS OF 1941

Аннотация. Основная цель статьи – анализ истории создания 6-й Орловской стрелковой дивизии и её участие в войнах и вооруженных конфликтах периода 1918–1941 гг. Особое внимание уделяется событиям лета – зимы 1941 года, для чего рассматриваются конкретные обстоятельства боевой деятельности дивизии в приграничном сражении, Смоленском сражении, битве за Москву, Елецко-Ливенской наступательной операции. Ключевым событием, определившим дальнейшую судьбу Орловской стрелковой дивизии в Великой Отечественной войне, признаются бои в районе Бреста и Брестской крепости в июне 1941 года. Устанавливается взаимосвязь между высоким уровнем боевой готовности дивизии и качеством подготовки ее командного состава накануне и на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 6-я Орловская стрелковая дивизия, Советско-финляндская война, освободительный поход, Брестская крепость, Елецко-Ливенская наступательная операция.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the history of the creation of the 6th Orel Rifle Division and its participation in wars and armed conflicts in the period 1918-1941. Special attention is paid to the events of summer and winter in 1941. The author studies the circumstances of the division combat activity in the Border Battle, the Battle of Smolensk, the Battle for Moscow, the Yelets-Livensky offensive operation. The key event that determined the fate of the Orel Rifle Division in the Great Patriotic War is the battles in the Brest Fortress area in June 1941. As a result of the research, the author draws the conclusion that there is a relationship between the high level of combat readiness of the division and the quality of training of its command staff on the eve and at the initial stage of the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, the 6th Orel Rifle Division, the Soviet-Finnish War, the Liberation Campaign, the Brest Fortress, the Yelets-Livenskaya offensive operation.

ВВЕДЕНИЕ

Тема установления духовной и идеологической преемственности частей и соеди-

нений регулярной армии времен Российской империи и СССР с административно-территориальными единицами нашего государства является актуальной для совре-

менного исторического знания и продолжает оставаться предметом интенсивной научной дискуссии. К настоящему времени установлено, что в различные исторические периоды наименования воинских частей – полков и бригад, а также соединений – дивизий, изредка корпусов и армий – устанавливались с учетом различных факторов. Пока в Российской империи не была учреждена нумерация вооруженных формирований, то есть до второй половины XIX века, они различались между собой в зависимости от персонафицированного и территориального критериев. Большинство пехотных и кавалерийских полков «нового строя» до реформ Петра Великого назывались по именам своих командиров, во время Северной войны 1700–1721 гг. практически все из них стали обозначаться по наименованиям городов и уездов Российского государства. Как указывается в научных работах, воинские части могли носить названия территорий своего первоначального формирования, мест ратных побед русского оружия, того географического региона, где они когда-либо дислоцировались или же получали снабжение [6, С. 121].

К началу XX столетия отсутствовала прямая связь между призывным контингентом населенного пункта или административно-территориального образования и тем или иным полком, в котором предстояло проходить службу. С более крупными формированиями – дивизиями и корпусами – дело обстояло несколько иначе. Так, известны примеры создания сибирских полков, бригад, дивизий и корпусов в Русско-японскую и Первую мировую войны. Аналогичным образом обстояло дело с военными формированиями русского казачества.

После начала создания регулярных частей противников в развернувшейся Гражданской войне – и РККА, и белой армии – прежние принципы упрочения их идейного и духовного единства были на время восстановлены. Вновь в массовом порядке

частям стали присваиваться названия именно тех населенных пунктов и административных образований, где они располагались или откуда получали призывной контингент.

ПОЯВЛЕНИЕ 6-Й ОРЛОВСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Именно подобным образом в составе Красной армии появляется стрелковая дивизия, позднее получившая наименование от названия тогдашней Орловской губернии. Она являлась одним из старейших соединений РККА, будучи образована 23 мая 1918 года под наименованием «Гатчинская пехотная дивизия» в городе Гдове. Костяк соединения составили бывшие красногвардейцы Петрограда и Нарвы, а также балтийские моряки из отряда известного революционера Павла Дыбенко. Спустя неделю дивизия была переименована в 3-ю Петроградскую пехотную. В соответствии с приказом Реввоенсовета РСФСР от 11 сентября 1918 года она преобразуется в 6-ю стрелковую. Структура дивизии состояла из трех стрелковых бригад. Пора активных действий соединения началась в ноябре того же года, когда большевистское правительство аннулировало Брестский мирный договор после крушения кайзеровской Германии.

В конце ноября 7-я армия РККА начала наступление на Ревель, причем основной удар по войскам эстонских националистов наносился 6-й стрелковой дивизией на нарвском направлении. В январе 1919 года, уже находясь на ближних подступах к эстонской столице, красные были вынуждены отступить ввиду вступления в военные действия британских и финских войск, а также русских белогвардейцев. В мае 1919 года в состав 6-й дивизии включили подразделения Балтийской сводной дивизии, после чего главным театром деятельности первой стал фронт борьбы с Северо-Западной армией генерала от ин-

фантерии Н.Н. Юденича. В мае дивизия потерпела крупное поражение на берегах реки Луги, однако уже в августе участвовала контрнаступлении и взятии Ямбурга. В октябре – ноябре вновь последовали ожесточенные бои против наступающих войск Юденича, которые стихли только после стабилизации линии фронта на эстонской границе к началу января 1920 года [2, С. 23].

В мае того же года закаленная в тяжелых сражениях 6-я стрелковая дивизия перебрасывается на театр советско-польской войны. В составе советской 15-й армии она участвует в майской операции, действуя на направлении главного удара Западного фронта РККА. Затем 6-я дивизия отличилась в июльском наступлении и сражении за Варшаву в августе – сентябре 1920 года. После самого активного участия в Гражданской войне в 1921 году дивизия была передислоцирована в Орёл и стала именоваться 6-й Орловской стрелковой.

С 1925 года соединение было преобразовано в формат территориальной, то есть фактически резервной, стрелковой дивизии. В 1929 году дивизии было вручено Почетное Красное Знамя ЦИК СССР. В дальнейшем соединении стало территориальной дивизией сокращенного состава, преобразуясь в кадровую часть в периоды обострения международной обстановки.

В сентябре 1939 года, с началом Второй мировой войны, 6-я дивизия за счет призыва резервистов Орловской и иных сопредельных областей была доведена до штатов военного времени в 14 тысяч человек. 18 сентября начинается освободительный поход РККА в Западную Белоруссию, в котором Орловская дивизия действовала в составе 11-го корпуса. За три недели она прошла 450-километровый марш по территории бывшего польского государства. Фактически Орловская дивизия вновь оказалась примерно в тех же местах, где ее воины сражались с поляками в 1920 году. К 14 октября 6-я дивизия в связи с размежеванием между советскими

и германскими войсками вернулась в город Брест. В бастионах и казармах Брестской крепости ей было отведено место будущей дислокации.

Во время неудачного для Красной армии начала Советско-финляндской войны из рядов 6-й Орловской стрелковой дивизии были сформированы два сводных батальона – 26-й и 107-й. Боевым крещением для них стало взятие Выборга в марте 1940 года. Будучи под началом старшего лейтенанта Пряжникова, одна из штурмовых групп вышла на шоссе Выборг – Хельсинки, сыграв заметную роль в успехе всей операции [2, С. 49].

Накануне войны Орловская стрелковая дивизия оценивалась командованием как основательно подготовленное кадровое соединение с квалифицированным составом. Организационно она относилась к 4-й армии, размещаясь непосредственно в Брестской крепости. Здесь были расположены все три стрелковых полка – 84-й, 125-й, 333-й, 131-й легкий артиллерийский полк, разведывательный батальон, автомобильный, саперный и медико-санитарный батальоны, связисты и истребительно-противотанковый дивизион. Отдельный зенитно-артиллерийский дивизион размещался в северном городке, 204-й гаубичный артиллерийский полк дислоцировался в южном городке, некоторые тыловые части располагались в Бресте.

ПУТЬ 6-Й ОРЛОВСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

С марта 1941 года в командование дивизией вступил полковник Михаил Антонович Попсуй-Шапко, родившийся г. Енакиево. В Красную армию он вступил в 1918 году и к началу Великой Отечественной войны имел весомый послужной опыт. За плечами командира дивизии были учеба в Московской школе командного состава и в Военной академии им. Фрунзе, которую он с отличии-

ем окончил в 1940 году. Свидетельством заслуг М. А. Попсуй-Шапко является его награждение орденом Боевого Красного Знамени.

Под началом М. А. Попсуй-Шапко дивизия интенсивно продолжала готовиться к приближающейся войне. За неделю до ее начала соединение было поднято по тревоге начальником штаба 4-й армии полковником Л. М. Сандаловым. К тому времени возник вопрос о его выводе из Брестской крепости, но со стороны командования армии решение об этом так и не было принято. Предлагалось также проделать дополнительные проходы в крепостных стенах на случай экстренной эвакуации, однако на складах не нашлось необходимого количества взрывчатых веществ.

В целом Брестская крепость не рассматривалась как надежный рубеж обороны, ввиду чего по боевому расписанию части 6-й и 42-й дивизий при начале войны должны были покинуть ее устаревшие укрепления, для обороны которых выделялся один батальон [2, С. 23].

Будучи застигнуты массированным артиллерийским огнем противника утром 22 июня 1941 года, части двух советских дивизий не смогли оказать организованного сопротивления. Как указывают источники, подавляющее число находившихся в крепости красноармейцев и практически все подразделения стремились, прежде всего, выйти из крепости в назначенные районы сосредоточения.

Следует отметить, что из состава 6-й Орловской дивизии наиболее весомый вклад в оборону крепости внесли артиллеристы и зенитчики, ввиду чего они же и стали главным объектом обстрелов противника. Так, 2-й дивизион 136-го артиллерийского полка был накрыт концентрированным огнем немцев, а 246-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, находившийся у Жечина, стойко вел борьбу с авианалетами, после чего оказался выведен из строя. Здесь врагу также противостоял 204-й гаубично-артиллерийский полк, позднее вы-

нужденный отступить к Кобрину.

Ситуация для 6-й стрелковой дивизии отличалась драматической противоречивостью: рядовой и командный состав соединения были по большей части рассеяны и частично погибли в первые часы вражеского нападения, однако практически не пострадали высшие командиры, политические руководители и штабные работники, находившиеся на квартирах не в крепости, а непосредственно в Бресте. Кроме того, к началу гитлеровского вторжения вне мест постоянной дислокации оказалось четыре или пять батальонов из стрелковых полков дивизии: одни из них были отправлены на учения, другие занимались фортификационными работами на границе.

Указанным обстоятельством объясняется ведение боя 22–23 июня тремя изолированными друг от друга сводными группами из состава 6-й Орловской стрелковой дивизии.

К установленному месту сбора вблизи Бреста утром 22 июня 1941 года удалось выйти примерно двум условным батальонам, на которые приходилось значительное количество начальствующего состава среднего и высшего звена, включая командиров всех трех стрелковых полков Дородных (84-й сп), Матвеева (333-й сп), Ковтуненко (125-й сп) [5].

Вся техника и конский состав дивизии оказались уничтожены в крепости после бомбежек и артиллерийских ударов немцев, исключая восемь спасенных орудий 131-го артиллерийского полка и батарей 204-го гаубичного полка, на следующий день участвовавших в обороне города Кобрин.

Среди оставшихся в крепости частей и подразделений наибольшую боеготовность проявил 76-й отдельный разведывательный батальон 6-й Орловской дивизии [1, С. 235]. Именно в его рядах имелись участники Советско-финляндской войны, большинство из которых несли службу в танковой роте батальона. Они использовали имевшуюся бронированную технику –

танки Т-38 без вооружения, восемь пушечных броневых автомобилей – для эвакуации бойцов и командиров и для попытки прорыва через Северный остров. Возглавлял действия разведчиков комсорт батальона Алексей Шугуров. Одним из последних защитников Брестской цитадели следует признать комиссара 75-го разведбата А. Н. Венедиктова, который погиб, но не сдался в плен. Известен и подвиг взводного командира школы сержантского состава 125-го стрелкового полка И. Н. Базунова, сумевшего возглавить оборону штаба и спасение полкового боевого знамени.

В указанное время разрозненные части Орловской дивизии, начиная с утра 22 июня, заняли оборонительные позиции в районе города Кобрин, столкнувшись с превосходящими силами немецких танковых и пехотных частей. Первый сводный отряд, во главе которого находился командир дивизии, пытался закрепиться на песчаных гребнях в четырех километрах от Бреста. К исходу первого дня войны он оказался у местечка Хведковичи. Вторая боевая группа возглавлялась заместителем комдива полковником Фёдором Осташенко. Третьим отрядом командовал полковник Дмитрий Матвеев. Всем перечисленным временным формированиям под натиском превосходящего противника пришлось отходить на Жабинку, а затем на Кобрин. В ходе отступления группы 6-й дивизии перемешивались со сборными отрядами других соединений. Например, группа полковника Фёдора Осташенко объединилась с дивизией Курдюмова, приняв участие в обороне города Косов.

Начиная с 23 июня оказалась рассечена на две части группа, возглавляемая полковником М. Попсуй-Шапко. Разделившись на два отряда, часть бойцов во главе с комдивом стала отходить на Пинск, тогда как другая группа во главе с комиссаром дивизии Фёдором Бутиным продвигалась на восток вдоль Варшавского шоссе. Под непрерывными бомбежками немецкой

авиации части дивизии оставили Бобруйск, будучи 30 июня в окрестностях города Довск, приняв участие в последующих боях за Пинск. Спустя две недели после начала войны 6-я стрелковая дивизия была отправлена на переформирование. К тому времени под началом командира дивизии находилось 340 бойцов и командиров. Вскоре к своим вышла и группа полковника Осташенко, насчитывавшая более тысячи человек. К середине июля за счет сбора вышедших из окружения и отставших численный состав соединения был доведен до 6 тысяч человек.

Благодаря тому, что дивизия сохранила кадровый командный состав, после пополнения она была незамедлительно введена в бой под Мстиславлем 14 июля 1941 года. Выделив имеющиеся силы в два отряда – в составе сводного стрелкового полка и стрелкового батальона, командир дивизии приказал им занять позиции на реке Сож. Одновременно 333-й стрелковый полк действовал отдельно – в составе 55-й дивизии под Пропойском.

Всю вторую половину июля дивизия вела оборонительные бои за город Кричев, действуя совместно с воздушно-десантным корпусом генерала Жадова. 29 июля управление 6-й дивизии было вновь отведено на переформирование в селение Климовичи, тогда как остающиеся на фронте ее части передавались в подчинение 155-й стрелковой дивизии. Соединение в этот период переподчиняется 13-й армии Центрального фронта.

Спустя двое суток дивизия потеряла своего командира: полковник М. А. Попсуй-Шапко был вызван в штаб корпуса для получения боевой задачи, однако возглавляемая им колонна техники попала во вражескую засаду. Группа бойцов и командиров, оставив поврежденные автомобили, вышла к месту сбора на лесной опушке, но М. А. Попсуй-Шапко оказался пропавшим без вести.

В командование соединением на линии фронта временно вступил полковник Фё-

дор Осташенко. В районе Пропойска под его началом сражался 125-й стрелковый полк, который пробил кольцо окружения вокруг 84-го полка дивизии. Впервые с начала войны бойцы дивизии добились заметного успеха – при решающей роли в бою, прибывшего из Ленинграда, добровольческого коммунистического батальона и поддержке двух танков оказался уничтожен штаб вражеского пехотного батальона в селе Ганновка, захвачено вражеское знамя [5]. К 5 августа 84-й стрелковый полк был деблокирован и вышел к своим, сохранив артиллерию и обозы. Немцы были отброшены к берегу реки Остер.

После двухнедельного отступления под натиском танковых дивизий противника в районе Рославля дивизия по приказу командира 4-го воздушно-десантного корпуса предприняла попытку наступать, будучи введена в прорыв 20 августа 1941 года. Спустя двое суток немцами был нанесен фланговый удар, стоивший окружения и утраты тыловых частей и обозов Орловской дивизии и действовавших вместе с ней двух воздушно-десантных бригад. Командиром дивизии в этот период назначается полковник Михаил Гришин, уроженец Чернского уезда Тульской губернии.

Выйдя из окружения к 25 августа 1941 года, части дивизии, затем оборонялись на берегах реки Десны, перейдя к 1 сентября на ее восточный берег. К указанному времени в рядах дивизии числилось чуть менее 4 тысяч человек. Здесь бойцам полковника Фёдора Осташенко удалось выбить противника с захваченного им плацдарма, который к 6 сентября был эвакуирован немцами с выводом своих сил на западный берег. До начала октября 6-я Орловская стрелковая дивизия прочно закрепляется на реке Десне, находясь в составе 13-й армии вновь образованного Брянского фронта [7, С. 345].

С началом немецкой операции «Тайфун» советская 13-я армия попыталась нанести контрудар в районе Суземки. К 7 октября большинство ее частей оказались

в кольце окружения и начали организованно пробиваться на восток. При этом 6-я стрелковая дивизия действовала в качестве авангарда, пробивая боевые порядки немцев через многократно атакованную, но так и не взятую Суземку. Прорыв не удался и на этот раз, однако соседние части разгромили немецкую оборону в районе Негино. После прохода основных сил 13-й армии из немецкого котла немцы вновь замкнули окружение, но шедшая в арьергарде 6-я Орловская дивизия пробилась 10 октября 1941 года вслед за основными силами. До конца месяца продолжался рейд 13-й армии по Хинельским лесам, во время которого 6-я Орловская дивизия уничтожила несколько крупных тыловых транспортных колонн неприятеля. Вблизи новой линии фронта советские части вновь были окружены, но, благодаря действиям соединения полковника Гришина, к 18 октября были обеспечены форсирование реки Свапы и выход в расположение основных сил Красной армии. К тому времени в рядах 6-й Орловской дивизии оставалось 500 человек при двух 122-миллиметровых орудиях.

К 1 ноября 1941 года, находясь в соединении района Ливен Орловской области, там насчитывалось 1700 воинов, спустя две недели их число увеличилось до 3000 человек при тех же двух орудиях, двух миномётах и 16 пулемётах. Дивизия, по сути, представляла собой стрелковый отряд, вооруженный лишь легким оружием, что не позволило ей дать должный отпор на новом этапе немецкого наступления и вынудило отойти к началу декабря за Елец. Однако, насчитывая к 5 декабря 1941 года только 500 боеспособных солдат и командиров, 6-я Орловская стрелковая дивизия приняла участие в контрнаступлении фронтовой группы генерал-лейтенанта Ф. Костенко советского Юго-Западного фронта [4, С. 123]. Особенно она отличилась в боях за возвращение Ельца, выйдя к концу месяца на рубеж реки Тим, где в январе 1942 года в состав соединения вли-

лось до 3000 человек пополнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения можно отметить, что на протяжении 1941 года для 6-й дивизии выпали тяжелые испытания, которые были обусловлены общей катастрофической ситуацией на советско-германском фронте. Не менее трех раз дивизия оказывалась на направлении главного вражеского удара, в пяти случаях, будучи вынужденной прорываться из котлов окружений – в районе Бреста, под Рославлем, в районе Суземки близ Десны, на реке Свапе. С июня по декабрь дивизия трижды обновляла свой кадровый состав, причем уже с начала августа предпринимала попытки небезуспешных контрударов по войскам неприятеля.

Залогом боевой устойчивости дивизии на фоне неудач 1941 года следует признать в числе прочего в целом высокое качество командного состава соединения. По субъективным обстоятельствам командиров полков дивизии и штабных работников не оказалось 22 июня 1941 года в ловушке Брестской крепости, что позволило в дальнейшем развертывать на основе кадров соединения ее вновь сформированные вариации. Если имевший высокую профессиональную подготовку первый командир военной поры 6-й Орловской дивизии полковник М. Попсуй-Шапко не успел проявить себя в полной мере, пав на поле боя, то его преемники внесли достойный вклад в победу над неприятелем. Временно командовавший дивизией в начале августа 1941 года полковник Фёдор Остащенко закончил войну, будучи Героем Советского Союза, генерал-лейтенантом и командиром стрелкового корпуса. Примечательно, что в ноябре скупого на награды первого года войны третий комдив 6-й Орловской стрелковой дивизии Михаил Гришин был удостоен ордена Боевого Красного Знамени, в представлении к которому прямо указывались его заслуги по времени боев по выходу

из окружений.

Дальнейший боевой путь дивизии в годы Великой Отечественной войны был связан с участием в освобождении Воронежа и Советской Украины и пролегал в страны Восточной Европы – Венгрию и Словакию. Соединение приняло участие в разгроме милитаристской Японии – к концу войны она стала именоваться 6-й дважды краснознаменной ордена Суворова Орловско-Хинганской стрелковой дивизией.

Библиография /References:

1. Алиев Р. Штурм Брестской крепости. – М.: Яуза-каталог, 2021. – 438 с.
2. Боевой путь 6-й краснознаменной дивизии. Ответственный ред. М.Н. Бутин. – Брест: Краснознаменец, 1941. – 54 с.
3. Буг в огне. – Минск: Беларусь, 1965. – 527 с.
4. Гончаров В.Л. Елецкая операция // 1941 г. Забытые победы Красной армии (сборник). – М.: Эксмо, Яуза, 2009. – 384 с.
5. Память народа. Отчёты о боевых действиях. Архив ЦАМО. Фонд 1055. Описание 0000001. Дело 0002. Лист начала документа в деле 1.
6. Цыбаков Д.Л. Орловский полк в военных кампаниях XVIII столетия // Образование и общество. – 2010. – № 4 (63). – С. 121–126.
7. Щекотихин Е.Е. Орловская битва – два года: факты, статистика, анализ. – Орёл: Издательство Александра Воробьева, 2008. – Книга первая. – 712 с.

1. Aliyev R. (2021) Shturm Brestskoy kreposti [Storming the Brest Fortress]. – M.: Yauza-katalog. – 438s. (In Russ.).
2. Boyevoy put' 6 –y Krasnoznamennoy divizii. Otvetstvennyy red. M.N. Butin [Battle path of the 6th Red Banner Division. Responsible editor. M.N. Butin]. – Brest: Krasnoznamenets. 1941. – 54 s. (In Russ.).
3. Bug v ogne [Bug on fire]. – Minsk: «Belarus'», 1965. – 527s. (In Russ.).
4. Goncharov V.L. (2009) Yeletsкая oper-

atsiya [Yelets operation] // 1941g. Zabytyye pobedy Krasnoy Armii (sbornik). – M.: Eksmo, Yauza. – 384s. (In Russ.).

5. Pamyat' naroda. Otchoty o boyevykh deystviyakh [Memory of the people. Combat reports]. Arkhiv: TSAMO, Fond: 1055, Opis: 0000001, Delo: 0002, List nachala dokumenta v dele: 1. (In Russ.).

6. Tsybakov D.L. (2010) Orlovskiy polk v voyennykh kampaniyakh KHVIII stoletiya [Orlovsky Regiment in the military campaigns of the eighteenth century] // Obrazovaniye i obshchestvo. – № 4 (63). – S. 121–126. (In Russ.).

7. Shchekotikhin E.E. (2008) Orlovskaya bitva – dva goda: fakty, statistika, analiz [Battle of Oryol – two years: facts, statistics, analysis]. – Orol: Izdatel'stvo Aleksandra Vorob'yova. – T. Kniga pervaya. – 712 s. (In Russ.).

ЕЛИСЕЕВА Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, профессор УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России» исторического факультета ИАИ, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: NVElyseefa@yandex.ru

ELISEEVA N.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Faculty of History, Educational and Scientific Center «New Russia. History of Post-Soviet Russia», Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: NVElyseefa@yandex.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ВРЕМЁН ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР
(1985–1988 ГГ.)**

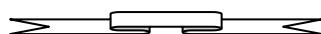
FORMATION OF POLICY DURING PERESTROIKA IN THE USSR (1985-1988)

Аннотация. Основная цель статьи – анализ текстов политических мемуаров и монографических работ деятелей периода реформ в СССР в 1985–1991 гг. В статье рассматриваются вопросы использования советского исторического прошлого политиками времён реформ с целью подтверждения необходимости их проведения. В качестве обоснования фактической переоценки этого прошлого авторы реформ опираются на провозглашённую генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачёвым необходимость расширить гласность и демократизировать общественную жизнь в СССР. Итогом такой политики стала трансформация общественного сознания, полное отрицание советского прошлого как исторической ошибки, что в конечном счете привело к смене идеологии и формированию антикоммунистического дискурса, а затем и идеологических установок в ходе проведения реформ.

Ключевые слова: реформа, гласность, историческое прошлое, историческая политика, экономическое развитие, политическая система, критика развитого социализма.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the texts of memoirs and monographic works of figures during the period of reforms in the USSR in 1985-1991. The article discusses the use of the Soviet historical past by politicians during the reforms in order to confirm the need for their implementation. As a justification for the actual reassessment of this past, the authors of the reforms rely on the need proclaimed by the General Secretary of the Communist Party of the Soviet Union Mikhail Gorbachev to expand publicity and democratize public life in the USSR. As a result of the research, the author draws the conclusion that the transformation of public consciousness and the complete denial of the Soviet past was a historical mistake, which ultimately led to a change of ideology and the formation of anti-communist discourse during the reforms.

Keywords: Reform, publicity, historical past, historical politics, economic development, political system, criticism of «developed socialism».

ВВЕДЕНИЕ

Среди ключевых понятий перестройки в СССР в 1985–1991 гг. наиболее результативным и устойчивым оказалась «гласность». Это слово, впервые зазвучавшее в России в пору «александровских» реформ 60-х гг. XIX века («гласный суд», «гласные заседатели»), пережило своего рода возрождение во второй половине 1980-х гг. Политика гласности (наряду с демократизацией общественных отношений, ослаблением цензуры, освобождением диссидентов, разрешением выезда за границу, расширением связей с Западом и т.д.) включала в себя переоценку исторического прошлого (а с 1990 г. – и новое прочтение дореволюционной истории России). Можно сказать, что эта переоценка представляла собой новую (по сравнению с доперестроечным периодом) историческую политику, хотя ни термин, ни концептуальное обоснование этой политики не были в активе идеологов перестройки. Процесс переоценки шёл параллельно с ходом реформ и был направлен на критику опыта строительства Советского государства.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЁН ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР

Авторами перестроечной исторической политики стали заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев (позднее член ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС) и генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв. При этом Яковлев, как представляется, вполне сознательно вел дело к полному переосмыслению советской истории под углом отвержения марксизма и его советского варианта – социализма. В свою очередь, Горбачёв шел в кильватере идейных установок Яковлева. А. Н. Яковлев отвечал за идеологию, культуру, образование, ведал вопросами формирования редакционных портфелей ведущих газет и журналов. Он представлял

реформаторское крыло советской элиты, определявшей себя как коммунистов-реформистов, ориентирующихся на западную социал-демократию. Политическая жизнь Яковлева распадалась на четыре периода. С 1964 по 1973 год – работник аппарата ЦК, с 1973 по 1983 год – посол в Канаде, с 1985 по конец 1990 года – один из главных «перестройщиков» СССР, далее – политик, стремившийся приспособиться к новому политическому режиму. Интеллектуальный багаж Яковлева составляли достаточно глубокие знания истории международных отношений, западного мира, методов критики буржуазной идеологии, которые он использовал в своей деятельности в качестве одного из активных советских пропагандистов – борцов с американским империализмом [14, С. 468–482].

В годы перестройки Яковлев создал идейную атмосферу, способствовавшую возникновению в обществе антикоммунистической оппозиции. Политическое лицо сотрудников отдела пропаганды ЦК, куда Яковлев был назначен заведующим, сам он описал следующим образом: «...деятели были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. Все до одного, и я – в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостным, истинные убеждения держали при себе...» [16, С. 13]. Основу переоценки советской истории составили идейные установки А. Н. Яковлева. Ещё в 1983 году он высказывался о марксизме и советском социализме весьма критически, о чём поведал в своей книге бывший советский ученый-эмигрант, передавший слова Яковлева о том, что «...марксизм с самого начала оказался ошибочным... Коммунисты пытались создать рай на земле... И выяснилось – его построить невозможно...» [4, С. 132–136].

В конце 1985 года, по признанию Александра Николаевича, он поделился своими размышлениями о марксизме и социализме с М. С. Горбачёвым: «...монособственность и моновласть – не социализм. Они были еще в Древнем Египте. К действительному

социализму, на мой взгляд, нужно идти, опираясь на рыночную экономику, налаживая свободное, бесцензурное передвижение информационных потоков, создавая нормальную систему обратных связей...» [18, С. 7].

Сам он определил свои задачи, став одним из ведущих «перестройщиков» в качестве куратора идеологии, как содействие гласности и свободе творчества, о чём писал в книге «Омут памяти» [17, С. 255].

Под его руководством начала создаваться система обратных связей через СМИ, которые А. Н. Яковлев обновил в кадровом отношении. Новые кадры подбирались по принципу лояльности реформаторскому курсу М. С. Горбачёва и готовности включиться в процессы демократизации общества и реализации новой информационной политики – гласности. В итоге был создан информационный ресурс регуляции общественного мнения.

Фактором, способствовавшим обеспечению такой роли СМИ, была советская система контроля над ними со стороны Главлита СССР и партийных органов. Секретари ЦК ежемесячно инструктировали главных редакторов крупных журналов и газет по вопросам информационного сопровождения партийного курса. Как вспоминал М. Ф. Ненашев (председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, а позднее – председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию СССР), на заседаниях в ЦК регулярно проводился «разбор полетов». Оценки публикаций, радио- и телепрограмм, подготовленные отделом пропаганды ЦК КПСС, доводились до СМИ. Этот механизм взаимодействия ЦК со СМИ был отработан чётко. Главные редакторы самых крупных изданий присутствовали на еженедельных заседаниях секретариата ЦК КПСС, на которых, как правило, председательствовал второй секретарь ЦК. Там они «...получали необходимые ориентировки, наделялись поручениями, им делались за-

мечания...» [7, С. 49]. Стоит отметить, что литературные журналы находились под двойным кураторством – и отдела пропаганды, и отдела культуры, а научные журналы – отдела пропаганды и отдела науки.

О том, что реформаторы (Горбачёв и др.) были в курсе основных процессов в духовной сфере общества и контролировали эти процессы, свидетельствуют заседания Политбюро. Так, известный «случай» со статьей Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами» (13 марта 1988 года, газета «Советская Россия») обсуждался на Политбюро в режиме выяснения вопроса, кто из членов Политбюро дал добро на эту публикацию, кто предварительно ознакомился с этой статьей и т. д.

«Цензура, – вспоминал С. П. Залыгин (главный редактор журнала «Новый мир» – **Н. Е.**), – еще года два или три после моего прихода в «Новый мир» (т. е. в 1988–1989 гг. – **Н. Е.**) действовала вовсю. В Главлите подписывался каждый номер... Почти на каждую редколлегию к нам приходили двое мужиков: из горкома, из райкома КПСС... После заходили ко мне в кабинет, делились впечатлениями... Бывал и представитель КГБ. Один раз заходил ко мне, а вот к ответственному секретарю Резниченко заходил каждый месяц и беседовал подолгу» [3, С. 140–144].

Судя по высказываниям М. Н. Полторанина (главного редактора газеты «Московская правда» в 1986–1988 гг.), главные «перестроечные» издания – «Московские новости» и «Огонёк» – контролировались предельно тщательно. «Егор, – вспоминал Полторанин о главном редакторе «Московских новостей» Егоре Яковлеве, – брал все статьи очередного номера в папочку и ехал с этой папочкой к Александру Николаевичу Яковлеву, и Яковлев эту папочку смотрел – вот это пропускаем, а это не пропускаем. Даже в «Правде» такого не было, только в «Московских новостях» и в «Огоньке». Например, написать о расстреле поляков в Катыни было можно, а вот о зверствах белополяков в 1920 году –

нельзя, о пакте Молотова-Риббентропа – можно, а о безвозмездной передаче «оккупированной» Литве Вильнюса и Клайпеды – нельзя» [12, С. 65].

Из приведенных фактов следует, что в 1986–1989 гг. публикации в СМИ, особенно знаковые, стратегические, не могли попадать на страницы печати и экраны телевидения без ведома высоких инстанций, в частности А. Н. Яковлева. Иными словами, историческая проблематика освещалась в СМИ не стихийно, не «снизу», а целенаправленно и по планам «сверху». Только к концу 1989 года, когда процесс дифференциации различных политических сил по отношению к перестройке обрёл публичный характер, СМИ стали отражать разные политические интересы и начали выходить из-под контроля союзной власти.

В июне 1990 года был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», позволявший СМИ не согласовывать свои позиции с руководством Союза, а в октябре 1991 года был ликвидирован и Главлит СССР.

Ситуация с гласностью была непростой: не все члены Политбюро и других инстанций одинаково относились к тем или иным ее проявлениям. Яковлев об этом писал так: «...за гласность надо было воевать порой тайно, прибегать к разным уловкам, иногда к примитивному вранью. Например, говорить, что тому или иному редактору сделано внушение, а на самом деле редактор даже не подозревал о том, что над его головой пронеслась гроза...» [17, С. 263]. Эти и другие факты свидетельствуют об управляемости процессом гласности, следовательно, о сознательном и «рукотворном» процессе переоценки истории советского прошлого, проходившей под руководством А.Н. Яковлева.

Была ли у этой переоценки концепция или руководство идеологией осуществлялось спонтанно? Читая книги-мемуары А. Н. Яковлева, можно сделать вывод о спланированном пересмотре советской истории, пусть и условной, но концепции

исторической политики (так сегодня назвали бы практику и политику в отношении публикаций на историческую тему). Яковлев, в частности, писал: «...группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще...» [16, С. 14]. Подтверждением этих слов служит наличие связи между реформами, проводимыми в течение перестройки, и актуализацией соответствующих им исторических тем советского прошлого с помощью СМИ. И не просто актуализация, а негативная оценка того, что делалось в советское время.

Первая тема, которая подверглась осуждению, – правление Л. И. Брежнева. Считается, что тон критике брежневского периода задал сам генеральный секретарь, упомянув о «некоторых недостатках в экономике и социальной сфере предшествовавшего периода» в выступлении на апрельском Пленуме ЦК КПСС (1985 г.). Он призвал преодолеть их путем «ускорения социально-экономического развития» страны, т. е. осуществить «рывок» в социально-экономической сфере [6, С. 8–10]. Идея «рывка» была противопоставлена им замедленному росту экономики в брежневский период, названному «застоем».

В политическом докладе на XXVII съезде КПСС (февраль – март 1986 года). Горбачев дал развернутую характеристику положению дел в экономике и развил тему «застоя». «Застой» сразу же начал «иллюстрироваться» художественными произведениями, появление которых на страницах «толстых журналов» до перестройки было практически невозможно. Так, в 1985–1986 гг. в печати появились повесть В. Распутина «Пожар» («Наш современник», 1985, № 7), романы В. Астафьева «Печальный детектив» («Октябрь», 1986, № 1) и «Плах» Ч. Айтматова («Новый

мир», 1986, № 6–9), в центре повествования которых – русская деревня, провинциальный город, и всюду – разруха, распад жизненных устоев. Лучшей эмоциональной картины «застоя» трудно было придумать.

Следующий этап реформ связан с январским Пленумом ЦК КПСС (1987 г.). В сделанном на нем докладе «О перестройке и кадровой политике партии» М. С. Горбачёв признал безуспешность политики «ускорения» и диагностировал наличие в советском обществе сложившихся в предшествующую эпоху «механизма торможения» и «коррозии власти» [9].

Способом преодоления этих качеств генсек объявил демократизацию общества и реформирование политической системы. Идеи январского пленума Яковлев оценил следующим образом: «В сущности, перестройка в изначальном ее смысле завершилась. Она не могла не завершиться, ибо уже в 1987–1988 годах практически встал вопрос о смене общественного уклада» [17, С. 587].

Критики брежневского периода советской истории было недостаточно для решения этого вопроса. Нужна была более масштабная кампания по осуждению советской системы с одновременным предложением альтернативного пути развития. В качестве решения первой задачи (осуждения советской системы) в исторической политике 1987–1988 гг. была использована стратегия десталинизации, начатая еще при Н. С. Хрущеве, но незавершенная и приостановленная при Л. И. Брежнев. У этой стратегии было много сторонников в кругах советской интеллигенции (так называемых шестидесятников). Вторая задача – найти альтернативный критикуемой системе вариант развития – решалась путем обращения к идеям «социалистического рынка», НЭПу времен позднего В. И. Ленина.

Процесс десталинизации стал центральным в ходе гласности и концептуальным в исторической политике советских реформаторов. Характерна в этой связи и позиция Горбачёва. 4 февраля 1986 года в

интервью газете «Юманите» на вопрос об отношении к сталинизму М. С. Горбачёв заявил: «...сталинизм – это понятие, придуманное на Западе противниками коммунизма и широко используемое для того, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом...» [10, С. 166].

А в начале 1987 года уже была запущена антисталинская кинолента грузинского режиссера Т. Абуладзе «Покаяние». Первый открытый показ «Покаяния» состоялся в Москве 26 января 1987 года, и ближайший сподвижник Горбачёва по реформам А. Н. Яковлев написал: «...я понимал, что выпуск фильма будет подобен сигнальной ракете, которая ознаменует поворот политического курса», «с выхода этой картины у нас меняется строй...» [8, С. 19]. Следом за показом этого фильма прокатилась волна публикаций антисталинской художественной литературы в толстых журналах, среди которых, так же как и фильм «Покаяние», знаковым стал роман А. Рыбакова «Дети Арбата», опубликованный в журнале «Дружба народов» в 1987 году. Его продвижением в публичный дискурс о сталинизме, что примечательно, стал помощник М. С. Горбачёва А. С. Черняев: «Нужно, нужно добиваться издания книги («Дети Арбата» – **Н. Е.**) во имя нашего нравственного здоровья... Думаю, подсунуть книгу Яковлеву, – в его новом качестве зав. отдела пропаганды ЦК. Посмотрим, каков он будет антисталинист, когда придется брать ответственность на себя... Это было бы чем-то вроде «морального XX съезда» – поставить на Сталине последнюю точку...» [15, С. 683].

Позднее Горбачёв также констатирует роль литературы в ходе начинавшейся антисталинской кампании: «Пробным камнем стали, пожалуй, романы Рыбакова «Дети Арбата», Дудинцева «Белые одежды», Бека «Новое назначение» [2, С. 322].

В итоге литературные произведения антисталинской тематики стали систематически публиковаться на страницах толстых журналов. В «Неве» печатается роман

В. Дудинцева «Белые одежды», в «Дружбе народов» – роман Ю. Трифонова «Исчезновение», в «Новом мире» – роман Д. Гранина «Зубр». Эти произведения открыли лавину «перестроечных» публикаций советских писателей.

Примечательно, что в январе 1987 года газета «Московские новости» опубликовала статью историка Ю. Н. Афанасьева «Энергия исторического знания». В ней автор охарактеризовал сталинский период советской истории как «казарменный социализм» и поставил вопрос о необходимости пересмотра всей советской истории [1].

В сентябре 1987 года была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. Ее предназначение было очевидно – придать массовый и законный характер реабилитации жертв сталинских репрессий.

В докладе, посвященном 70-летию Октябрьской революции, М. С. Горбачёв попытался сбалансировать оценки сталинского периода, но в целом в общественном дискурсе уже возобладала линия на осуждение не только Сталина, но и всей советской системы. «Начался новый виток разоблачения «культы личности Сталина», – писал А. Н. Яковлев, – но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущёв, а с чётким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна» [16, С. 14].

Логика проводимой десталинизации подталкивала читающую публику к выводу о несовершенстве советской политической системы. В феврале 1988 года на февральском Пленуме ЦК КПСС в докладе «Об идеологическом обеспечении перестройки», опубликованном под названием «Революционной перестройке – идеологию обновления», М. С. Горбачёв обосновал необходимость её (политической системы) реформы [13]. Летом 1988 года на XIX Всесоюзной партийной конференции идея этой реформы была одобрена.

В 1987 году в исторической политике союзной власти разрабатывалась и другая линия, обосновывающая реформы в области экономики. Из критики сталинизма и отрицательных оценок методов Сталина по свертыванию НЭПа в конце 1920-х гг. делался вывод об утраченной альтернативе сталинской индустриализации и коллективизации. Эта альтернатива связывалась с так называемой правой оппозицией (что было политически выгодно для реформаторов, так как они в своих идеях уже двигались по направлению рынка) и с именем репрессированного А. Н. Бухарина. «Бум» литературы о Бухарине пришелся на 1988 год и представлял собой перестроечный феномен. Параллельно с бухаринской темой в СМИ зазвучали голоса советских экономистов, которые в публицистической форме начали критику социализма, вызвав дискуссию о его сущностных чертах. Свои работы они основывали также на критике советского периода истории (в 1987–1988 гг. – сталинского), но в центре их внимания была социально-экономическая модель Советского государства. Первоначально ее реформирование связывали с идеями «социалистического рынка», о котором спорили экономисты еще во время дискуссий об экономических реформах в начале 1960-х гг.

В докладе на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачёв заговорил о продналоге, о заинтересованности производителей в результатах своего труда, что было отступлением от традиции не противопоставлять частное коллективному.

После съезда в «Московских новостях» (1986, № 48) была опубликована статья Л. Вознесенского «На пути к социалистическому рынку», положившая начало дискуссии о рыночном социализме как альтернативе развитого социализма.

Толчком к приговору советской экономической модели стала статья-рецензия экономиста Г. Х. Попова на роман А. Бека «Новое назначение», опубликованная в журнале «Наука и жизнь» (апрельский но-

мер 1987 года). В рецензии советская экономическая модель была охарактеризована как командно-административная система (с негативной коннотацией). Это определение было включено в новояз перестройки и стало широко использоваться, сохранившись до настоящего времени в исторической и экономической литературе. Термин так понравился реформаторам, что стал употребляться в качестве инструмента критики и демонтажа социалистических принципов экономики.

Что касается дискуссии о «социалистическом рынке», то она быстро свернулась, так как идея о том, что социализм может быть рыночным, сразу же подверглась яростной критике со стороны радикальной части дискурсантов. Так, в статье-заметке А. Попковой (псевдоним Л. Пияшевой) «Где пышнее пироги?» автор утверждала: «Либо план, либо рынок, либо директива, либо конкуренция». И далее: «...где больше рынка, там пышнее пироги» [11, С. 240].

В том же «Новом мире» публикуется статья Н. Шмелева «Авансы и долги», также отвергавшая идею «социалистического рынка». Главный вывод дискуссии – рынок не имеет прилагательного: он либо есть, либо его нет. Учитывая, что цензура продолжала существовать, было очевидно, что статьи (и сама дискуссия) санкционированы Отделом пропаганды ЦК КПСС, который возглавлял А. Н. Яковлев. Так фактически был, отвергнут социализм в том варианте, в котором он существовал до перестройки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение хотелось бы отметить, что накануне XIX Всесоюзной партийной конференции (28 июня – 1 июля 1988 г.) в издательстве «Прогресс» был подготовлен сборник статей под символическим названием «Иного не дано» [5]. В нем опубликовали свои представления о перестройке и ее перспективах экономисты, социологи, философы, историки. По сути, это был манифест радикальных (за редким исключе-

нием) сторонников отказа от социализма, ратовавших за кардинальные реформы либерального толка. Иного значит демократического обновления, в котором основные положения можно обозначить как политическую программу авторов сборника: 1) заменить экономику социализма на рыночную экономику; 2) разрушить тоталитарный политический режим и утвердить демократию западного образца. Если вчитаться в статьи этого сборника, явно обнаруживается апелляция к советскому историческому опыту, от которого отталкивались авторы в своих проектах преобразований.

На XIX Всесоюзной партийной конференции основные положения этого сборника были трансформированы в политические решения. Первый этап исторической политики в части десталинизации и развенчания социалистической экономики был завершен. Остальные публикации по этим темам, заполнившие прессу в 1989–1991 гг., лишь насыщали проблематику перестройки дополнительными материалами.

Следующий этап исторической политики времён гласности предполагал отказ от ленинского периода советской истории, т.е. разработку антиленинианы. Она началась в конце 1988 года и получила развитие в 1989–1990 гг.

Библиография /References:

1. Афанасьев Ю.Н. Энергия исторического знания // Московские новости. – 1987. – 11 января.
2. Горбачёв М.С. Жизнь и реформы: в 2-х кн.; Кн. 1. – М.: Новости, 1995. – 600 с.
3. Залыгин С. Заметки, не нуждающиеся в сюжете // Октябрь. – 2003 – № 9.
4. Земцов И.Г. Лица и маски: о времени и о себе: в 2-х книгах; Кн. 1. – М.: Терра-Книжный клуб, 2008. – 293 с.
5. Иного не дано: перестройка гласность, демократия, социализм: сборник / Ю.Н. Афанасьев, А.А. Протащик. – М.: Прогресс, 1988. – 674 с.

6. Материалы Пленума ЦК КПСС, 23 апреля 1985 года. – М.: Политиздат, 1985. – 31 с.
7. Ненашев М.Ф. Иллюзии свободы. Российские СМИ в эпоху перемен (1985–2009 гг.). – М.: Логос, 2010. – 320 с.
8. Новейшая история отечественного кино. Ч. 2. Кино и контекст. Т. IV. 1986–2000 гг. – СПб.: Сеанс, 2002. – 754 с.
9. О перестройке и кадровой политике партии. Доклад генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва // Правда. – 1987. – 28 января.
10. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. – М.: Крымский мост-9Д – Форум. – 2011. – 864 с.
11. Пияшева Л. Где пышнее пироги? // Новый мир. – 1987. – № 5.
12. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. – 512с.
13. Революционная перестройка – идеология обновления. Речь генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года // Правда. – 1988. – 19 февраля.
14. Сивов А.Н. Трансформация советских идеологических установок в работах А. Н. Яковлева в 1985–1991 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 468–482.
15. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. – М.: РОССПЭН, 2008. – 1048 с.
16. Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века (вступит. статья) // Куртуа С. и др. Чёрная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. Пер. с франц. – М.: Три века истории, 2001. – 846 с.
17. Яковлев А.Н. Омут памяти. – М.: Вагриус, 2000. – 604 с.
18. Яковлев А.Н. Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Материк, 2005. – 672 с.
1. Afanas'yev Y.N. (1987) Energiya istoricheskogo znaniya [Energy of historical knowledge] // Moskovskie novosti. – 11 yanvarya. (In Russ.).
2. Gorbachov M.S. (1995) Zhizn' i reformy [Life and reforms]: v 2-kh kn.; Kn.1. – M.: Novosti. – 600 s. (In Russ.).
3. Zalygin S. (2003) Zаметki, ne nu-zhdayushchiesya v syuzhete [Notes that do not need a plot] // Oktyabr'. – № 9. (In Russ.).
4. Zemtsov I.G. (2008) Litsa i maski: o vremeni i o sebe [Faces and masks: about time and about myself]: v 2-kh knigakh; Kn. 1. – M.: Terra-Knizhnyy klub. – 293 s. (In Russ.).
5. Inogo ne дано: perestrojka glasnost', demokratiya, sotsializm: sbornik [No other choice: perestrojka, glasnost, democracy, socialism: collection] / Y.N. Afanas'yev, A.A. Protashchik. – M.: Progress. 1988. – 674 s. (In Russ.).
6. Materialy Plenuma TSK KPSS, 23 aprelya 1985 goda [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, April 23, 1985]. – M.: Politizdat, 1985. – 31 s. (In Russ.).
7. Nenashev M.F. (2010) Illuzii svobody. Rossiyskiye SMI v epokhu peremen (1985–2009 gg.) [Illusions of freedom. Russian media in an era of change (1985–2009)]. – M.: Logos. – 320 s. (In Russ.).
8. Noveyshaya istoriya otechestvennogo kino. Ch. 2. Kino i kontekst. T. IV. 1986–2000 gg. [The latest history of Russian cinema. Part 2. Cinema and context. T. IV. 1986–2000]. – SPb.: Seans, 2002. – 754 s. (In Russ.).
9. O perestrojke i kadrovoy politike partii. Doklad General'nogo sekretarya TSK KPSS M.S. Gorbachova [On the restructuring and personnel policy of the party. Report of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU M.S. Gorbachev] // Pravda. – 1987. – 28 yanvarya. (In Russ.).
10. Ostrovskiy A.V. (2011) Glupost' ili izmena? Rassledovaniye gibeli SSSR [Stupidity or betrayal? Investigation of the death of the USSR]. – M.: Krymskiy most-9D – Forum. – 864 s. (In Russ.).

11. Piyasheva L. (1987) Gde pyshneye pi-rogi? [Where are the pies more magnificent?] // Novyy mir. – №5. (In Russ.). – 604 s. (In Russ.).
12. Poltoranin M.N. (2010) Vlast' v trotilo-vom ekvivalente. Naslediye tsarya Borisa [Power in TNT equivalent. The legacy of Tsar Boris]. – M.: Eksmo: Algoritm. – 512s. (In Russ.).
13. Revolyutsionnaya perestroyka – ideologiya obnovleniya. Rech' General'nogo sekretarya TSK KPSS M.S. Gorbachova na plenumе TSK KPSS 18 fevralya 1988 goda [Revolutionary restructuring – the ideology of renewal. Speech by the General Secretary of the Central Committee of the CPSU M.S. Gorbachev at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on February 18, 1988] // Pravda. – 1988. – 19 fevralya. (In Russ.).
14. Sivov A.N. (2020) Transformatsiya so-vetskikh ideologicheskikh ustanovok v rabo-takh A.N. Yakovleva v 1985-1991gg. [Transformation of Soviet ideological attitudes in the works of A.N. Yakovlev in 1985-1991] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. – T.19. – №2. – S. 468–482. (In Russ.).
15. Chernyayev A.S. (2008) Sovmestnyy iskhod. Dnevnik dvukh epokh. 1972–1991 gody [Chernyaev A.S. Joint outcome. Diary of two eras. 1972–1991]. – M.: ROSSPEN. – 1048 s. (In Russ.).
16. Yakovlev A.N. (2001) Bol'shevizm – sotsial'naya bolezn' XX veka (vstupit.stat'ya) [Bolshevism is a social disease of the 20th century (introduction article)] // Kurtua S. i dr. Chornaya kniga kommunizma. Prestupleniya. Terror. Repressii. Per. s frants [The Black Book of Communism. Crimes. Terror. Repression. Per. from French]. – M.: Tri veka istorii. – 846 s. (In Russ.).
17. Yakovlev A.N. (2000) Omut pamyati. Vagrius [Memory slug. Vagrius]. – M.: Vagrius.
18. Yakovlev A.N. (2005) Sumerki [Dust]. Izd. 2-ye, dop. i pererab. – M.: Materik. – 672 s. (In Russ.).

ЕЛИСЕЕВ Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru

ELISEEV A.L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru

КОМСОМОЛ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

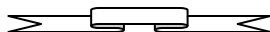
KOMSOMOL IN THE DEVELOPMENT OF NATIONAL ECONOMY

Аннотация. Основная цель статьи – заключается в анализе роли ВЛКСМ в осуществлении экономических преобразований в СССР во второй половине двадцатого столетия. В шестидесятые годы в стране начали осуществляться экономические реформы, направленные на использование экономических методов хозяйствования. Реформы являлись разумными практическими мерами, стимулирующие развитие промышленности и сельского хозяйства советского общества. Они подразумевали изменение изменения в структуре управления, в системе планирования, вводили новые экономические стимулы. Конечными итогами данного процесса должны были стать заинтересованность производителя как в общих, так и в индивидуальных итогах труда, появление взаимной материальной ответственности между хозяйствующими субъектами, развитие межхозяйственных связей, системы планирования.

Ключевые слова: комсомол, молодёжь, экономика, государство, реформы, трудовые коллективы, наставничество, социалистическое соревнование, конкурсы профессионального мастерства, движение за коммунистический труд, производительность труда.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the role of Komsomol in the implementation of economic transformations in the USSR in the second half of the 20th century. In the sixties, the economic reforms were begun. They were aimed at using economic management methods. The reforms were reasonable practical measures to stimulate the development of industry and agriculture in Soviet society. They implied changes in the management structure, in the planning system, introduced new economic incentives. As a result of the research, the author draws the conclusion that the results of this process in the end, the producer's interest in both general and individual labor results, the emergence of mutual financial responsibility between economic entities, the development of inter-economic relations, and planning systems should have appeared.

Keywords: komsomol, youth, economy, state, reforms, labor collectives, mentoring, socialist competition, professional skill competitions, movement for communist labor, labor productivity.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие экономики СССР в 60–80-е годы прошлого века протекало

достаточно успешно. Седьмой пятилетний план развития народно-хозяйственного комплекса страны выполнялся хотя и не совсем быстро, но неуклонно. С начала 60-

х годов стал отчетливо наблюдаться рост производительности труда. Однако такая ситуация не в полной мере устраивала руководство Советского государства. Поэтому в середине 60-х годов встал вопрос о необходимости проведения в стране экономических реформ. По мнению авторов экономических преобразований, необходимо было внедрять, прежде всего, экономические методы хозяйствования в экономику, уходя при этом от политических и административных методов регулирования в стране. Наряду с этим предстояло сокращать плановые значения для хозяйствующих субъектов, создавать на предприятиях фонды материального стимулирования, активно использовать кредитные механизмы для развития строительства новых предприятий и расширения уже существующих. При сокращении государственных плановых цифр для промышленности поощрялась практика, направленная на получение прибыли путем реализации произведенной продукции через принятие так называемых встречных планов. Промышленным предприятиям разрешалось развивать собственную материальную базу производства, а за счет прибыли заниматься жилищным и социально-культурным строительством для работников предприятий, наращивать премиальный фонд и т.д.¹

Большое внимание уделялось и развитию сельскохозяйственного производства. Это было обусловлено нарастающими кризисными явлениями в обеспечении населения страны продуктами питания. В данной сфере предполагалось повысить государственные цены на сельскохозяйственную продукцию, ввести надбавки за продукцию, поставленную в закрома роди-

¹ См.: Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства: Постановление ЦК КПСС от 29 сентября 1965 года // Постановления партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968., Т. 5. – С. 640–645.

ны сверх утвержденных плановых показателей, увеличить денежные вложения в деревню, развивать систему государственных закупок продукции у крестьянских домохозяйств и, наконец, стимулировать развитие личного подсобного крестьянского хозяйства.

В конечном итоге все эти преобразования должны были привести к росту общественного производства посредством стимулирования материального интереса.

Эти меры получили поддержку мартовского и сентябрьского пленумов ЦК КПСС, состоявшихся в 1965 году².

Проведение предусмотренных преобразований требовало и изменения системы управления народно-хозяйственным комплексом страны. В соответствии с законом 1965 года³ в стране были созданы отраслевые союзные и союзно-республиканские министерства. Изменилась и система планирования. Вместо валовых показателей вводились показатели по реализации продукции. Вводились новые экономические стимулы (менялась политика ценообразования, повышалась оплата труда и т. п.).

Однако в начале 70-х годов проведение реформы, вследствие забюрократизации этого процесса, существенно замедлилось. Новые идеи хозрасчета, развития инициативы на местах фактически были похоронены. В стране усилилась централизация управления, на первый план выходят вопросы, связанные с укреплением обороноспособности страны путем развития военно-промышленного комплекса, концентрации производства.

² См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. 765–786 ед. хр.; 787–805 ед. хр.; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. – М., 1986. – Т. 10.

³ Закон СССР от 2 октября 1965 года «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1965. – № 39. – С. 892–894.

НАПРАВЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ СТРАНЫ

Руководители страны сделали ставку в этих условиях на идеологические рычаги воздействия в экономической сфере. В стране стали массово создаваться бригады коммунистического труда, в состав которых включались погибшие в годы войны люди. Фактически это означало, что члены бригады должны были выполнять производственный план и за погибшего в военных действиях человека, и за себя, а его зарплата уходила государству. Широко практиковалось движение за встречный план, когда рабочие повсеместно брали на себя обязательства с большими цифровыми показателями, чем это предусматривалось утвержденными плановыми значениями. Позднее получила распространение практика встречных инициатив, аналогичная идее встречного плана. С одной стороны, это увеличивало объемы производства, а с другой – приводило к кризису перепроизводства, когда предложение значительно опережало спрос. Происходило определенное затоваривание некоторыми видами продукции отечественного рынка. Партия коммунистов и правительство страны всячески приветствовали и развивали зародившуюся на местах практику социалистического соревнования. Не оставались без внимания и другие новые формы организации производства – движение за коммунистический труд, бригадный подряд и т. п.

Главными застрельщиками всех этих начинаний являлись комсомольцы. Об этом напрямую говорилось в приветствии ЦК КПСС XV съезду комсомола в мае 1966 года: «комсомольцы заводов, фабрик, строек вместе с коммунистами выступают сегодня застрельщиками социалистического соревнования»¹, борются за

¹ XV съезд ВЛКСМ. 17–21 мая 1966 года. Стенографический отчет. – М.: Молодая гвардия, 1966. – С. 32.

коммунистический труд. При этом отмечалось, что проявлением лучших качеств молодого советского рабочего должна стать борьба за технический прогресс, экономное хозяйствование, повышение производительности труда, высокое качество продукции.

Достижение этой цели осуществлялось посредством комплексных планов, направленных на трудовое воспитание молодежи, ее трудовую деятельность. Сложилась система, в основе которой лежало заинтересованное отношение трудового коллектива к становлению молодых рабочих и специалистов. В те годы зародился новый социальный институт – наставничество, который пытаются возродить в настоящее время.

Проводимая в сфере производственных отношений политика зависела от деятельности государственных структур, которые осуществляли данную политику. При всем этом значение имело и их взаимодействие с политическими, общественными и негосударственными структурами.

Комсомол имел возможность принимать участие в управлении делами производства. Это было предначертано решениями высших органов страны. В постановлении, посвященном пятидесятилетию ВЛКСМ, отмечалось, что все общественные и государственные структуры должны заниматься вопросами профессиональной подготовки и труда молодежи. Эту деятельность необходимо осуществлять в тесном контакте с комитетами ВЛКСМ².

РОЛЬ КОМСОМОЛА В СТАНОВЛЕНИИ ИДЕОЛОГИИ СТРАНЫ

Эта тенденция берёт своё начало ещё

² О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи. Постановление ЦК КПСС от 1 октября 1968 года // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., испр. и доп. Т. 9. 1966–1968гг. – М., 1972. – С. 482–494.

в 20-х годах, когда стала складываться практика сотрудничества комсомола с государством. Лазарь Шацкин, выступая на III съезде РКСМ, отмечал: «Проведение каких-либо мер, касающихся молодёжи, через пролетарское государство возможно лишь тогда, когда сама молодёжь этим проявлением интересуется, сама подает инициативу...»¹. Комсомол вел работу в этом направлении по отстаиванию интересов молодёжи через своих представителей в государственных структурах, профсоюзных органах, советских учреждениях.

Исходя из своей роли в советском обществе, комсомол активно участвовал в реализации вопросов, касающихся жизнедеятельности трудовых коллективов, отстаивая при этом трудовые права молодёжи. Комсомол имел широкое представительство в общественных структурах на производстве.

Значительное место отводилось направлению молодёжи на работу путем проведения общественных призывов. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР² 1984 года ЦК ВЛКСМ по согласованию с заинтересованными сторонами получил возможность составлять перечень ударных комсомольскихстроек, за счет общественного призыва комплектовать их трудовыми ресурсами. Если министерства и ведомства не могли подготовиться к приему рабочей силы, то ЦК ВЛКСМ имел право прекратить или приостановить направление рабочих по общественному призыву.

Данная практика помогала совместить взаимные интересы молодёжи, комсомола, коммунистической партии и государства. Молодёжь имела возможность овладеть

новой специальностью, получить работу и, соответственно, проявить свои трудовые способности. Государство, в свою очередь, получало трудовую силу, которую могло использовать на самых сложных объектах. Комсомол выступал в этом случае своеобразным посредником между молодёжью и государством.

Так в сентябре 1964 года секретариат ЦК ВЛКСМ рассмотрел вопрос об участии комсомольцев во всесоюзных ударных стройках химии³. В постановлении секретариата было отмечено, что молодёжь страны горячо откликнулась на призыв пополнить ряды энтузиастов химического строительства. Одиннадцать тысяч молодых энтузиастов уже выехали на химические новостройки Архангельской, Иркутской, Куйбышевской, Мурманской, Саратовской областей, Башкирии, Карелии, Татарии. Более 80 тыс. студентов трудились во время летних каникул в коллективах строителей большой химии. Благодаря этому уже было введено в строй 50 химических производств, в том числе 20 по выпуску минеральных удобрений. Секретариат призывал не ослаблять внимание и помощь молодёжным коллективам всехстроек комсомола. Необходимо было еще построить в текущем году 72 объекта по производству минеральных удобрений, сырья для них и химических средств защиты растений. В основе активного участия молодых строителей за выполнение и перевыполнение плановых заданий должно быть хорошо организованное социалистическое соревнование, в основе которого лежит высокая организация труда, повышение качества строительства, улучшение использования строительных машин и механизмов, выполнение графиков строительно-монтажных работ, чёткое, бесперебойное материально-техническое снабжение строящихся объектов. Был поддержан

¹ III съезд РКСМ. Доклад Л. Шацкина «О программе союза» // Задумаемся, сопоставим, сверим. – М., 1988. – С. 9–10.

² О мерах по дальнейшему совершенствованию организованного набора рабочих и общественного призыва молодёжи. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 27 сентября 1984 г. СП СССР. 1984. Л. 35. Ст. 190.

³ Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь – декабрь 1964 г.). – М.: Молодая гвардия, 1965. – С. 245–253.

патриотический почин молодых строителей Уфы и Салавата, развернувших соревнование за досрочный ввод в действие важнейших объектов химии под лозунгом «Выиграть за смену час, за неделю – день, за год – месяц».

Также в сентябре 1964 года секретариат ЦК ВЛКСМ одобрил инициативу комсомольских организаций, молодых механизаторов строительства химических предприятий Белоруссии по использованию строительных машин и механизмов¹. В документе отмечалось, что сокращение простоя машин, механизмов и оборудования, более совершенная организация труда, удлинение межремонтных сроков, хороший уход за вверенной техникой, повышение технических знаний и квалификации позволили многим механизаторам успешно выполнять производственные задания, добиваться высокой производительности труда. Согласованность в работе автотранспорта, комплектная поставка на строительные объекты сборного железобетона и строительных материалов позволили максимально загрузить механизмы во вторую и третью смены, что условно равносильно увеличению машинного парка в 1,5–2 раза. На работах, где нельзя применять крупные механизмы, внедрялись средства малой механизации, что значительно повысило производительность труда, дополнительно высвободило людские ресурсы.

Наряду с этим представители комсомола активно участвовали в деятельности созданных в 1981 году комиссий по труду. С помощью этих структур они получили дополнительные возможности по трудоустройству молодежи. До этого с 1966 года эту деятельность они осуществляли в рамках работы комиссий по трудоустройству. Комсомольские активисты регулировали прием молодежи на имеющиеся вакансии

на производстве, осуществляли контроль за соблюдением бронирования мест на предприятиях для молодых рабочих со стороны администрации и т. д.²

Представители комсомола входили и в межведомственный методический совет, занимающийся вопросами профориентации молодежи.

Главное внимание уделялось непосредственной работе на производстве. Для повышения производительности труда комсомольские органы разворачивали на массовой основе трудовое соревнование. Такая организация позволяла проявлять творческую инициативу, самостоятельность молодых людей. Это позволяло молодежи достигать высоких показателей в труде, делая свой труд более эффективным. Комсомольцы нередко выступали инициаторами новых патриотических начинаний, которые вели к повышению эффективности общественного производства.

Вторая половина прошлого столетия изобилует примерами трудовых новаций молодежи, получивших массовое развитие в повседневной трудовой практике.

В конце пятидесятых годов в стране широкое распространение получила акция «Всесоюзная комсомольская копилка», направленная на привлечение комсомольцев и молодежи к участию в борьбе за экономию и бережливость металла, материалов, сырья, топлива, электроэнергии. Как отмечалось в постановлении секретариата ЦК ВЛКСМ от 11 апреля 1958 года, во «Всесоюзной комсомольской копилке» насчитывается 5 млрд. 344 млн. 200 тыс. рублей. Только в преддверии XIII съезда ВЛКСМ было сэкономлено около 2,3 млрд. руб. государственных средств. При этом

¹ Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь – декабрь 1964 г.). – М.: Молодая гвардия, 1965. – С. 232–236.

² О мероприятиях по расширению обучения и устройству на работу в народное хозяйство молодежи, оканчивающей общеобразовательные школы в 1966 году. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 83 от 2 февраля 1966 г. СП СССР. 1966. № 3. Ст. 26.

руководство комсомола призывало и дальше продолжать начатое и встретить очередную годовщину Ленинского комсомола новыми миллиардами сэкономленных государственных средств¹.

В октябре 1958 года по инициативе передовых рабочих депо Москва-Сортировочная зародилось движение ударников коммунистического труда. Участники движения выступали за широкое внедрение в народное хозяйство страны новых достижений науки и техники, лучшего производственного опыта. В ходе соревнования за коммунистический труд в стране возникли и получили широкое развитие многие новые формы технического творчества рабочих, инженеров и техников.

В постановлении Президиума ВЦСПС и Бюро ЦК ВЛКСМ от 11 октября 1963 года² отмечалось, что за 5 лет своего развития движение за коммунистический труд превратилось в огромную созидательную силу, способствующую росту экономики страны, успешному выполнению плана семилетки. Аналогичные решения принимались и в отдельных регионах Советского государства. Так, 24 февраля 1966 года обком ВЛКСМ Коми АССР рассмотрел вопрос о работе Ухтинской городской комсомольской организации по выполнению обязательств по достойной встрече 50-летия советской власти. В январе 1966 года Ухтинский горком ВЛКСМ разработал условия социалистического соревнования комсомольско-молодёжных коллективов за право называться бригадами имени 50-летия советской власти. В городе функционирует 120 молодёжных коллективов из комсомольцев, 65 – участвуют в движении за коммунистическое отношение к труду. Более 2 тыс. получили звание ударника коммунистического труда, среди них

1200 комсомольцев. Две тысячи юношей и девушек работают в организациях народного контроля и «Комсомольского прожектора»³.

Перед молодёжью ставилась задача как можно активнее участвовать в этом движении, достигать наивысшей производительности труда, вести борьбу за технический прогресс, повышать качество продукции и рентабельность производства, выявлять и более активно использовать резервы, добиваться успешного выполнения народно-хозяйственных планов в промышленности, строительстве, транспорте, сельском хозяйстве.

Широкий отклик у советской молодёжи получила инициатива комсомольцев Ленинграда по выполнению заданий семилетнего плана развития экономики (1959–1965 гг.) за 5 лет. Во всех трудовых коллективах страны эта инициатива была одобрена, фактически она стала обязательной для советской молодёжи. Это стало возможным благодаря широко развернувшейся агитационно-пропагандистской работе со стороны партийных и комсомольских органов. Трудовые коллективы провели экономические и технологические расчеты по достижению поставленных целей. В конечном итоге определялось, что должен сделать каждый молодой работник для выполнения плановых показателей семилетки в пять лет. Повсеместно принимались планы по развитию технического прогресса. Как показал опыт реализации семилетки, личные планы технического прогресса стали решающим условием повышения производительности труда.

Не осталась без внимания и инициатива подмосковных комсомольцев, предложивших создать за счет сверхплановой экономии электроэнергии «Комсомольскую электростанцию семилетки», условной мощностью 125 млн. киловатт-часов электроэнергии в год. ЦК комсомола одобрил эту инициативу, призвав всех комсомоль-

¹ РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2422. Л. 5–6.

² Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь – декабрь 1963 г.). – М.: Молодая гвардия, 1964. – С. 383–385.

³ ПАКО. Ф. 70. Оп. 8. Д. 108. Л. 17–19.

цев участвовать в создании за счёт экономии электроэнергии «Всесоюзной комсомольской электростанции семилетки». Создать ее планировалось за счёт строгого соблюдения технологической дисциплины на производстве, обеспечения выгодных режимов работы технологического и энергетического оборудования, содержания в исправном состоянии агрегатов, электроустановок, осветительных устройств и коммуникаций. При этом комсомольские комитеты должны были взять шефство над созданием новых типов высокопроизводительного и экономичного оборудования, над внедрением в производство полупроводников, снижающих расход электроэнергии, новых технологических процессов, различных типов терморегуляторов, автоматических выключателей, новых изоляционных, светотехнических, магнитных и других материалов¹.

Аналогичные инициативы появлялись и в агропромышленном комплексе страны. Можно отметить движение молодёжи в Одесской области «За технический прогресс в сельском хозяйстве». В качестве конкретной задачи предлагалось направить усилия молодых механизаторов на развитие скоростных методов работы в полеводстве. Организация на селе движения механизаторов-скоростников, применивших повышенные скорости, позволила значительно повысить сменную выработку на трактор, уплотнить рабочий день механизаторов, снизить себестоимость обработки каждого гектара. Как отмечалось в совместном постановлении Бюро ЦК ВЛКСМ и Коллегии Министерства сельского хозяйства СССР от 20 сентября 1960 года², применение повышенных скоростей дало возможность в более короткие

сроки провести обработку пропашных культур на высоком агротехническом уровне, а двухсменная работа механизаторов-скоростников позволила ежедневно высвобождать для других работ в целом по Одесской области 650 тракторов.

Сельским механизаторам большую помощь оказывали рационализаторы и изобретатели. Учитывая, что работа на повышенных скоростях требует роста квалификации и мастерства трактористов, во многих колхозах и совхозах по инициативе знатного механизатора, Героя Социалистического Труда Л. Кушко были организованы технические школы по изучению передовых методов работы.

Сельскохозяйственные органы совместно с комсомольскими структурами организовали социалистическое соревнование механизаторов-скоростников, проводили большую разъяснительную работу среди механизаторов, пропагандируя передовой опыт, привлекли к этой деятельности ученых, специалистов и передовиков производства. С целью распространения этого опыта в Казахстане Одесский обком комсомола направил группу лучших механизаторов-скоростников в новые совхозы Акмолинской области.

В 1961 году комсомольские организации страны поддержали акцию молодёжи Москвы (комсомольцев карбюраторного завода, кондитерской фабрики «Ударница», завода железобетонных изделий № 4 Октябрьского района) по достойной встрече XXII съезда КПСС путем развертывания соревнования за личный трудовой подарок съезду партии. В цехах, на участках были заведены «книги трудовых подарков», в которые каждый молодой производитель записывал свое личное обязательство. В постановлении Бюро ЦК ВЛКСМ от 10 мая 1961 года³ отмечалось, что это патриотическое начинание подхватили

¹ Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь 1958г. – январь 1960 г.). – М.: Молодая гвардия, 1960. – С.546–549.

² Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь – декабрь 1960 г.). – М.: Молодая гвардия, 1961. – С.322–328.

³ Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь – декабрь 1961 г.). – М.: Молодая гвардия, 1962. – С.133–138.

тысячи юношей и девушек Москвы. Необходимо и дальше развивать это движение, вовлекая в него всех комсомольцев, молодых тружеников города и села. Следует направлять усилия молодежи на более полное изыскание и использование резервов во всех отраслях народного хозяйства, на борьбу с потерями, бесхозяйственностью, недостатками в организации труда.

Движение за коммунистический труд стало проявлением стремления советской молодежи внести свой непосредственный вклад в развитие экономики страны, в укрепление мощи первого пролетарского государства. И таких молодых тружеников в стране насчитывалось более 11 млн. человек.

Наиболее ярко выразила позицию молодежи в этом вопросе известный новатор того времени Валентина Гаганова, отмечавшая, что нужно двигаться вперед, дружить с передовой наукой и техникой. Именно она первой выступила с новой инициативой по переходу новаторов производства на отстающие участки производства с целью подтягивания отстающих производственных коллективов до уровня передовых.

Эта инициатива не осталась незамеченной, и благодаря пропагандистской работе комсомольских и профсоюзных органов она вскоре стала новым массовым движением. Молодые люди, проявляя свою сознательность, не взирая на собственные интересы, бескорыстно переходили на самые трудные участки, стремясь своим примером и трудом ускорить темпы развития производства.

Интересен в этом отношении опыт завода «Ростсельмаш» по развитию соревнования среди участников движения за коммунистический труд. Работники завода включились в соревнование с 1963 года. При этом вся комсомольская организация завода, состоящая из семи тысяч членов ВЛКСМ, участвовала в этом движении. В результате две трети комсомольско-молодёжных бригад стали коллективами

коммунистического труда. На заводе широкое распространение получили общественные формы организации труда и управления производством. В отдельных комсомольско-молодёжных коллективах обязанности мастера поочередно выполняет каждый член бригады. Мастеров избирают общие бригадные собрания. Многие комсомольцы участвуют в общественных конструкторских бюро, бюро экономического анализа, нормирования, технической информации, в общественных отделах кадров. В каждом цехе действуют советы ударников коммунистического труда, а их работу координирует заводской совет. На заводе во время общественных смотров бригады и ударники коммунистического труда отчитываются о своей трудовой и общественной деятельности. Весь коллектив участка или цеха оценивает их работу и решает вопрос о подтверждении (сохранении) звания. Многие участники соревнования за коммунистический труд вели при этом большую общественную работу вне завода, помогая в воспитании подрастающего поколения, в добровольной охране общественного порядка и т. д.

Опыт комсомольцев завода «Ростсельмаш» был рассмотрен и одобрен на заседании ЦК ВЛКСМ 15 декабря 1964 года¹. В постановлении ЦК отмечалось, что комитету комсомола и впредь необходимо обогащать накопленный опыт, добиваться, чтобы каждый молодой труженик стал активным участником движения за коммунистический труд, за повышение производительности труда, за использование резервов на каждом рабочем месте, за улучшение качества и повышение надежности изделий. Необходимо оказывать всестороннюю помощь молодым производственникам в учебе, обеспечивать им возможность успешного сочетания работы с занятиями в школах, техникумах, инсти-

¹ Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь – декабрь 1964 г.). – М.: Молодая гвардия, 1965. – С.325–329.

тутах. Должны развиваться и такие формы учебы, как школы коммунистического труда, народные университеты, школы общественных профессий и т. п.

В ходе работы XVI съезда ВЛКСМ¹ (май 1970 года) отмечалось, что необходимо продолжить работу по развитию движения за коммунистический труд, привлекать к нему новые отряды молодёжи, повышать эффективность моральных и материальных стимулов соревнования. Коллективы коммунистического труда должны были стать своеобразными школами коммунистического воспитания молодых тружеников, их опыт необходимо внимательно изучать и делать достоянием других производственных коллективов. Комитетам комсомола следовало добиваться того, чтобы все участники этого движения на личном примере показывали, как можно достичь высоких показателей в труде и в повышении культурно-технического уровня.

На IX пленуме ЦК ВЛКСМ (4 февраля 1970 года)² вновь отмечали необходимость повышения эффективности общественного производства, внедрения в народное хозяйство достижений науки и техники. Для этого следовало всемерно направлять инициативу молодых тружеников на практическое участие в осуществлении научно-технического прогресса, экономических реформ. Предполагалось повысить роль комсомольских штабов по новой технике, отрядов технического творчества молодёжи, советов молодых специалистов, инициативных групп и бригад НОТ.

В то же время предлагалось ускорить процессы создания новой техники, шире внедрять достижения науки и передового опыта в промышленное и сельскохозяйственное производство. В этом должны были помочь, прежде всего, комсомоль-

ские организации научно-исследовательских институтов, проектных и конструкторских организаций. Не должны были оставаться в стороне и комсомольцы высших и средних специальных учебных заведений. Им вменялось развивать научное и техническое творчество, укреплять связь с промышленными предприятиями, колхозами и совхозами, расширять участие студентов в выполнении хозяйственных и госбюджетных тематик кафедр и планов научных исследований.

Комитеты комсомола не должны были забывать о работе по трудовому воспитанию школьников, по подготовке достойного пополнения рабочего класса и колхозного крестьянства. Ставились задачи по улучшению пропаганды среди учащихся рабочих профессий, развитию технического творчества, вовлечению школьников в технические кружки, лаборатории, ученические производственные бригады. Шефские предприятия через свои комсомольские организации должны были оказывать конкретную помощь школам в проведении этой работы.

Большое влияние на развитие научно-технического творчества молодёжи оказала инициатива комсомольской организации Московского автомобильного завода имени Лихачева по развертыванию массового движения за ускорение темпов научно-технического прогресса. В ходе всесоюзного смотра «Пятилетке – мастерство и поиск молодёжи» молодые рационализаторы завода внесли 928 предложений, из которых 628 сразу стали использовать в производстве. Экономический эффект от внедрения этих предложений составил 64 тыс. рублей. При этом молодые рационализаторы взяли на себя новые обязательства, согласно которым они должны были внести ещё около 400 предложений, экономический эффект от внедрения которых должен был составить не менее 40 тыс. рублей³.

¹ XVI съезд ВЛКСМ. 26–30 мая 1970 года. Стенографический отчёт. – М.: Молодая гвардия, 1971. – С. 338–343.

² Документы ЦК ВЛКСМ. 1970. – М.: Молодая гвардия. 1971. С. 3–7.

³ Комсомол и социалистическое соревнование. Сборник документов и материалов 1918–1981 гг. – М.,

ЦК ВЛКСМ, рассматривая инициативу комсомольцев-автостроителей, отмечал, что большую роль в решении вопросов развития технического творчества молодёжи, ее участия в научно-техническом прогрессе отводится совету молодых специалистов. Совет помогает молодым инженерам быстро осваивать производство, овладевать современными научно-техническими знаниями, привлекает их к рационализаторской работе, участию во внедрении новой техники и передовой технологии, выявлению и использованию резервов производства, творческому содружеству с молодыми рабочими. Все 243 молодых специалиста предприятия имеют личные творческие планы-задания. На заводе в ряде цехов и отделов созданы и активно действуют кружки технической пропаганды, школы молодых рационализаторов. Молодые инженеры и экономисты завода не остались в стороне от формирования экономических школ и кружков, деятельность которых направлена на овладение молодыми рабочими экономическими знаниями, умением считать производственные затраты, экономно расходовать материалы¹.

Комсомольцы завода «Электросталь» выступили инициаторами создания «Комсомольского фонда экономии» с целью проведения в марте 1971 года комсомольских плавков на сэкономленных материалах и электроэнергии на всех электроплавильных печах. Для этого юноши и девушки предприятия подготовили проекты личных обязательств о возможностях использования резервов производства, о дальнейшем повышении профессионального и технического мастерства. Отмечая работу молодых металлургов, Бюро ЦК ВЛКСМ указывал на то, что в каждом коллективе должен жить дух ударничества, новаторства, стремления молодёжи быть

на самых трудных и ответственных участках производства².

В эти годы начали организовываться соревнования за качество производимой продукции, общественные смотры качества выпускаемой продукции. Повсеместно возникла система общественных контрольных органов, включавшая в себя инспекции качества, контрольные посты, общественные отделы технического контроля и т. д. В принимаемых личных и коллективных обязательствах, встречных планах вопросы повышения качества выпускаемой продукции выходили на первое место.

Борьба за качество продукции превратилась для молодёжи в повседневную деятельность. Она принимала разнообразные формы и методы и позволяла молодым гражданам чувствовать себя хозяевами своей страны.

Широкое распространение в стране получило движение наставничества, направленное на адаптацию молодых работников в трудовых коллективах, их трудовое и нравственное воспитание, рост профессионального мастерства. Наиболее опытные работники брали на себя обязательство по обучению сразу нескольких молодых рабочих. На предприятиях стали создаваться советы наставников.

Появление современного института наставничества можно отнести к 1964 году. Это связано с инициативой ленинградских рабочих-электросиловцев по развитию на предприятии наставничества. Эта идея всколыхнула рабочих на многих предприятиях города, да и за его пределами. Наставники не только обучали молодёжь рабочей профессии, но и занимались воспитательной работой с молодёжью. Эта инициатива была поддержана на самом высоком уровне.

1981. – С. 211.

¹ Документы ЦК ВЛКСМ. 1970. – М.: Молодая гвардия, 1971. – С. 303–310.

² Документы ЦК ВЛКСМ. 1970. – М.: Молодая гвардия, 1971. – С. 303–310.

В целом институт наставничества сыграл положительную роль в деле получения молодёжью профессиональных знаний и овладения ими профессиональными навыками.

Вопросы производительности труда также находились в центре внимания комсомольских органов. Хотя эти вопросы напрямую не затрагивали основные направления деятельности комсомола как общественной организации, однако комсомол являлся выразителем интересов молодого поколения советских людей, призванным заботиться об их обучении и воспитании, поэтому комсомол рассматривал и эти вопросы.

По всей стране массово проводились конкурсы профессионального мастерства. Молодые рабочие разных профессий, представляющие различные отрасли народного хозяйства, регулярно участвовали в таких соревнованиях. Вначале проводились областные и республиканские конкурсы, а их победители уже участвовали во всесоюзных конкурсах в Москве.

В постановлении секретариата ЦК ВЛКСМ от 3 апреля 1968 года¹ отмечалось, что среди молодых рабочих широко развернулось соревнование по профессиям, на многих предприятиях в городах, областях и республиках страны прошли конкурсы мастерства. Благодаря активной работе комитетов комсомола в подобные конкурсы удалось вовлечь тысячи молодых рабочих ведущих профессий. Помощь в проведении таких соревнований оказывали кадровые рабочие, хозяйственные и профсоюзные органы. При этом на предприятиях, где проходили конкурсы мастерства, возрастало профессиональное умение молодых рабочих, повышалась производительность труда, укреплялась трудовая дисциплина. Приемы работы победителей становились предметом изучения,

служили основой для создания школ передового опыта. Можно было отметить живой интерес у молодых людей к участию в таких соревнованиях, что способствовало росту их активности в борьбе за достижение наивысшей производительности труда, а также становилось эффективной формой воспитания подрастающего поколения.

25 декабря 1968 года VI пленум ЦК ВЛКСМ² утвердил план мероприятий по достойной встрече столетия со дня рождения В.И. Ленина. В этом документе ставилась задача перед комитетами комсомола предприятий транспорта, строек, колхозов и совхозов, сферы обслуживания, райкомами регулярно проводить конкурсы профессионального мастерства на звание лучшего в своей профессии, совместно с министерствами и ЦК профсоюзов организовывать отраслевые конкурсы на звание лучшего молодого рабочего.

XVI съезд ВЛКСМ³ выступил за всемерное развитие такой эффективной формы трудового соревнования, как конкурсы профессионального мастерства, расширять круг профессий, по которым они проводятся. Наряду с этим необходимо создавать школы передового опыта для участников конкурсов, проводить тематические выставки технической литературы, прогрессивного инструмента и приспособлений, непосредственно на рабочих местах организовывать изучение передовых методов труда победителей. Также отмечалось, чтобы заводским конкурсам предшествовали трудовые состязания молодёжи в масштабах смены, участка, цеха.

Всё это способствовало общественному признанию мастерства молодых тружеников, подчеркивало важность рабочих профессий, развивало у юношей и деву-

¹ Документы ЦК ВЛКСМ. 1968. – М.: Молодая гвардия, 1968. – С.220–221.

² Документы ЦК ВЛКСМ. 1968г. – М.: Молодая гвардия, 1968. – С. 10–17.

³ XVI съезд ВЛКСМ. 26–30 мая 1970 г. Стенографический отчёт. – М.: Молодая гвардия, 1971. – С. 338–343.

шек чувство гордости за принадлежность к рабочему классу.

Исключительное значение имело движение научно-технического творчества молодёжи (НТТМ), зародившееся в 1968 году. За два десятилетия это движение стало поистине массовым. В восьмидесятых годах прошлого века в нем ежегодно принимало участие около 20 млн юношей и девушек страны. Комсомол превратил его в широкое общественное движение. Эффект от этого движения для страны был существенен.

Однако к началу 1970-х гг. процесс реформирования экономических отношений в стране фактически прекратился. Во многом это было связано с особенностями политического устройства, с господствовавшими методами административно-командного управления экономическими процессами. Начался процесс активной централизации управления. С учетом международной обстановки все свободные средства начиная с 1972 года стали уходить в военно-промышленный комплекс страны. Идеи хозрасчета и развития местной инициативы оказались невостребованными и фактически были похоронены. Для успешного продолжения процесса реформирования требовались новые подходы. Однако правящая элита не хотела, да и не могла отказаться от привычных, устоявшихся методов управления. Всё это в конечном итоге привело к свертыванию преобразований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно отметить, что комсомол сделал очень много для того, чтобы поднять молодёжь на решение грандиозных задач строительства нового социалистического общества в нашей стране. При этом он зачастую выходил за рамки молодёжной общественной организации. В те годы комсомолу приходилось заниматься не совсем свойственными ему делами, хозяйственным строительством. Он выполнял часть

функций государственных органов. Неудивительно в этом отношении, что еще в 1958 году XIII съезд ВЛКСМ взял курс на хозяйственное строительство¹. В целом молодёжь и комсомол совершали поистине грандиозные дела. Многие из того, что делалось ими в те годы, можно позаимствовать и в наши дни.

Библиография /References:

1. Героический путь Ленинского комсомола: События. Факты. Цифры / Е.Ф. Артемьев. – М.: ВКШ, 1980. – 376 с.

2. Елисеев А.Л., Леонова О.В. Комсомол как проводник государственной молодёжной политики Советского государства // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – Т.9. – № 3. – С. 32–42.

3. Криворученко В.К., Пеньковский Д.Д. Комсомолу – девяносто. В поисках истины его истории. – М.: Издательство НИПКЦ «Восход-А», 2008. – 472 с.

4. Ручкин Б.А. Молодёжь и общество: уроки истории: сб. науч. трудов / сост. А.Б. Ручкин. – М.: Центр «ГРИНТ», 2016. – 224 с.

5. Тяжельников Е.М. Союз молодых ленинцев. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1980. – 367 с.

1. Geroicheskiy put' Leninskogo komсомola: Sobytiya. Fakty. Tsifry [The heroic path of the Lenin Komsomol: Events. Data. Figures] / E.F. Artem'yev. – M.: VKSH, 1980. – 376s. (In Russ.).

2. Yeliseyev A.L., Leonova O.V. (2020) Komsomol kak provodnik gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Sovetskogo gosudarstva [Komsomol as a conductor of the state youth policy of the Soviet state] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.9. – №3. – S.32–42.

¹ XIII съезд ВЛКСМ. 15 – 18 апреля 1958 г. Стенографический отчет. М. Молодая гвардия. 1959. 353 с.

(In Russ.).

3. Krivoruchenko V.K., Pen'kovskiy D.D. (2008) Komsomolu devyanosto. V poiskakh istiny yego istorii [Komsomol ninety. In search of the truth of his story]. – M.: Izdatel'stvo NIPKTS «Voskhod-A». – 472s. (In Russ.).

4. Ruchkin B.A. (2016) Molodozh' i obshchestvo: uroki istorii: sb. nauch. Trudov [Youth and Society: History Lessons: Sat. scientific works] / sost. A.B. Ruchkin. – M.: Tsentr «GRINT». – 224s. (In Russ.).

5. Tyazhel'nikov E.M. (1980) Soyuz molodykh lenintsev [Union of Young Leninists]. – 2-ye izd., dop. – M.: Politizdat. – 367s. (In Russ.).

ПОЛУХИН Олег Вячеславович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: polukhin_ov@mail.ru

POLUKHIN O.V., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: polukhin_ov@mail.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДА ДЕШКИНА И ДЕШКИНСКОГО УЕЗДА
(ОТ ОСНОВАНИЯ ДО СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ)**

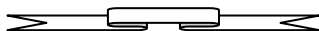
**THE HISTORY OF THE CITY OF DESHKIN AND DESHKIN COUNTY
(FROM THE FOUNDATION TO THE PRESENT SITUATION)**

Аннотация. Цель статьи – анализ особенностей становления города Дешкина и Дешкинского уезда от основания до современного положения. Автор исследует историю административно-территориальных единиц Орловской губернии – Дешкинского уезда и его административного центра – города Дешкина, субъектов, образованных в результате губернской реформы Екатерины II и упраздненных в ходе губернской реформы Павла I. Значительное внимание уделено истории образования и становления уезда и его столицы. Исследовано положение административно-территориальных единиц в губернской системе, и проанализированы причины ликвидации.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, Орловская губерния, наместничество, Дешкинский уезд, город Дешкин.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the features of the formation of the city of Deshkin and Deshkin county from the foundation to the present situation. The author explores the history of the administrative-territorial units of Orel province – Deshkin county and its administrative center, the city of Deshkin. This entity was formed as a result of the provincial reform of Catherine II and abolished during the provincial reform of Paul I. Much attention is given to the history of the formation and creation of the county and its capital. As a result of the research, the author gives the reasons for the abolition of the administrative-territorial unit in the provincial system.

Keywords: administrative-territorial division, Orel province, vicegerency, Deshkin county, city of Deshkin.

ВВЕДЕНИЕ

В 1775 году в Российской империи правительством Екатерины II была проведена реформа местного управления, в ходе которой были разукрупнены существовавшие на тот период 23 губернии. Основными целями проведенной губернской реформы служили укрепление местной власти для пресечения восстаний и волнений кре-

стьянских масс, построение четкой вертикали власти, упорядочение системы налогообложения. Начало реформе было положено изданием Указа императрицы Екатерины II от 7 ноября 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», которым изменялся принцип административного разделения губерний.

Согласно новому закону губернии, теперь формировались по принципу численности населения, способного платить налоги. Так, в примерном штате предлагалась численность губернии от 300 000 до 400 000 душ, а в уезде или округе – от 20 000 до 30 000 душ¹. В ходе реформы было образовано 50 губерний, а низшей единицей губернии стал уезд.

Предметом данного исследования является установление причин, почему в окончательном утверждении территории Орловского наместничества в его составе появился тринадцатый уезд и почему им стал Дешкинский уезд с административным центром – городом Дешкином. Особое внимание в этом контексте заслуживает рассмотрение истории образования Дешкинского уезда Орловской губернии, который, в отличие от других уездов губернии, был сформирован заново и по истечении сравнительно небольшого периода времени был упразднен. Таким образом, проведя исследование образования Дешкинского уезда и его упразднения в дальнейшем, можно понять на конкретном примере принципы реформирования административно-территориального деления государства, в частности, в ходе как разукрупнительной губернской реформы Екатерины II, так и укрупнительной губернской реформы Павла I.

Именным указом императрицы Екатерины II, данным сенату, от 28 февраля 1778 года² «Об учреждении Орловской губернии» положено начало образованию новой административно-территориальной единицы. На основании указа Орловская губерния была образована. В ней было 12 уездов. Руководство губернии было поручено князю Николаю Васильевичу Репнину, которому необходимо было совершить объезд территории губернии с целью уста-

новления окончательного количества уездов.

После состоявшегося указа князь Николай Васильевич Репнин совершил объезд Орловской губернии, где осмотрел на месте территорию вновь образованной губернии и сделал выводы о количественном составе уездов и их центров. После объезда губернии императрице был представлен доклад, на основании которого с некоторыми поправками и уточнениями в окончательном виде на законодательном уровне указом от 5 сентября 1778 года было учреждено Орловское наместничество. Наместничество разделялось на 13 уездов: Орловский, Болховский, Брянский, Дешкинский, Елецкий, Карачевский, Кромской, Ливенский, Луганский, Малоархангельский, Мценский, Севский, Трубчевский [8, С. 317]. Вследствие этого указа дворцовое село Лугань и два села ведомства коллегии экономии – Дешкино и Архангельское – стали городами с переименованием последнего в город Малый Архангельск³.

СТАНОВЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Из архивных документов следует, что уезды Орловского наместничества были образованы следующим образом: Орловский из Орловского; Севский из Севского и Брянского; Елецкий из Елецкого и прежде существовавшего Чернавского; Карачевский из Карачевского, Кромского и Брянского; Брянский из прежнего Брянского; Кромской из Кромского и Орловского; Мценский из Мценского и Орловского; Болховский из Болховского, Карачевского, Орловского и Мценского; Трубчевский из Трубчевского, Брянского и Севского; Ливенский из Ливенского и Чернавского; Лу-

¹ ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. XX. Ст. 14392. – С. 229–232.

² Здесь и далее все даты до 1917 года указаны по старому стилю.

³ ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. XX. Ст. 14794. – С. 744–745.

ганский, переименованный в Дмитровский, из Карачевского, Севского, Кромского и Брянского; Дешкинский из Мценского, Орловского и Болховского; Малоархангельский из Орловского, Мценского и Ливенского уездов [18, Л. 3 об. – 4].

Необходимо отметить, что неслучайно в окончательной редакции указа об образовании Орловского наместничества появился Дешкинский уезд со своим административным центром – городом Дешкином. Само по себе географическое положение уезда и его центра в концепции «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» предполагало образование новой административно-территориальной единицы в этом месте. В связи с указанным обстоятельством следует провести исследование будущего административного центра во времени.

Точное время образования селения неизвестно. Поэтому по поводу В. М. Неделин предполагает, что деревня возникла еще во второй половине XVI в., когда эта территория входила в состав Белёвского уезда и под защитой крепостей Мценска и недавно основанных Болхова и Орла началось освоение опустевших земель в верховьях р. Оки. При этом селение обезлюдело в годы Смуты – в период 1604–1612 гг. [12, С. 404].

Действительно, данное предположение подтверждается записями из Писцовых книг Белёвского уезда Василия Афанасьевича Ознобишина и подьячего Андрея Галкина (1628–1631), проанализировав содержание которых, можно сделать вывод, что изначально на р. Оке, в районе Долгого болота, было образовано селение, получившее название от своего расположения – слободка под Долгим болотом. Название небольшого поселения отражало как статус поселения (слободка – «небольшое поселение со свободным, некрепостным населением»), так и природные особенности местности – большое, обширное болото, возле которого появилось селение, – яркая примета. Название болота – Долгое

– вместе с термином вошло в состав ойконима [14, С. 137]. Через некоторое время селение получило новый статус и наименование – деревня Дешкино. Ойконим Дешкино образован от личного неканонического мужского имени Деша, бытовавшего в XV – XVI вв., от него квалитатив Дешка, а от него фамилия Дешкин (в документе XVII в. Дешкино, хотя на месте «ж» произносился глухой согласный [ш]; это написание и стало официальным, современным): «Деша Никита, крестьянин, 1462; Иван Григорьевич Вельяминов, вторая половина XVI в.; Иван Ширяев... и Назар Малгин Дешины, 1626 г., Можайск» [2, С. 96].

В Писцовых книгах 1628–1631 гг. в Руцком стане, в примерных землях, что примерно сверх помещичьих дач, имеется запись: «...№ 34. Жеребей деревни Дешкиной, что бывала слабодка пад Долгим Болотом, на реке на Оке, пуст, ...а в приправочных книгах письма и дозору Афонасья Толочанова да подьячего Добрыни Русанова 124 (1616 г.) написано та земля за Васильем Кузминым сыном Безобразова несправясь, а по новому письму и мере та земля сыскана сверх его Васильевы дачи» [9, С. 458–460].

Через некоторое время местность у р. Оки, недалеко запустевшей д. Дешкиной вновь заселяется. Из тех же Писцовых книг Белёвского уезда становится понятно, что д. Дешкина Руцкого стана принадлежала нескольким владельцам. В вотчинной грамоте указано, что стольнику Василию Кузьмичу Безобразову по государственной грамоте царя Михаила Фёдоровича от 1623 года пожаловано поместье его отца, жеребей в д. Дешкиной, что была слободка под Долгим болотом с пустошами, владение которым было подтверждено в Приправочной книге 1616 года. Вторым владельцем селения несколько позже стал Пётр Иванович Юшков, который имел в своей половине деревни двор приказчика и людские дворы, записано это поместье было по государевой грамоте царя Михаи-

ла Фёдоровича в 1622 году [9, С. 418–420, 438–441, 494–497].

Здесь необходимо отметить, что современное селение расположилось немного выше по течению р. Оки от исторического места, об этом находим подтверждение в описании г. Дешкина и его уезда к генеральному плану, которое состоялось в конце XVIII в., вероятно, в период 1779–1787 гг. Это описание в дальнейшем вошло в Экономические примечания Дешкинского уезда. В описании указана запустевшая дача – *пустошь Старая Дешкина, что под Долгим болотом*, принадлежащая Наталье Михайловне и ее сыну Николаю Михайловичу Мацневым. Запустевшая дача находилась на левых берегах реки Оки и речки Безнежья и по обе стороны большой столбовой дороги, лежащей из города Дешкина в город Мценск [5, Л. 66 об.].

В первой половине XVII столетия д. Дешкина была окружена с южной и северо-западной сторон вотчинными землями Брянского Свенского Успенского монастыря, к которому относились: село Студенниково¹ на р. Козелене под Большим Кулутинским лесом, в котором находилась деревянная церковь во имя Успенья Пресвятой Богородицы, деревня Выскребенцева, а Сонинское, Боркова тож² на речке Смородинке, деревня Протировская, Дешкина тож³ на р. Любовже. Всего за монастырем числилось одно село, три деревни и две пустоши [9, С. 494–497].

Через некоторое время, вероятно, в середине XVII века, селение полностью перешло в духовное ведомство, а именно в ведение Брянского Свенского монастыря.

¹ Современное с. Студенниково Мценского района Орловской области.

² Современная д. Сонино Мценского района Орловской области.

³ В настоящее время не существует, в последнее время называлась д. Малое Дежкино. 28 июля 1998 д. Малое Дежкино исключена из числа селений Тельченского сельсовета Мценского района Орловской области [1, 426].

После перехода селения под юрисдикцию духовного ведомства, в нём была построена деревянная Дмитриевская церковь с такой же колокольней, в результате статус селения изменился – деревня стала сельцом.

В Списке селений Севского разряда на 1678 год в вотчинах духовенства Руцкого стана Белёвского уезда упоминается сельцо Дешкино [3, С. 229]. Необходимо отметить, что, исходя из географического положения, это была самая дальняя вотчина монастыря. По Переписным книгам 1678 года в вотчинах Брянского Свенского Успенского монастыря, в Руцком стане Белёвского уезда числились село и шесть деревень, в их числе: с. Студенниково с Успенской церковью, д. Тинкова, д. Дешкина, д. Мокрая Слободка (поселена после Переписных книг), д. Сонино, д. Дубовая, д. Коленева [10, С. 218].

В 1708 году в результате Петровской губернской реформы селение в составе Белёвского уезда вошло вначале в состав Смоленской губернии, но, по росписи господина Голицына, Белёв с уездом был приписан к Киевской губернии⁴. По генеральной ведомости переписи 1710 года Белёвский уезд уже числился в составе Киевской губернии [11, С. 49–53].

Указом Петра I от 29 мая 1719 года «Об устройстве губерний и об определении в оныя правителей» в губерниях были образованы провинции. В Киевской губернии было образовано четыре провинции, в том числе Орловская, в состав которой вошли города: Орёл, Мценск, Новосиль, Чернь, Белёв, Болхов⁵.

1 марта 1727 года в результате разукрупнения Киевской губернии была образована Белгородская губерния, в состав которой были включены Белгородская, Севская и Орловская провинции [7, С. 107–109].

⁴ ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. IV. Ст. 2218. – С. 437–438.

⁵ ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. V. Ст. 3380. – С. 701–706.

На рукописной карте территории Белёва Белгородской губернии 1724–1729 годов картографа Ивана Хрущова на левом берегу р. Оки указано с. Дешкино с церковью¹.

В. М. Неделин, описывая село в начале XVIII века, указывает, что к «приезду монахов» был построен монастырский двор, составленный из келий и жилых горниц. Также были возведены хозяйственные постройки: 6 житниц, 2 погреба, ледник, баня, поварня и другие строения для ведения монастырского хозяйства [12, С. 407–408].

В 1737 году в с. Дешкино взамен обветшавшей деревянной церкви наместником Новопечерского Свенского монастыря² Варсонофием был построен красивой художественной работы деревянный храм и освящён во имя Дмитрия Солунского чудотворца [19, Л. 44].

Согласно Именному указу, данному сенату, от 11 октября 1764 года «Об учинении губернаторам, каждому в своей губернии расписания о приписных городах и о всех уездах, и об определении с какой властью Комиссарства, Магистраты и Ратуши остаться должны» в Орловской провинции Белгородской губернии, так же как и раньше, по штату числилось 5 городов с уездами: Мценск, Новосиль, Чернь, Белёв, Болхов³.

В октябре 1772 года в с. Дешкино Белёвского уезда Орловской провинции Белгородской губернии было образовано Деш-

кинское соляное комиссарство [16, Л. 3]. В результате размещения в селе государственного учреждения, отвечающего за регулярное снабжение солью населения региона, селение приобрело важное экономическое положение в той местности.

Следующим важным этапом в истории с. Дешкино является его «разрыв» с Белёвским уездом в административно-территориальном устройстве. 19 сентября 1777 года было образовано Тульское наместничество, куда было указано передать 8000 душ из Мценского уезда. В результате данной реорганизации города Белёв, Новосиль и Чернь были переданы из Орловской провинции в состав Тульского наместничества. При этом 5000 душ Белёвского уезда и 3000 душ Новосильского уезда были оставлены в составе Орловской провинции⁴. Таким образом, с. Дешкино было оставлено в составе Орловской провинции, а затем вошло в Орловское наместничество.

Существовавшие в селе пристань, соляное комиссарство, кузница, достаточное количество людей в округе, а также, возможно, какие-то свои субъективные обстоятельства послужили причинами того, что князь Н. В. Репнин после объезда территорий Орловского наместничества рекомендовал императрице Екатерине II преобразовать старинное село в город Дешкин с образованием вокруг него одноимённого уезда, полагая, что этот город имеет огромный экономический потенциал.

Губернская реформа Екатерины II стала поводом для образования новых административно-территориальных единиц. Именно такими вновь образованными единицами на территории Орловского наместничества стали город Дешкин с Дешкинским уездом. В связи с указанным обстоятельством к новому уезду и его административному центру стало проявляться большое внимание. Только что образован-

¹ Territoire de Belev / [par Ivan Krouchtchov] – Режим доступа:

<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55002970p.r=Carte%20du%20territoire%20de%20Belev?rk=21459;2>, свободный – (26.09.2020).

² 28 марта 1681 года царь Фёдор Алексеевич послушной грамотой приписал Свенский монастырь к Киево-Печерской лавре. В 1682 г. по царской жалованной грамоте монастырь окончательно был передан Киево-Печерской лавре и стал называться Новопечерским Свенским монастырем [Сайт Свенского монастыря].

³ ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. XVI. Ст. 12259. – С. 926–932.

⁴ ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. XX. Ст. 14652. – С. 553–554.

ные административные единицы стали изучать и описывать, благодаря чему имеется некоторое представление о них.

21 января 1779 года было открыто Орловское наместничество. Присутственные места в уездах необходимо было открыть к 1 февраля¹. Однако к указанной дате в Дешкине не были открыты нижняя расправа и магистрат [15, С. 13].

Сложная ситуация в уездном городе была не только с обустройством присутственных мест, но и с размещением чиновников вновь образованного административного центра. Например, городничий Сухотин с семьей был вынужден пользоваться съемным жильем, равно как и чиновничий аппарат города [15, С. 194–195].

14 марта 1780 года был утвержден план г. Дешкина. По данному плану предполагалось засыпать овраг, были установлены места для церкви, торговых лавок, присутственных мест, кузниц и других казенных строений. Границы города рекомендовалось обнести валом и рвом².

16 августа 1781 года высочайше утвержден герб г. Дешкина. В верхней части изображался герб Орловский губернии, а в нижней – «летающий ястреб, в голубом поле, по причине той, что сего рода птиц в окрестностях сего города весьма много»³.

После того как с. Дешкино приняло статус уездного города, к нему присоединили земли Орловской казенной палаты крестьян, которая была отмежевана к городу. В результате этого объединения земель территория города увеличилась. В описании к генеральному плану города Дешкина и его уезда, составленном в период с 1779 по 1787 год, находим описание уездного центра на тот период: «Город Дешкин, что прежде было село; сей город по опробо-

ванному Ея Императорского Величества учрежден в 178 году назначен вновь, и положение свое имеет на берегу реки Аки по течению её на левой стороне, с расстоянием от Москвы 306 верст, та река против онаго селения в мелких местах, в летнее, жаркое время глубиною бывает в два аршина, шириною 20 сажень, в ней рыба щуки, окуни, плотва, гальцы и пескари, которая по уловлению употребляется для обиходу тех жителей и на продажу, вода для употреблении людей и скота здорова, по реке Оке бывает судовая ход...<...>...в том городе церковь деревянная во имя Димитрия Селунского, а по недавнему учреждению, присутственных мест не построено, а расположены на случаи в обывательских домах, казенной питеиною дом один, соляной анбар для клажи казенной соли один, кузница одна, во оном городе купечества и мещанства не имеется; число дворов 53, по ревизии: 167 душ мужеска и 164 женска, на лицо: 209 мужеска и 213 женска; под поселением города 56 десятин, неудобной 2 десятины 2280 сажень» [5, Л. 1 – 1 об.].

Также в городской округе значились с. Студенниково и деревни: Сотникова, Малая Дешкина, Дубовая, Калинева, Тимкова, а также земля бывшего владения Свенского Брянского монастыря, что была ведомства коллегии экономии крестьян. Итого в городской округе с учетом указанных сёл и деревень числилось 225 дворов, в них, по ревизии, 770 душ мужского пола и 757 женского, налицо – 1079 мужчин и 1071 женщина; под поселением городской округи числилось земли 4262 десятины 1614 сажень [5, Л. 1 об. – 4 об.].

Что касается статистических данных по Дешкинскому уезду, то в указанный период времени на момент описания, по ревизии⁴, числилось: 6777 дворов, 26 316 душ мужского пола и 25 034 души женского пола, налицо – 32 508 мужчин и 30 758 женщин;

¹ ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. XX. Ст. 14844. – С. 793.

² ПСЗРИ. Собрание Первое. Книга чертежей и рисунков (планы городов). – С. 226.

³ ПСЗРИ. Собрание первое. Книга чертежей и рисунков (рисунки гербам городов). – С. 61.

⁴ Вероятно, речь идет о ревизии 1782.

числилось земли – 160 876 десятин 1553 сажени. Всего в Дешкинском уезде с городом, по ревизии, числилось: 7002 двора, 27 086 душ мужского пола и 25 791 душа женского пола, налицо – 33 587 мужчин и 31 829 женщин; числилось земли – 165 139 десятин 827 сажень [5, Л. 634].

Между тем сенатским указом от 12 декабря 1779 года в ведомстве Главной соляной конторы было ликвидировано Дешкинское соляное комиссарство, учрежденное в 1772 году, с передачей полномочий Казенной палате Орловского наместничества¹.

Необходимо отметить, что с ликвидацией соляного комиссарства сразу возникли проблемы с обеспечением солью в некоторых городах Орловского наместничества, на что обратил внимание генерал-губернатор князь Н. В. Репнин и был вынужден внести ряд предложений вице-губернатору по обеспечению солью в субъекте [15, С. 50–55].

Несмотря на закрытие важного экономического объекта, развитие города продолжалось. Следующим этапом развития стало увеличение численности населения за счет прибывания городских сословий – купцов и мещан. Связано это обстоятельство было с тем, что в поддержку вновь учрежденных городов Орловского наместничества от генерал-губернатора Н. В. Репнина поступили рекомендации. В этих рекомендациях указывалось, что вновь учрежденные города, в том числе дворцовое село Лугань и коллегии экономии² – села Дешкино и Архангельское, по своему внешнему виду не отличались от обычного села, поэтому предлагалось вложение инвестиций в торговые предпри-

ятия за счет купечества. В этой связи в купцы указанных городов принимались жители других городов и сёл, а также одноворцы, ямщики и экономические крестьяне, которые, помимо сельскохозяйственных работ, занимались торговлей. При этом разрешение касалось только новых городов, в старых городах запрещалось приписывать в купечество [15, С. 188–190].

В 1779 году по указу II Департамента Орловского губернского магистрата в г. Дешкин были приписаны мещане из Болхова, в их числе: Никита Иванович Игнатов, Семён Семёнов, Степан Семёнович Семёнов, Григорий Семёнов, Степан Петров, Аким Григорьевич Федотов [6, Л. 2 об. – 3 об.].

В 1780 году по указу Орловского наместнического правления в г. Дешкин, относившийся к ведомству Мценского городского магистрата, были приписаны купцы: Афанасий Васильевич Измайлов, Иван Алексеевич Таповский, Федот Сабуров, Федот Михайлов, Василий Федотов, Николай Федотов. Всего числилось 7 душ мужского пола и 8 душ женского пола [6, Л. 1 об. – 2].

В 1782 году в Дешкинское мещанство из поляков были приписаны Петр Алексеевич Ставецкий и Лазарь Андреев, а из малороссиян – Пётр и Антон Михайловичи Дробные. Всего числилось мещан: 24 души мужского пола и 29 душ женского пола [6, Л. 4 об.].

Прибыль населения из числа экономических крестьян усматривается из анализа итогов 4-й ревизии населения, в г. Дешкине, которая проводилась 30 апреля 1782 года. Согласно данным этой ревизии в Дешкине состояло экономических крестьян в 1763 году 165 душ мужского пола, 128 душ женского пола; в 1782 год – 238 душ мужского пола, 230 душ женского пола [6, Л. 45–70].

В топографическом описании Орловского наместничества, состоявшегося в 1787 году, имеется описание города и

¹ ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. XX. Ст. 14954. – С.891.

² Коллегия экономии заведовала имениями, отобранными в результате реформы у духовных лиц и монастырей. Село Дешкино принадлежало Брянскому Свенскому монастырю, а затем перешло в Киево-Печерскую лавру.

уезда: «...город Дешкин лежит под 53 градусом и 11 минутой северной широты, под 54 градусом долготы, на левом берегу реки Оки, ниже губернского города Орла в 50 верстах и сидит на изрядном и ровном месте. Учрежден он городом в 1778 году, а до того было село Белевского уезда, принадлежащее Брянскому Свенскому монастырю, а потом было под ведомством коллегии Экономии, имеет одну деревянную изрядной работы церковь во имя Дмитрия Чудотворца Селунского построенную в 1737 году строителем Ворсонофием. Знаменито оно было тем, что тут же река Ока становится глубже и всякия суда ходят во всякое время без всякой другой помощи, также и запасными соляными магазинами, ибо до сего вела все суда солью нагруженные на волке тянутыя в верх ею и потом Окою рекою и дошед до сего места выгружают, а оттуда уже сухим путем разводится в прочие города бывшей Белгородской губернии и для лучшаго в том споспешествования в 1773 году учреждено тут соляное комисарство.

Дворов в нём 64, жителей мужеска пола 230 душ. Жители его большою частью упражняются в земледелии, ловле рыбы и ходят на судах вниз по Оке реке до Москвы, а иногда и Нижнего Новгорода.

Занимает своим строением длиною на 325, а шириною 75 сажень¹.

Присутственные места: уездный суд, дворянская опека, нижний земский суд, правление городническое и казначейское кой по образу Всевысочайшаго учреждения изданнаго в 7 день ноября 1775 год, открыты здесь в 1779 году февраля 1 дня правления Советником господином бригадиром Шеншиним.

В городе и уезде ярмонок и торгов не бывает, а града жители нужное для домов и содержания себя получают из города Мценска, которой расстоянием от

Дешкина в 15 верстах.

В городе протекает река, как уже и выше сказано, Ока, которая замерзает в ноябре и декабре, а вскрывается в марте и апреле.

Вышняя новоднения бывают не так велики, толко река выходит из берегов, а обывательскаго строения не поднимается.

Уезд же его граничит с соседственными городами здешняго наместничества Мценским, Орловским, Болховским и Тульским наместничеством от коих здешний город отстоит от Мценска в 15, Болхова – 30, Орла – 50 верстах.

В уезде его сеют хлеб озимой рожь и пшеницу в августе, с полей снимают в июле яровой; пшеницу, овес, горох, ячмень, а в большом количестве конопляное семя, а несколько и просо в апреле и мае; а убирают его в гумна в августе и сентябре урожай бывает средственной; однако ж земледелец награждается за его труды и за расходом своим продают, но большою частью конопляное семя и избытия его зделанную пеньку, а от сего и получает главный свой доход на зарплату в казну податей помещику оброку и на домашния надобности.

Скот водят в довольном количестве лошадей, коров, овец, коз, и свиней; птиц: гусей, уток, кур индейских и русских.

Лес растет дуб, береза, осина, ясень и прочей мелкой в нем водятся звери: волки, лисицы, зайцы.

Птицы налетают разных родов утки, вороны, сороки, галки, тетерева, куропатки и мелкия птицы.

В уезде протекают реки: Ока, Зуша, Орлик, Орлица, Щучья, Неполоть, Мезина, Густовор, Моховица, Цветынь, Каменка, Кутма, Нугрь, Березуй, в них ловится рыба: сомы, щуки, головли, налимы, шерестеры, плотва, окуни, пискари, гальцы, караси, лини, вьюны, стерледи.

В городе и уезде никаких гор нет, а только не большия.

Жители же как в городе, так и уезде

¹ Т. е. 692,25x159,75 м.

Грекокафолического исповедания» [19, Л. 45–46].

Однако городу не удалось получить своего должного развития: в результате укрупнительной губернской реформы Павла I Дешкин и его уезд были упразднены. В декабре 1796 года распределение селений было поручено местной губернской власти. В течение марта – апреля 1797 года Дешкинский уезд был ликвидирован, его территория была распределена между соседними уездами. Сам г. Дешкин утратил свой статус и стал с. Дмитриевское, Дешкино тож Мценского уезда. Преобразованное село получило свое наименование по храму, что было обычным явлением в тот период.

30 января 1797 года во исполнение указа Правительствующего сената в Орловской губернии приведен новый штат городов. Из предложенных к уничтожению городов Дешкин, Малоархангельск, Дмитровск и Кромы губернатор, учитывая экономическое положение и развитие, просил оставить лишь город Дмитровск. В марте – апреле 1797 года Дешкинский уезд и его административный центр были упразднены, территория уезда была разделена между соседними Болховским, Мценским и Орловским уездами, г. Дешкин вошел в состав Мценского уезда и потерял свой высокий статус. Город стал селом, при этом воспринял конфессиональное наименование – Дмитриевское, Дешкино тож [4, С. 122–123, 132].

Последнее упоминание о городе находим в Экономических примечаниях Мценского уезда Орловской губернии, составленных после 1797 года, где указано, что *упразднённый город Дешкин владения этого города купцов, мещан и экономических крестьян*. В городе тогда существовала деревянная Дмитриевская церковь, по ревизии 1795 года, числилось 126 дворов, в них: 659 душ мужского пола и 536 – женского пола [17, Л. 84].

В дальнейшем село стало уменьшаться. За первую половину XIX века селение

уменьшилось практически на треть. В Списке населенных мест Мценского уезда за 1866 год в 3-м стане упоминается казенное и владельческое село Дмитриевское (Дешкино, Ново-Дмитриевское) при р. Оке, с православной церковью, в котором числилось 43 двора, в них – 214 мужчин и 222 женщины¹. Здесь указано ещё одно название селения – Ново-Дмитриевское, в XIX веке обычно такую номинацию давали после построения нового храма либо генеральной реконструкции старого. Вероятно, это обстоятельство связано с тем, что накануне в селе был построен новый каменный храм.

Каменный, просторный, холодный храм с такой же колокольней в селе был построен на средства церковного старосты – государственного крестьянина, числившегося временным купцом, И. Г. Орлова [13, С. 965–966].

Во второй половине XIX века село еще является значимым для уезда. В 1877 году бывшее государственное с. Дешкино (Дмитриевское) при р. Оке являлось важнейшим селением Тельчинской волости Мценского уезда, в котором находилась православная церковь².

К 1895 году в с. Дежкино церковным старостой были приобретены два дома, в одном разместился благочинный священник, во втором была организована церковно-приходская школа. На тот период причт храма был двухчленным, числилось около 700 приходских душ. Необходимо отметить, что в конце XIX столетия в селе, помимо каменного Дмитриевского храма, находилась старая, ветхая деревянная церковь с колокольней, построенная мона-

¹ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб.: Издательство Центрального статистического ком. Мин внутр. дел, 1861–1885 гг. Выпуск XXIX: Орловская губерния: ...по сведениям на 1866 год / обраб. Н. Штигицом. – 1871. – С. 175.

² Волости и важнейшие селения Европейской России. – Вып. 1. – СПб, 1880. – С. 238.

хами Брянского Свенского монастыря [13, С. 965–966].

19 мая 1924 года Мценский уезд в губернии был упразднен, его территория разделена между двумя соседними уездами – Болховским и Орловским. В свою очередь, Тельчинская волость была включена в состав Болховского уезда [1, С. 23]. В Списке населенных мест Болховского уезда на 1927 год в Тельчинской волости упоминается с. Дежкино на р. Оке Пашеньковского сельсовета, в котором находились школа I ступени и пункт ликвидации неграмотности, числилось 90 хозяйств с 431 жителем, из них: 187 – мужского пола и 244 – женского пола¹. 14 мая 1928 года была образована Центрально-Чернозёмная область с центром в г. Воронеже. 16 июля 1928 года утвержден состав округов Центрально-Чернозёмной области, в том числе Орловский, куда полностью вошел Болховский уезд.

30 июля 1928 года в составе Орловского округа Центрально-Чернозёмной области образован Мценский район с центром в г. Мценске. В состав образованного района передана из Мценской волости в числе других территория Пашеньковского сельсовета.

На 1 января 1932 года Пашеньковский сельсовет в составе Мценского района уже не упоминается, но значится Тельченский сельсовет. В Списке населенных мест Мценского района на 1932 год с. Большая Дешкино упоминается в составе Тельченского сельсовета с 428 жителями². Указание в названии селения «Большая» имеет оппозицию существовавшей в той местности д. Малая Дешкино. В связи с административно-территориальной реформой 1935 года в составе Курской области образован Тельченский (Тельчинский) район. 15 марта 1956 года Тельчинский район упразднен, его территория включена в состав Мценско-

го района Орловской области [1, С. 219–221, 427]. На момент переписи 2010 года в д. Дежкино жителей не числилось. В настоящее время, по данным Тельченского сельского поселения Мценского района Орловской области, по состоянию на ноябрь 2021 года в деревне числится 16 зарегистрированных жителей, а также 5 дачных хозяйств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на примере формирования и развития г. Дешкина с уездом чётко просматривается взаимосвязь истории этого образования с историей России, начиная с момента основания селения и до его практического исчезновения с геополитической карты Российской Федерации. Возникновение этого субъекта связано с освоением новых земель служилыми людьми в период освоения верхнеокских земель между крепостями Мценском и Белёвом, после основания Орла и Болхова. Не обошли стороной события Смутного времени, в период которого селение пришло в запустение. В дальнейшем территория получила свое развитие, когда попала в сферу влияния духовного ведомства, Брянский Свенский монастырь образовал свою самую отдаленную вотчину в Белёвском уезде по соседству с поместными землями служилых людей. В XVIII веке наличие пристани и использование речного пути как транспортной артерии в торговых целях, секуляция церковных земель и размещение соляного комиссарства дали новый импульс развитию Дешкина. Пик своего развития селение, получило в результате губернской реформы Екатерины II, когда село стало городом и к нему был прикреплен одноименный уезд. Во вновь образованном городе стали появляться присутственные места и казенные учреждения, увеличилась численность населения. На этом восхождение Дешкина заканчивается. В конце 1780 года в Дешкине ликвидируется соляное комиссарство,

¹ Список населенных мест Орловской губернии. – Вып. 2: Болховский уезд. – Орёл, 1927. – С. 88–89.

² Районы ЦЧО: Краткий справочник. – Воронеж, 1932. – С. 126.

как результат, теряется коммерческий интерес к этому субъекту. В 1796 году в результате укрупнительной губернской реформы Павла I город Дешкин потерял свой статус. Город и уезд были упразднены, город стал селом Мценского уезда, а территория уезда разделена между соседними уездами. В качестве причин упразднения города с уездом необходимо указать на то, что, находясь между экономически более развитыми городами Болховом, Мценском и Орлом, город Дешкин не выдержал конкуренции. Дальнейшее вложение средств в административно-территориальную единицу не представляло экономических перспектив.

В середине XIX века село еще являлось важнейшим селением Тельченской волости Мценского уезда Орловской губернии. В ходе административно-территориальных реформ XX века село переходило из одного субъекта в другой, при этом теряя свое значимое положение. Сложная демографическая ситуация и отток людей, связанный с отсутствием развитой инфраструктуры, привели к запустению села – некогда уездного города Дешкина. Тем не менее, учитывая последние сведения, жизнь в селение возвращается.

Библиография/References:

1. Административно-территориальное деление Орловской области 1928–2011 гг.: Справочник: В 2 т. – Т. 1 / БУОО «Государственный архив Орловской области». – Орёл: Картуш, 2014. – 428 с.
2. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Издательство «Наука», 1974. – 384 с.
3. Водарский Я.Е. Территория и население Севского разряда во второй половине XVII – начале XVIII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. – М., 1974. – 311 с.
4. Государственный архив Орловской области. Ф. 592. Оп. 1. Д. 24.
5. Государственный архив Орловской области. Ф. 592. Оп. 1. Д. 1600.
6. Государственный архив Орловской области. Ф. 760. Оп. 1. Д. 69.
7. Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1913. – 492 с.
8. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. – М., 1902. XII. – 378 с.
9. Елагин Н. Белёвская вивлиофика. Собрание древних памятников истории Белёва и Белёвского уезда. Т. 1. – М.: Издатель Н. Елагин, 1858. – 528 с.
10. Замысловский Е.Е. Извлечения из Переписных книг. Издание Археографической комиссии. Выпуск Первый. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1888. – 314 с.
11. Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения. (1678–1721 гг.). Т. 1. – СПб., 1911. – 435 с.
12. Неделин В.М. Древние города земли Орловской. XVII – VIII века: История. Архитектура. Жизнь и быт. – Орёл: Вешние воды, 2012. – 560 с.
13. Орловская духовная консистория // Орловские епархиальные ведомости. – 1895. – № 33. – С. 953–984.
14. Полухин О.В., Майорова Т.В. Историко-топонимический словарь Мценского уезда. – Издательский дом «Орлик», 2019. – 544 с.
15. Пупарев А. Орловская старина. Исторические сведения об Орловской губернии из архивов. Том 1 // Орловские губернские ведомости. – 1872.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 355. Оп. 1. Описание местных соляных учреждений России в XVIII в.
17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1005.
18. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18901.
19. Российский государственный воен-

но-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д.18903.

1. Administrativno-territorial'noye deleniye Orlovskoy oblasti 1928–2011gg. [Administrative-territorial division of the Oryol region 1928–2011]: Spravochnik: V2t. – T.1 / BUOO «Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti». – Orol: Kartush, 2014. – 428s. (In Russ.).

2. Veselovskiy S.B. (1974) Onomastikon. Drevnerusskiye imena, prozvizhcha i familii [Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka». – 384s. (In Russ.).

3. Vodarskiy Y.E. (1974) Territoriya i naseleniye Sevskogo razryada vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIIIvv. [Territory and population of the Sevsky category in the second half of the 17th - early 18th centuries] // Voprosy istorii khozyaystva i naseleniya Rossii v XVIIv. – M. – 311s. (In Russ.).

4. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State archive of the Oryol region]. F. 592. Op.1. D.24. (In Russ.).

5. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 592. Op.1. D.1600. (In Russ.).

6. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 760. Op.1. D.69. (In Russ.).

7. Got'ye Y. (1913) Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II [History of regional administration in Russia from Peter I to Catherine]. T.I. – M.: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. – 492 s. (In Russ.).

8. Den V.E. (1902) Naseleniye Rossii po pyatoy revizii. Podushnaya podat' v XVIII veke i statistika naseleniya v kontse XVIII veka [The population of Russia according to the fifth revision. Poll tax in the 18th century and population statistics at the end of the 18th century]. – M. XII. – 378 s. (In Russ.).

9. Yelagin N. (1858) Belovskaya Vivliofika. Sobraniye drevnikh pamyatnikov istorii Belova i Belovskogo uyezda [Belevskaya Vivliofika. Collection of ancient historical monuments of Belev and Belev district]. T.1. – M.: Izdatel' N. Yelagin. – 528 s. (In Russ.).

10. Zamyslovskiy E.E. (1888) Izvlecheniya iz Perepisnykh knig. Izdaniye Arkheografich-

eskoy Kommissiyey. Vypusk Pervyy [Extracts from census books. Published by the Archaeographic Commission. Issue One]. – SPb.: Tipografiya brat'yev Panteleyevykh. – 314 s. (In Russ.).

11. Klochkov M. (1911) Naseleniye Rossii pri Petre Velikom po perepisyam togo vremeni. Perepisi dvorov i naseleniya [The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time. Censuses of households and population]. (1678–1721gg.). – T.1. – SPb. – 435s. (In Russ.).

12. Nedelin V.M. (2012) Drevniye goroda zemli Orlovskoy. XVII–VIII veka: Istoriya. Arkhitektura. Zhizn' i byt [Ancient cities of the Oryol land. XVII-VIII centuries: History. Architecture. Life and life]. – Orol: Veshniye vody. – 560s. (In Russ.).

13. Orlovskaya Dukhovnaya Konsistoriya [Oryol Spiritual Consistory] // Orlovskiyeyeparkhial'nyye vedomosti. – 1895. – №33. – S.953-984. (In Russ.).

14. Polukhin O.V., Mayorova T.V. (2019) Istoriko-toponimicheskiy slovar' Mtsenskogo uyezda [Historical and toponymic dictionary of the Mtsensk district]. – Izdatel'skiy dom «ORLIK». – 544s. (In Russ.).

15. Puparev A. (1872) Orlovskaya starina. Istoricheskiye svedeniya ob Orlovskoy gubernii iz arkhivov [Oryol antiquity. Historical information about the Oryol province from the archives]. Tom 1. // Orlovskiyey Gubernskiyey Vedomosti. (In Russ.).

16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F.355. Op.1. Opis' mestnykh solyanykh uchrezhdenii Rossii v XVIII v. (In Russ.).

17. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F.1355. Op.1. D.1005. (In Russ.).

18. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv. F.846. Op.16. D.18901. (In Russ.).

19. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv. F.846. Op.16. D.18903. (In Russ.).

НИКИТИН Евгений Валентинович, аспирант, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: papa-77@List.ru

NIKITIN E.V., Postgraduate student of Department of Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: papa-77@List.ru

МАРШАЛ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ КАТУКОВ

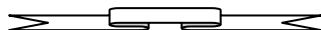
MARSHAL OF ARMoured TROOPS MIKHAIL YEFIMOVICH KATUKOV

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении особенностей службы Михаила Ефимовича Катукова – маршала бронетанковых войск периода Великой Отечественной войны. Автором на основании исследовательских методов описания, наблюдения и сравнения были изложены основные периоды жизни маршала войск. Выявлена специфика его заслуг и его значение. На основании архивных материалов, а также документов-воспоминаний и мемуаров можно проследить уникальные события, имеющие большое значение для составления биографий отдельных военных деятелей.

Ключевые слова: Россия, Великая Отечественная война, маршал, бронетанковые войска, Михаил Ефимович Катукوف.

Abstract. The purpose of the article is to identify the features of the service of Mikhail Yefimovich Katukov – Marshal of Armoured troops during the Great Patriotic War. The author outlined the main periods of Marshal's life based on the research methods of description, observation and comparison. The specifics of his merits and his significance are revealed. As a result of the research, the author draws the conclusion that on the basis of archival materials, as well as memoirs, one can trace unique events that are of great importance for compiling biographies of individual military figures.

Keywords: Russia, the Great Patriotic War, marshal, armoured troops, Mikhail Yefimovich Katukov.

ВВЕДЕНИЕ

Исторические исследования, раскрывающие роль личности в развитии отдельной страны или исторического периода, уже достаточно давно доказали свою актуальность и получили широкое распространение. Одним из интересных направлений в военной истории в рамках актуализации патриотического воспитания и борьбы с различными искажениями является именно рассмотрение личности любого из прославленных военачальников. Одним из

таких и является Михаил Ефимович Катукوف – прославленный советский военачальник-танкист, командующий 1-й гвардейской танковой армией, родился в многодетной крестьянской семье.

Маршал бронетанковых войск – это воинское звание (применительно к определённому роду войск), получившее распространение с середины прошлого столетия. И хотя некоторые прослеживают в этом звании некоторую зарубежную отсылку в заимствовании этих чинов, однако общая система советских званий всё же берёт

начало от системы традиционных чинов (применительно к полным генералам родов войск). Постепенно начиная с 1943 года выдающиеся представители различных родов войск получали такое звание. Среди маршалов бронетанковых войск того периода можно отметить в числе первых П. А. Ротмистрова, Я. Н. Федоренко, С. И. Богданова, П. С. Рыбалко, П. П. Полубоярова, А. Х. Бабаджаняна, О. А. Лосика и М. Е. Катукова.

В настоящее время личность Михаила Ефимовича Катукова лишь частично рассмотрена. Ему самому принадлежит несколько произведений, которые раскрывают его личное отношение и особое мнение по некоторым жизненным моментам: «Танковые бои (из опыта фронтовика)», «На острие главного удара», «Как я бил Гудериана». Изданными являются воспоминания его супруги Екатерины Сергеевны Катуковой. И наибольшее тиражирование заслуг Михаила Ефимовича Катукова и их значения можно найти в различных библиографических словарях, относящихся к периоду Великой Отечественной войны.

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ М.Е.КАТУКОВА

Михаил Ефимович Катуков (1900 г. р.) является уроженцем села Большое Уварово, относящегося в то время к Коломенскому уезду Московской губернии. Он вырос в большой крестьянской семье, где кроме него было ещё 6 детей. Являясь лучшим учеником сельской школы и класса, он в 1911 году завершает обучение и практически сразу уезжает в Санкт-Петербург. Сначала он работал посыльным, а в 1916 году становится уже приказчиком. Находясь в Петрограде, принимал участие и в октябрьских событиях на стороне рабочих, обстреливал юнкеров, расположившихся в гостинице «Севастополь» и на Лиговке.

С 1919 года Катукова по основному месту жительства зачислили в ряды Красной армии. Из 2-го запасного батальона он был

направлен на Южный фронт, где практически год был прикреплен к 3-му ударному Крымскому советскому полку. С 1920 года был переведен на Западный фронт – в 507-й стрелковый полк 57-й стрелковой дивизии Мозырской группы войск. В течение более полугода в противостоянии с белополяками он прошёл районы Мозыря, Овруча, Речицы, Брест-Литовска, рек Западный Буг и Висла. В августе 1920 года в бою у деревни Мокраны Брестского уезда Гродненской губернии он был контужен. Далее по «...окончании военных действий направлен в 33-й стрелковый полк 4-й стрелковой дивизии. В конце 1920 года его зачислили курсантом на 23-и пехотные курсы в Могилёве, по окончании которых в 1922 году он уже командовал взводом в 235-м Невельском полку 27-й Омской стрелковой дивизии Западного фронта (с 1924 года – Западного, а с 1926 года – Белорусского военных округов). Затем переведён в 81-й стрелковый полк, где прослужил более 9 лет в должностях командира взвода, помощника командира и командира роты, помощника начальника и врид начальника полковой школы и др. 18 июня 1925 года Михаил Катуков окончил химические курсы при Смоленском гарнизоне и в июле назначен помощником командира батальона. В октябре 1926 года его командировали на учёбу на стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна, что поспособствовало также карьерному росту. В 1931 году его назначают начальником штаба 80-го Ленинградского (Борисовского) краснознаменного стрелкового полка. В апреле 1932 года полк был переформирован в отдельную механизированную бригаду, а Катукова назначают исполнять должность начальника штаба...» [2].

Начиная с 1934 года он служит начальником 1-го (оперативного) отдела штаба 134-й механизированной бригады 45-го механизированного корпуса Киевского военного округа. После непродолжительной

учёбы он возвращается туда же.

В 1935 году Катукоев после академических курсов технического усовершенствования командного состава при Военной академии механизации и моторизации РККА имени И. В. Сталина был в должности начальника штаба 135-й стрелково-пулемётной бригады 45-го механизированного корпуса. С 1938 года полковника Катукоева утвердили в должности командира 5-й легкотанковой бригады. В сентябре следующего года Михаил Ефимович принимал участие в походе РККА в Западную Белоруссию. В июле 1940 года его перевели на должность командира 38-й легкотанковой бригады. С ноября 1940 года – командир 20-й танковой дивизии 9-го механизированного корпуса генерал-майора К. К. Рокоссовского Киевского особого военного округа. На 1 июня 1941 года 20-я танковая дивизия включала 8997 чел. (87 % штатного количества), 30 танков БТ, 6 танков Т-26. По сути, дивизия не являлась подвижным соединением, а представляла собой стрелковую бригаду, усиленную танковым батальоном.

Дивизия во главе с Катукоевым вступила 24 июня 1941 года в боевые действия Великой Отечественной войны. Нужно отметить, что с первых боевых дней он показал себя как талантливый стратег и инициативный организатор танкового боя. К сожалению, 5-я армия разделила трагическую судьбу Юго-Западного фронта. 20-я танковая дивизия потеряла все свои танки и по решению командования была преобразована в 20-й мотострелковый полк, а танковые экипажи были отправлены в тыл для комплектования вновь создаваемых танковых частей. Полковник М. Е. Катукоев был назначен командиром вновь формируемой 4-й танковой бригады. Школу командования танковой бригадой прошли многие советские полководцы. Например, будущие командующие танковыми армиями В. М. Баданов и П. А. Ротмистров осенью 1941 года командовали 12-й и 8-й танковыми бригадами. Дебют М. Е. Катукоева как командира танковой бригады был самым ярким.

Формирование 4-й танковой бригады проходило под Сталинградом, технику она получала со Сталинградского тракторного завода. Соединение формировалось из 15-й танковой дивизии 16-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта. Неудача в данном направлении привела к тому, что части войск перенаправили в Сталинград. Именно эти опытные бойцы впоследствии обеспечили успех уже по новому направлению.

В первой половине октября 1941 года танковые части 2-й немецкой танковой группы под командованием генерал-полковника Гудериана устремились к Москве. В районе Мценска им преградила путь совместно с другими частями и 4-я танковая бригада полковника М. Е. Катукоева. Командир бригады расположил боевые машины в укрытиях небольшими группами. Действуя из засад, танкисты бригады смелыми и короткими контратаками наносили сильные удары по противнику, в результате враг понёс большие потери в живой силе и технике. Эти успехи были достигнуты благодаря применению новых тактических приемов боя и высоким моральным качествам личного состава. В ноябре, совершив 300-километровый марш, бригада вошла в состав 16-й армии Западного фронта и вела бои под Можайском и в районе Истринского водохранилища.

11 ноября 1941 года был издан приказ НКО СССР № 337, в котором отмечалось: «4-я танковая бригада отважными и умелыми боевыми действиями с 04.10.1941 по 11.10.1941, несмотря на значительное численное превосходство противника, нанесла ему тяжелые потери и выполнила поставленные перед бригадой задачи прикрытия сосредоточения наших войск. В результате ожесточенных боев бригады с 3-й и 4-й танковыми дивизиями и мотодивизией противника фашисты потеряли 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов и другие средства вооружения. Потери 4-й

танковой бригады исчисляются единицами». За эти подвиги 4-я танковая бригада первой в Красной армии получила почетное звание «гвардейская», гвардейское знамя и стала именоваться 1-й гвардейской танковой бригадой. В последующем 1-я гвардейская танковая бригада под командованием М. Е. Катукова успешно действовала в ходе контрнаступления под Москвой. Опыт бригады был обобщен в написанной под его руководством «Инструкции по борьбе с танками, артиллерией и пехотой противника», рекомендованной для использования войсками.

Далее в ходе контрнаступления под Москвой была выявлена необходимость иметь более крупные танковые соединения, поскольку их отсутствие не позволяло решать задачи по широкому охвату и окружению немецких войск. Сведение двух-трех танковых бригад в одну группу показало их невысокую эффективность. Было принято решение о формировании танковых корпусов. Первые четыре танковых корпуса (1, 2, 3 и 4-й) были сформированы в апреле 1942 года. В составе корпуса были две (позднее три) танковые и одна мотострелковая бригады с численностью 100 (затем 150) танков. Командиром 1-го танкового корпуса назначен генерал-майор танковых войск М. Е. Катуков.

С конца марта до середины августа 1942 года корпус отражал натиск вражеских войск на курско-воронежском направлении в составе Брянского фронта. 17 сентября 1942 года М. Е. Катуков был вызван на прием к Верховному главнокомандующему И. В. Сталину и назначен командиром 3-го механизированного корпуса. В состав корпуса входили две танковые и три механизированные бригады. Общее количество танков составляло 224 единицы.

В составе Калининского фронта корпус участвовал в операции «Марс». 3-й механизированный корпус был введен в сражение в полосе наступления 22-й армии на второй день операции, когда оперативные

резервы противника начали выдвижение к участку прорыва. Это привело к затяжным боям в тактической зоне обороны. Корпус нес большие потери и продвигался медленно. Введенная из резерва армии стрелковая дивизия не изменила оперативной обстановки на направлении наступления 22-й армии. В течение декабря еще дважды предпринимались попытки срезать Ржевский выступ, однако безуспешно.

М. Е. Катуков в начале января 1943 года был назначен командующим 1-й танковой армией, которая формировалась в районе г. Осташкова на базе полевого управления 29-й армии с непосредственным подчинением Ставке ВГК. Тогда же он узнал о присвоении ему воинского звания «генерал-лейтенант танковых войск». В состав 1-й танковой армии вошли 3-й механизированный, 6-й танковый корпуса, три лыжные бригады и другие соединения, и части. В середине февраля армия была включена в особую группу войск генерал-полковника М. С. Хозина, а по директиве Ставки ВГК от 21 марта 1-я танковая армия выведена в резерв представителя Ставки Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

В Курской стратегической оборонительной операции армия, имея в своем составе 6-й и 31-й танковые, 3-й механизированный корпуса, артиллерийские, зенитно-артиллерийские, инженерные соединения и части, с 6 июля 1943 года во взаимодействии с другими объединениями и соединениями отражала на обоянском направлении наступление сильной танковой группировки противника. Командующий Воронежским фронтом докладывал в Ставку ВГК: «...1-й танковой армии была поставлена боевая задача разгромить наступающие войска на белгородском направлении. Несмотря на численное превосходство сил противника на ряде участков фронта, ни одна часть, ни одно соединение армии не дрогнуло и не отошло ни на один метр без приказа старшего командира. Весь личный состав армии стойко и героически сражался, героизм в этих боях был массовым яв-

лением. В этих боях все соединения армии соревновались в мужестве и отваге. Каждый боец и командир стояли насмерть и не пропустили врага...».

Примечателен следующий факт из истории сражения на Курской дуге, характеризующий М. Е. Катуюкова как грамотного и инициативного военачальника. Дело в том, что командующий войсками Воронежского фронта приказал 1-й танковой армии нанести 6 июля 1943 года контрудар по наступающему противнику. Катуюков был категорически против, поскольку вполне обоснованно считал, что немецкие танки, превосходя в огневой мощи, просто не подпустят к себе наши танки на близкое расстояние и расстреляют их при проведении контрудара. Армия понесет большие потери, не добившись успеха. Тем более что контратаки танковых бригад в первый день Курской битвы это подтвердили. За несколько часов до начала контрудара М. Е. Катуюкову позвонил Верховный главнокомандующий. В разговоре с ним М. Е. Катуюков обосновал свою точку зрения, и приказ на контрудар был отменен. К сожалению, предвидение М. Е. Катуюкова через несколько дней оправдалось: 5-я танковая армия 12 июля 1943 года под Прохоровкой нанесла контрудар по наступающим войскам противника, однако задачу не выполнила, понесла большие потери.

К 16 июля значительная часть лиц были переданы 1-й танковой армии. Соединения и части были выведены в тыл. В ходе Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции войска армии с 3 по 11 августа прошли с боями 120 км, овладели г. Богодуховом (7 августа), во взаимодействии с другими объединениями фронта рассекли крупную группировку войск противника и сыграли важную роль в отражении его контрударов в районах Богодухова и Ахтырки. Их успешное наступление в этой операции содействовало войскам Степного фронта в освобождении Харькова. Согласно директиве Генштаба от 8 сентября 1-я танковая армия была выве-

дена в резерв Ставки ВГК в район г. Сумы. В октябре 6-й танковый корпус за проявленные героизм, отвагу, стойкость, мужество, организованность и умелое выполнение боевых задач был преобразован в 11-й гвардейский танковый корпус, а 3-й механизированный корпус – в 8-й гвардейский механизированный корпус.

В соответствии с директивой Генштаба от 26 ноября 1943 года 1-я танковая армия по железной дороге была переброшена в район Бровары – Дарница и включена в состав 1-го Украинского фронта. К 10 декабря армия по железной дороге была переброшена на правый берег р. Днепр и сосредоточена в районе Святошино. В ходе Житомирско-Бердичевской операции, проходившей с 24 декабря 1943 года по 14 января 1944 года, войска армии, действуя на направлении главного удара фронта, за 17 дней прошли с боями до 300 км, освободили более 100 населенных пунктов, в том числе г. Казатин (28 декабря) и во взаимодействии с соединениями 18-й и 33-й армий – г. Бердичев (5 января). В Проскуровско-Черновицкой операции, длившейся с 4 марта по 17 апреля 1944 года, соединения и части армии за 15 суток продвинулись на 250 км, во взаимодействии с 4-й танковой армией рассекли немецкую группу армий «Юг» и отрезали ее главным силам пути отхода на территорию Западной Украины. Наступление проходило в условиях начавшегося весеннего половодья. Колесные машины не могли двигаться, а значит, подвозить всё необходимое для армии. Генерал-полковник Катуюков нашел выход из этого положения. Он приказал ко всем танкам, кроме передовых отрядов, прицепить волокуши и везти на них горючее, боеприпасы, продовольствие. За образцовое выполнение боевых задач, героизм, стойкость и мужество личного состава приказом наркома обороны СССР от 25 апреля 1944 года армия Катуюкова М. Е. была преобразована в 1-ю гвардейскую танковую армию.

В Львовско-Сандомирской операции, проходившей с 13 июля по 29 августа 1944 года, войска 1-й гвардейской танковой армии в ходе 35-дневных непрерывных боев прошли около 400 км, во взаимодействии с соединениями 3-й гвардейской танковой армии, 13-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса овладели г. Перемышлем (27 июля). В августе вели бои за удержание и расширение Сандомирского плацдарма. 20 августа армия была выведена во второй эшелон 1-го Украинского фронта. 29 августа директивой Генштаба 1-я гвардейская танковая армия была выведена в резерв Ставки ВГК, а затем передислоцирована в район Люблина в состав войск 1-го Белорусского фронта. За умелое руководство войсками и проявленные мужество и героизм в Львовско-Сандомирской операции М. Е. Катукову было присвоено звание Героя Советского Союза.

С 14 января по 3 февраля 1945 года 1-я гвардейская танковая армия в составе 1-го Белорусского фронта принимала участие в Варшавско-Познанской наступательной операции. В ходе операции войска армии за 18 суток прошли с боями свыше 600 км, прорвали 7 оборонительных рубежей, с ходу форсировали реки Пилица, Варта, Одер (Одра), освободили сотни польских городов и сёл. Среднесуточный темп наступления составлял 33, а максимальный – 75 км. С 10 февраля по 5 марта войска армии участвовали в Восточно-Померанской стратегической наступательной операции, а с 8 по 24 марта были временно подчинены командующему 2-м Белорусским фронтом. За успешные боевые действия 1-й гвардейской танковой армии в Восточно-Померанской операции М. Е. Катуков был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Свой боевой путь армия завершила Берлинской стратегической наступательной операцией. В этой операции армия, наступая на направлении главного удара 1-го Белорусского фронта, прорвала мощную

оборону противника на Зееловских высотах, форсировала р. Шпрее и ворвалась в Берлин.

После войны генерал-полковник танковых войск М. Е. Катуков командовал этой же армией в группе советских оккупационных войск в Германии, был командующим БТ и МВ этой группы войск, являлся начальником советской администрации Земли Саксония. В 1950 году направлен на учебу на ВАК при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова, которые успешно окончил в следующем году.

С 1955 года – генерал-инспектор Главной инспекции МО СССР, заместитель начальника Главного управления сухопутных войск. В 1959 году ему было присвоено воинское звание маршала бронетанковых войск. С 1963 года – инспектор-советник Группы генеральных инспекторов МО СССР.

Современники и государство по достоинству оценили заслуги маршала. Он был награжден 4 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степеней, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями, а также иностранными орденами. Катуков ушел из жизни в 1976 году и похоронен со всеми воинскими почестями на Новодевичьем кладбище.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершении хотелось бы отметить, что память о Михаиле Ефимовиче Катукове, прославленном советском военачальнике-танкисте, активно поддерживается до настоящего времени. По его московскому адресу открыта мемориальная доска, квартира используется в качестве официального музея. Центральная аллея и микрорайон в честь М.Е. Катукова расположены в городе Озеры, а также там открыт памятный бронзовый бюст. В памятных местах и на

мемориалах, связанных с его военными достижениями, также установлены таблички, барельефы и бюсты. Именем М.Е. Катукова названы улицы в таких городах, как Москва, Озеры, Волоколамск, Липецк, Мценск, Снежное, Борщев, Черновцы, Орёл, Белгород, Казатин, Воронеж, Богодухов. За освобождение города в Казатине ему установлен памятник. Также Средняя школа №37 города Орла носит имя М.Е. Катукова.

Библиография /References:

1. Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – 408с.
2. Великая Отечественная. Комдивы: военный биографический словарь: в 5 т. / Д. А. Цапаев (рук.) и др.; под общ. ред. В.П. Горемыкина. – М.: Кучково поле, 2011. – Т.1. – 736 с.
3. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / Пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. – М.: Воениздат, 1987. – Т.1 /Абаев–Любичев. – 911с.
4. Жилин В.А. Герои-танкисты 1943–1945гг. – М.: Эксмо, Яуза, 2008. – 137 с.
5. Замулин В.Н. Командармы Огненной дуги. – М.: Яуза-Каталог, 2020. – 381с.
6. Замулин В.Н. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – С.130–143.
7. Калашников К.А., Додонов И.Ю. Высший командный состав Вооружённых сил СССР в послевоенный период. Справочные материалы (1945–1975 гг.). – Т.3. Командный состав танковых войск. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2017. – С. 237–240.
8. Катуков М.Е. Танковые бои (из опыта фронтовика). – М.: Воениздат НКО СССР, 1942. – 112с.
9. Катуков М.Е. На острие главного удара. – М.: Высшая школа, 1984. – 156с.
10. Катуков М.Е. Как я бил Гудериана. – М.: Алгоритм, 2015. – 443с.
11. Катукова Е.С. Памятное. – М.: Издание Благотворительного фонда памяти пи-

сателя Владимира Чивилихина, 2002. – 126с.

12. Лелюшенко Д.Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. – М.: Издательство «Наука», 1973. – 392с.

13. Прудников В. Гроза панцерваффе. – М.: Эксмо, 2007. – 384с.

14. Пирязев Н.С. Взрастила маршала Озёрская земля: повесть. – Озёры: Коломенская межрайонная типография, 2000. – 76с.

1. Velikaya Otechestvennaya. Komandarmy [Great Patriotic. Commanders]. – М.: Zhukovskiy, 2005. – 408s. (In Russ.).

2. Velikaya Otechestvennaya. Komdivy: voyenny biograficheskiy slovar' [Great Patriotic. Divisional commanders: military biographical dictionary]: v 5 t. / D.A. Tsapayev (ruk.) i dr.; pod obshch. red. V.P. Goremykina. – М.: Kuchkovo pole, 2011. – Т.1. – 736s. (In Russ.).

3. Geroi Sovetskogo Soyuz: Kratkiy biograficheskiy slovar' [Heroes of the Soviet Union: A Brief Biographical Dictionary] / Pred. red. kollegii I.N. Shkadov. – М.: Voenizdat, 1987. – Т.1 /Abayev–Lyubichev. – 911s. (In Russ.).

4. Zhilin V.A. (2008) Geroi-tankisty 1943–1945gg. [Tank Heroes 1943-1945] – М.: Eksmo, Yauza, 2008. – 137s. (In Russ.).

5. Zamulin V.N. (2020) Komandarmy Ognennoy dugi [Commanders of the Fiery Arc]. – М.: Yauza-Katalog. – 381s. (In Russ.).

6. Zamulin V.N. (2007) Kurskiy izlom. Reshayushchaya bitva Otechestvennoy voyny [Kursk break. The decisive battle of the Patriotic War]. – М.: Yauza, Eksmo. – S.130–143. (In Russ.).

7. Kalashnikov K.A., Dodonov I.Y. (2017) Vysshiiy komandnyy sostav Vooruzhonykh sil SSSR v poslevoyenny period. Spravochnyye materialy (1945–1975 gg.) [The highest command staff of the Armed Forces of the USSR in the post-war period. Reference materials (1945–1975)]. – Т.3. Komandnyy sostav tankovykh voysk. – Ust'-Kamenogorsk: «Ме-

dia-Al'yans». – S. 237–240. (In Russ.).

8. Katukov M.E. (1942) Tankovyye boi (iz opyta frontovika) [Tank battles (from the experience of a front-line soldier)]. – M.: Voenizdat NKO SSSR. – 112s. (In Russ.).

9. Katukov M.E. (1974) Na ostriye glavnogo udara [On the edge of the main blow]. – M.: Vysshaya shkola, 1984. – 156s. (In Russ.).

10. Katukov M.E. (2015) Kak ya bil Guderiana [How I beat Guderian]. – M.: Algoritm. – 443s. (In Russ.).

11. Katukova E.S. (2002) Pamyatnoye [Commemorative]. – M.: Izdaniye Blagotvoritel'nogo fonda pamyati pisatelya Vladimira Chivilikhina. – 126s. (In Russ.).

12. Lelyushenko D.D. (1973) Moskva – Stalingrad – Berlin – Praga. Zapiski komandarma [Moscow – Stalingrad – Berlin – Prague. Commander's Notes]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka». – 392s. (In Russ.).

13. Prudnikov V. (2007) Groza pantser-vaffe [Thunderstorm Panzerwaffe]. – M.: Eksmo. – 384s. (In Russ.).

14. Piryazev N.S. (2000) Vzrastila marshala Ozorskaya zemlya: povest' [Marshal was brought up by the Ozerskaya land: a story]. – Ozory: Kolomenskaya mezhrayonnaya tipografiya, 2000. – 76s.

КОЛЕСНИКОВ Сергей Александрович, доктор филологических наук, проректор по научной работе, Белгородская православная духовная семинария, профессор, Белгородский институт МВД России им. И.Д. Путилина (Россия, Белгород), e-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

KOLESNIKOV S.A., Doctor of Philology, Vice-Rector for Research, Belgorod Orthodox Theological Seminary, Professor, Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin (Russian Federation, Belgorod), e-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

**ВХОЖДЕНИЕ В КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОРИЗМА:
ПРИНЦИПЫ, РЕСУРСЫ, НАПРАВЛЕНИЯ**

**ENTERING INTO THE CONCEPTUALITY OF THEOLOGICAL HISTORICISM:
PRINCIPLES, RESOURCES, DIRECTIONS**

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть принципы, ресурсы и направления концептуальности теологического историзма. Вступление в концептуалистику тео-историзма подразумевает ритмичное структурирование пролегоменов, их коммуникативную открытость, акцентирование основных позиций, модальность и личностную значимость первоначал концепции. Каждый предложенный теолого-исторический концепт рассматривается как макромасштабирование истории. Применяется методика дешифровки исторических следов. Имеет место системное единство и единство системы. Практикуется раскрытие сакральных «объемов» истории. Изучаются открытые историко-исследовательские поля. Используются методы историчности, контекстуальности и процессуальности. Привносится новый инструментарий – сакральный универсализм, иконичность и филологосность.

Ключевые слова: история, теологический историзм, принципы, ресурсы, направления.

Abstract. The purpose of the article is to consider the principles, resources and directions of the conceptuality of theological historicism. Entering into the conceptualism of theohistoricism implies rhythmic structuring of prolegomena, their communicative openness, emphasizing the main positions, modality and personal significance of the initial concept. Each proposed theological and historical concept is considered as a macro-scaling of history. The technique of deciphering historical traces is used. There is a systemic unity and unity of the system. The disclosure of the sacred «volumes» of history is practiced. The methods of historicity, contextuality and processuality are used. As a result of the research, the author introduces new tools – sacred universalism, iconicity and philology.

Keywords: history, theological historicism, principles, resources, directions.

ВВЕДЕНИЕ

Каждая авторитетная историко-теоретическая концепция определяется

интенциональностью первоначала, координированным таргет-импульсом, с которого начинается стратегическое продвижение в концептуальном оформлении конкретной

историологической и/или историографической парадигмы. Калькирование авторских введений (предисловий, пролегоменов, вступлений и др.) ко всем масштабным историческим проектам позволяет увидеть типологию изначальных тональностей, формирующих «акустико»-ментальную прелюдию глобально-стратегических вариантов осмысления истории. Вхождение в грандиозный собор глобальной архитектуры той или иной резонансной исторической макро-теории сопровождается звуком первых «шагов» в раскрывающихся пространствах оригинального исторического знания. Вслушивание в звук этих вступающих шагов – поучительно.

ПРИНЦИПЫ И РЕСУРСЫ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОРИЗМА

О. Шпенглер задавал фатально-прогностическую ноту в резонансе герметично-локальных праформ, претендуя на пророческо-закатное прозревание логики истории; Г. Дройзен начинал построение своей «Историки» с установления критериев научности и востребованности истории, настаивая на полном правом вхождении истории в парадигму мирообразующих научных дисциплин; С.Н. Булгаков в «Двух градах» представлял сольно-авторскую «партию», предваряющую фундаментально-аподиктическую теорию о религиозных основаниях истории и роли homo religiosus в исторических реалиях; М. Блок, осознавший своё призвание «апологета истории», старался снизить экзистенциально-цивилизационную боль от «обманов» истории и с вопрошающей надеждой высвечивал контуры целосообразности и оправданности исторической науки; И.Ф. Мейендорф в маршрутных стяжках трактата «Рим-Константинополь-Москва» вычерчивал мозаично-цветовой просвет (скорее, рассвет – отказываясь от «закатности» Шпенглера!) лучевой соположенности исторических путей христианских Церквей как единой нити всечеловеческой ис-

тории; для Б. Кроче сухость названия «Теория и история историографии» призвана выступить зеркальным образом для его более ранней работы «История, подведенная под понятие искусства», и в этом многомерном зазеркалье автор предлагает рассмотреть уже на входе разные обличья истории и хроники; А. Тойнби выхватывал первый выход истории в софиты индустриальности и гуманизации, которые стремятся «пересветить» друг друга, забрав в свою оптико-парадигмальную локацию цепочку разных цивилизационных видов.

Все эти сложно соотносимые теории уже в первичной презентации объединены общим параметром – осознанной масштабностью концептуальных горизонтов. Эту масштабность можно воспринимать как завет для каждой концептуальной истории, претендующей на своё видение динамики истории и постижение её смысла. «Мета-история» (С.Н. Булгаков) способна раскрыться только в панорамном освещении, преодолевающим разорванность и диастаз истории, выявляющем её метафизичность и целостность. Представляется, что такой метаисторический подход максимально полно представлен в теологическом осмыслении истории, в христианском историзме как духовно-гносеологической стратегии, стремящейся рассмотреть и зафиксировать следы Божьего сопристствия в реально-историческом процессе.

Вхождение в активную фазу смыслообразования истории, в ситуацию «ураганно»-эпистемиологического вызова неотвратимо ставит теологический историзм перед проблемой постижения истории, погружения в историю. Ведь сам теологический историзм, претендуя на «внешнее» осмысление истории и «внутреннее» осмысление, наделение смыслом, истории, должен определиться со своим местом в истории, с методикой поиска следов, оставляемых историей, – но самое главное: куда ведут эти следы, к каким ориентирам устремлена история.

Тот факт, что историческая теология

претендует на обладание уникальной историчностью заставляет формировать методологические основания теологического историзма с учетом его собственного исторического развития. Сегодня требуется отечественный масштабный проект, дающий панорамное видение развития теологии от первых проявления христианского тео-историзма до анализа современного состояния тео-исторической методологии, в том числе с изучением причин отсутствия такого проекта.

Современное историческое знание остро нуждается в макро-проектах [20, С. 5], теологический историзм генетически отвечает этой потребности в «глубинной» исторической интуиции, способной выявить универсализм истории. Сама способность заглянуть в глубины истории, и даже в за-историческое, придаёт уникальное положение тео-историческому маршруту познания истории. Такое «погружённое» [6, С. 8] маршрутирование раскрывает теологический историзм как хроно-странствие, обогащаемое традициями духовного христианского паломничества. Паломничество – с патетикой уважения, с пафосом доверия, с оптимизмом святости – становится форматом теолого-исторического исследования; тео-историк предстает паломником смысла в сакрально-исторической сфере и выступает резким контрастом цинично-аномийному обесмысливанию истории.

Однако макро-проект расшифровки следов теолого-исторического «паломничества», ведущего к смыслу истории, предполагает наличие четкой «трассологической» системы общетеоретических принципов, ориентированной на выполнение как идентификационных, так и прогностно-диагностических задач. Востребованность теологического историзма в сегодняшней историко-теоретической ситуации выводит к проблеме систематизации теолого-исторического подхода как метода раскрытия исторических реалий на фоне сакрального соприсутствия. Масштабность тео-историзма, конечно, обуславливает слож-

ность в рамках индивидуального интеллектуального проекта разработки все системы теолого-исторических принципов, но некоторые аспекты этой системности отыскания и дешифровки исторических следов, а также ресурсы-активы теологического историзма необходимо презентовать.

Несомненно, есть глубокие отечественные исследования в области тео-истористики по отдельным периодам и персоналиям, но, по существу, единственным сопоставимым по намеченным задачам можно считать труд А.П. Лебедева «Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX века» (1903г.). Однако современные научные реалии требуют более масштабных структур для осуществления проектов такого размаха, и здесь на первый план выходит проблема организации научно-богословского исследования, его поддержки, в целом проблема возникновения и развития, отечественных научно-богословских школ.

В поиске смысла истории ключевой является методология работы тео-историзма с историческими «следами», с тем проблемным содержанием, которое вкладывается в понятие «след истории». Но в случае христианского тео-историзма методика «выслеживания» имеет свою специфику: каковы параметры Божественного проявления в истории, в чем поступь истории совпадает со следами Бога? Сложность этого вопроса определена тем, что исторические следы сакрального обретают свойство «воздушности».

«Подвешенность» исторических следов, которые и старается изучить тео-историзм, становится определяющим моментом в тео-исторической методологии: тео-историзм возможен только как форма проповедничества, как свидетельство о событии, в которое верит тео-историк. Но «воздушность», «подвешенность» христианского свидетельства обретает свою историческую значимость в реальном преображении свидетельствующего и тех, кто это свидетельство принимает.

«Воздушные» следы проявления Божественного соприсутствия в истории преобразуются в религиозную вервь, становящуюся эластичным каркасом «лестницы» преобразования души свидетельствующего историка и тех, кто, как и он, стремится отыскать эти следы. Исторический след в понимании тео-историзма – это, прежде всего, пневматологический след, оставляемый сакральной историей на сознании верующего и реально проявляющийся в его исторической практике. И такие следы – в контексте создания ситуации темпорального взаимопонимания, духовной соположенности исторических эпох, призван изучать теологический историзм.

Система теолого-исторических взглядов должна представлять органическое единство – в оппозиции диалектической борьбе противоположностей. И единственным аналогом целостного исторического познания, с точки зрения Б. Кроче, может выступить духовно-душевная «территория» осмысленной истории [10, С. 17]. Метафора Б. Кроче, соединяющая историю мира с историей души, позволяет зафиксировать один из ведущих принципов теологического историзма: история теряет свой смысл, если не ведет к спасению души, не способствует выполнению сотериологических задач. Следы, ведущие к спасению, одновременно выводят и к смыслу истории – таков генеральный тезис теологического историзма. Смысл истории, признание наличия этого смысла становится испытанием для любого типа исторического знания, но христианский теолого-исторический проект способен выйти из этого испытания, обогащенным духовно-религиозным пониманием этого смысла. Конечно, возможен и исторический риск: теологический историзм балансирует на грани между человеческим и Божественным, и ничто человеческое ему не чуждо, однако «параметрия» приближения к спасению, основанная на христианской церковно-святоотеческой традиции, позволяет теологическому историзму преодолеть соблазны и ошибки диастанно-

го, разрывающего или позитивистского историзма.

Тео-историка соединяет пространства между следами исторической реальности и следами траектории духовно-душевного преобразования личности. В этом калькировании следов двух несопоставимых, но неразрывных типов реальности, в пластичной топологии совмещения человеческого следа и Божественного прикосновения, в интерференции историко-земной затененной плотскости и сакральной просветленности формируется задача теологического историзма.

Исторические следы, которые призван обнаружить и описать тео-историзм, предстают в виде весьма сложных по своей «историко-геометрической» конфигурации объектов.

Вечными объектами наполнено человеческое знание; в версии Р. Коллингвуда, можно считать «прямоугольный треугольник вечным объектом», «римскую конституцию и её изменение Августом» и т.д. Категория вечности исторического объекта – это то, что может быть понято исторической мыслью в любое время. Неизбывное воскрешение здесь и сейчас духовного импульса, приведшего в исторического ретроспективе к появлению того или иного исторического объекта, становится гарантией вечности этого объекта. Если духовно-исторический импульс глобального значения, такой как – воскрешение Христа, бесконечность Царства Божьего, важность Церкви – это вечный объект. И они в их большей или меньшей степени проявления, оставляют разные по своей глубине следы в реальной истории, но никогда из истории не исчезают. Эти объекты придают истории подлинный смысл и призваны изучать христианский теологический историзм.

Сложность в осуществлении тео-исторического призвания, в выявлении посредством изучения вечных объектов исторического смысла заключается в тех вызовах, которые таятся в самой проблеме смысла истории. Самый поверхностный

уровень вызова: смысл истории подвергается девальвации со стороны диа-историки, предпочитающей видеть в истории фрагментарность и разорванность, где каждый исторический фрагмент требует своего «собственного» смысла и отмены всех предшествующих.

Но опыт открытия бессмыслия истории, конечно, не проходит бесследно. Этот опыт заглядывания в бездны исторической бессмысленности помогает тео-историку придать его историологическим и историографическим построениям особое измерение памяти: исторической памяти о возможном отсутствии истории. Смысл истории, в который так внимательно всматривался, например, К. Ясперс, подразумевал и со-присутствие к историческим событиям многого внеисторического, «природного». Именно подлинность исторического – тео-исторического и позволяет обнаружить подлинный смысл истории.

Теологический историзм в своей глубинной сущности скорее за-историчен, «сквозь-историчен» (К. Барт), стадияльно-историчен, нежели анти-историчен. Сакрально-религиозный простор, который дышит в «заисторье» и которым дышит сам тео-историзм (сакральный «аромат» истории? – если говорить об исторической «сенсорике»), определяет смысл истории.

Не только познаваемый исторический процесс, складывающийся из вечных объектов, обладает за-историческим простором, но сам вечный объект содержит внутренний духовный «объем», который также должен учитывать тео-историзм. Б. Кроче, к примеру, считал процедуру восстановления исторической значимости тех или иных объектов аналогичной процессу воскрешения, внутренне обусловленной, структурирующей процесс исторического познания в соответствии со своей эндо-логикой. Тео-исторический объект содержит такой мощный по своей значимости потенциал, что он позволяет преодолеть тенденции, вернув историю выдавливаемый из неё смысл.

Собственно, тео-историзм являет собой

фиксацию процесса духовно-исторического возрастания человечества к истине, а обнаруживаемый теологический смысл истории позволяет придать этому возрастанию чёткую маркировку.

Единство «за-исторических» далее и внутреннего пространства вечного объекта, опыт раскрытия такого единства, которое прорисовывает духовно-исторический след, формирует теологический историзм как метод, способный выявить подлинную стереоскопию истории. Взаимопронизанность истории/историй и образует стереоскопию исторического смысла, его креативную воздушность. Тео-исторический смысл создаётся метафизической целостностью – исторического объекта с его сложной внутренней структурой, исторического процесса с его развёрнутостью и открытостью, исторических следов с их преобладающим реальностью функционалом, со стратегией преодоления исторического абсурда.

Выстроенность истории в осмысленный проект, который имеет свои цели и задачи, свой «последний смысл», обуславливают генезис самой истории. Накладывая компоненты этого определения на методологический «инструментарий» теологического историзма, мы получаем основы топологии проявленности Божественного в истории.

Гомеоморфизм истории, сокрытость и явленность в ней «потоков», «толчков», «избытков», «форм» и прочего, в полной мере проявляется в устремленности истории к смыслу, к историко-топологическому воплощению Божественного замысла.

Единство как концептуальный принцип теологического историзма основан на открытости христианства бытийному простору. Открытость христианского мировидения, его органичное слияние с мирозданием описывалась еще Павлом Орозием в «Истории против язычников» («*Historiae adversus Paganos*») [10, С. 123] в категориях родства. Кровное, генетическое родство с миром и его историей позволяют теологическому историзму сопрягать самые раз-

ные исторические сферы, считая их принципиально открытыми друг другу. Так, в формате теолого-исторической позиции возможно продуктивное единство историчности и философичности, на чем, в частности, настаивал Б. Кроче [9, С. 12]. Соединение истории и философии – философии, проживающей историю, витально осмысляющей как конкретику исторической проблематики, так и саму возможность существования (экзистенции?) истории – ведет к активации теологического подхода к истории.

Только при выходе историко-философского методологического единства в постижении истории на теологический уровень раскрывается масштабность – та самая масштабность концептуальных горизонтов! – в которую вписывается неудержимое многообразие исторического мира. Панорама теологического взгляда дает возможность увидеть глубинно-единые основания истории, то, что К. Ясперс называл «осью мировой истории» [23, С. 32]. Многоликость исторической эмпирики приобретает концептуальную хроматику в свете теологического понимания истории, в каждом хронологическом фрагменте начинает являть себя Божественное присутствие, тем самым, придавая осмысленность замысловатой вязи исторических следов, начинающей системно «вращаться» вокруг оси истории. В определении Ясперса сливаются и масштабность, и историческая экзистенциальность, и системность исторических фактов, и эмпирика теологической истории – всё это и есть реализация принципа единства, заложенного, в сущности, тео-исторического метода.

Открытое единство как теолого-исторический метод позволяет получать конкретные результаты, такие как, например, слияние историко-эпистемологических ресурсов всепроникающего летописания и иерархичности исторических типов, именно такой аспект считал ключевым Ж. Ле Гофф [11, С. 186]. Сложно представимое слияние

в иных форматах, такое единство всеобщности и иерархичности становится возможным в условиях теолого-исторической методологии: религиозный опыт связанности (*religare* – «связывать») позволяет сохранить стабильность историко-познавательной системы в натяжении вертикали иерархии и горизонтали общности. Подобную историко-методологическую инновацию теологического историзма можно обнаружить и в проблематике взаимоотношений «новизны» и «старины» в истории [14, С. 15]. «Новизна» обретает совсем иные качества в тео-историзме: Откровение не является ни новым, ни старым – оно свободно от хроно-идеологических ограничений, Откровение само придает единство историческим фактам прошлого и настоящего, и в этом являет свою актуальность для каждого темпорального периода. Единство теологического историзма создает сакральную сверх-историчность, где каждый исторический этап изначально и едино является христианским, предрасположен и открыт благой вести, и тем самым связует исторические эпохи. Это и есть единство эмпирики теологического историзма, где каждый, даже самый малый, историко-эмпирический факт приобретает вселенскую значимость.

Вместе с тем для теологического понимания истории в вопросе его единящей систематизации таятся и методологические опасности, в частности, впадение в субъективно-мистическую пролиферацию познания, блуждание по рисунку Божественных следов в истории, утрату целостного подхода в декодировании соприсутствия Бога исторической реальности. Но и здесь богословская составляющая теологического историзма оказывается продуктивной (спасительной!), так как христианская теология на всех этапах своего развития – от евангельского структурно-системного синопсиса и первохристианской системности «Дидахе» или «Пастыря» Ерма через монументальные тео-системы Ареопагитиков и Аквината к богословской систематике

С.Н. Булгакова или К. Барта или П. Тиллиха – стремилась развиваться в русле организованной системности. Теология – генетически системна, и эта системность укрепляет тео-историзм. Особенно четко видна продуктивность системности на стыке богословия и истории, что подчеркивается, например, П.Б. Михайловым [15, С. 120]. Системность становится объединяющим звеном теологии и историзма (несомненно, опыт чисто исторической систематизации – опыт, восходящий к «Историке» Г.Г. Гервинуса, к «Историологии» Н.И. Кареева и мн. др. – также может быть полезен для современной теологии). Теологический историзм, требующий своей упорядоченной системности, соблюдает верность патристической традиции, противостоящей а-системности хаоса, которая, согласно раннехристианскому теологу Ипполиту, определяет дьявола, как *ο αντιπατων τοις κοσμοις* (враг всего миропорядка) [9, С. 53], – и этим стремлением к бытийной упорядоченности теологический историзм способен раскрыть свой продуктивный потенциал в построении историологических систем.

История, со своей стороны, научает целостному и масштабному видению мира, ведь глубинное побуждение охватить и понять целостность жизни имманентно присуще мышлению историков [20, С. 4]. Метафизичность теологии позволяет преодолеть закрытость истории в ее неохватном многообразии, учесть те разветвления исторических следов, о которых Б. Кроче писал как об «истории-в-себе» [10, С. 34]. Именно систематическое единство – единство систем! – теологии и истории создает уникальную интерференцию познавательного импульса, позволяющему звучать в верной тональности – вспомним звучание вступающих шагов! – при постижении истории в ее меняющихся обликах.

Опыт настраивания на тот или иной онто-резонансный уровень, накопленный теологией, становится востребованным при создании концептуально-исторического

проекта. П. Рикер признавал именно такое – многоуровневое – постижение! истории [19, С. 97]. Данная многоуровневость исторического понимания выстраивается в четкую систему при условии соблюдения все той же иерархичности и упорядоченности, которые способна привнести в историческое знание теология.

Но результативность теологического подхода в постижении смысла истории не сводится только к панорамно-обзорному «воспарению», теологический историзм способен предложить ответы на конкретно-профессиональные проблемы, стоящие перед исторической наукой. Один из таких вопросов – точнее, комплекс обоюдоострых вопросов – сформулирован А. Тойнби: каково умопостигаемое поле исторического исследования и возможно ли поле исторического исследования, не соотносимое с конкретными историческими и социальными обстоятельствами и независимое от историка? [20, С. 7]. Умопостигаемое «ядро» истории, маркированное этими вопросами, может быть постигнуто только с использованием теологического подхода, предлагающего умозрительное открытие соприсутствия Божественного в исторической реальности как концептуальную систему. Теологический историзм, формируя метафизические контуры поля исторического исследования и вынося это поле за рамки утилитарной вещественности, расширяет само понятие истории, придавая ей сакральный простор. Использование теологического метода позволяет оказаться на «другой стороне» истории, где историко-социальная конкретика преобразуется в духовно-религиозное действие метаистории.

В тоже время теологический историзм не отказывается и от «классической» методологии историзма (одну из версий современной систематизации истории можно найти у Дж. Тоша [14]). Теологическая историчность – это и есть понимание существенной дистанции между прошлым и настоящим как этапами духовного развития, как «лестницы» духовных смыслов,

каждая «ступень» которой качественно отличается и требует четкого осознания этого различия. Религиозно-сакральная линейность темпоральной устремленности, возникающая ещё в ветхозаветной историографии, понимает и принимает постепенность раскрытия Божественного присутствия в истории – от «ветхозаветного» народа к народу «новому» («Новому Израилю открыт доступ туда, куда ветхозаветный народ не мог приступить» (протопресвитер Николай Афанасьев [22, С. 11]).

Второй принцип историзма – принцип исторического контекста – напрямую коррелируется с метафизичностью истории, которая постулируется тео-историзмом. Метафизическая неразделенность части и целого в динамике исторического процесса [21, С. 19], – и есть методологическое основание теологического историзма. Теологический историзм даже углубляет эту проблему, активируя понятие уникального в истории и роли уникального в разворачивании масштабного исторического действия. Уникальное для христианско-теологического понимания истории является ключевым моментом, как определял Н.А. Бердяев – «исключительная историчность» [5, С. 84]. В уникальном явлении, каким является теофания, отражается вся специфика исторического миропонимания христианства, предлагающего увидеть в частном, отдельном событии величие всего мироздания.

Понятие «контекста» в теологическом историзме обретает новое звучание: это действительно контекст, *con-textus*, соположенность целостной текстуры истории, создаваемой из нитей уникального исторического факта. Текстура истории, благодаря теологической сопряженности целого и части, представляющих органическое единство, а не диалектику борьбы противоположностей, – преобразуется в сакрально значимый текст. И только таким образом «интерпретируемый» тео-текст позволяет обрести истории в целом свой смысл. Г.У. фон Бальтазар в «Теологии

истории» отмечал специфику контекстуальности уникального и целостно-исторического [1, С. 56]. Теологический историзм вкладывает новое понимание в смысл уникального исторического события, не противопоставляя часть и целое, а сливая в единый метафизический поток уникальность Рая и Воскресения, освобождая историческое время от ограничений и разделений диа-историзма. В уникальности божественных образов раскрывается особый опыт освобождённого времени, исторического времени в своём надмирном существовании, органического единства времени и свободы, где преодолеваются тяжеловесно-земные «смыслы», привязанные к диастазу частного и целого.

Вытекающий из историко-линейной поступательности и метафизико-контекстуального единства следующий принцип историзма – процессуальность истории, для теологического историзма представлен в экзистенциальном аспекте. Теологический историзм воспринимает историю как неразрывный витально-экзистенциальный процесс, процесс живой истории, процесс органического преображения истории. Взаимоотношения между прошлым и будущим определяются как витальные отношения, как духовно-телесная практика, несущая в себе зачатки провиденциального будущего. Ключевым, на наш взгляд, здесь является экзистенциально-органическая трактовка исторического процесса как проходящего временным потоком через социальную группу, через конкретного человека, проживающего свой индивидуальный социальный статус в исторических условиях и открытых для будущего развития.

Ожидание спасения как процесса, складывающегося из зачарованности прошлым, колебаний настоящего и надежды будущего, как раз и создают специфику процессуальности теологического историзма. Экзистенциализм и процессуальная социальность обретают общую почву в раскрытии надежды на спасение: как всей социальной

группы, так и отдельного её участника. В принципе процессуальности истории теологический историзм стремится разглядеть индивидуальность человека, проживающего историю в процессе своей жизни: и как участник непосредственных исторических событий и как исследователь-историк, старающийся проследить теологический смысл в истории, но и в том, и в другом случае ориентированные на сотериологические ориентиры. Процессуальность истории приобретает в таком понимании новый объем, расширяющийся в горизонтально-вертикальной проблематике спасения-ответственности участника и в созерцании теофании исследователем.

Христианский тео-историзм подчеркивает тесную связь исторической процессуальности и экзистенциально-витальных оснований истории. Ведь теологическое видение истории предполагает деятельную роль и ответственность конкретной экзистенции, что повышает обозначенную Коллингуудом «историческую значимость» [9, С. 45], с чем был согласен Р. Отто, актуализируя экзистенциально-процессуальную особенность теологического историзма [18, С. 228]. Но христианская теолого-историческая избранность – это не «белокурая бестиальность» *ubermensch'a*, это ответственность перед разворачивающимся в свете сакрального призывания историческим процессом. Поэтому христианско-теологическая трактовка истории соединяет экзистенциальность и процессуальность и ответственность в единый органон, в «инструментальные книги» (*ὄργανικὰ βιβλία*), «книги разгнущаяся» (Откр. 20:12).

Тем самым, классическая система принципов историзма – историчность, контекстуальность и процессуальность – результативно и аутентично может быть использована теологическим историзмом, конечно, с учетом его специфического видения истории. Однако потенциал и ресурсно-методологическая база теологического историзма обладают таким масштабом и таким динамизмом, что требуются

более широких горизонтов системы принципов, на основании которых богословское понимание истории способно раскрыть новые грани смысла истории.

В расширении принципиальной базы теологического историзма содержится констатация его значительных смыслогенерирующих возможностей.

Так, универсализм теологического историзма неотрывно связан с универсализмом христианского отношения к человечеству [9, С. 49]. Универсализм богословского истолкования истории делает возможным создание идеализированного исследовательского коллектива, условно называемого синергийным [2, С.72], сориентированного на постижение универсализма истории, причем соборность такого «исследовательского коллектива» способна преодолеть недогматические богословские истолкования универсализма в духе апокатастасиса или «универсально-унитарной ассоциативности». Опыт духовного универсализма христианства, применяемый в историко-исследовательской сфере, предоставляет возможность практически реализовать уже отмеченный принцип единства – единства участников истории и ее исследователей, объединенных общими религиозными целями. Продуктивность такого соборного «коллектива» определяется выяснением исторического смысла, потенциально значимого для каждой исторической эпохи, эффективностью преодоления границ исторической «монады» и выходом на подлинно универсальные оценки мировой истории.

Провиденциально-апокалипсический принцип теологического историзма в самой общей форме реализуется в двух версиях – «метафизические» и «рevelационные» [7]. Соположенность промыслительно-стратегического и revelационно-апокалипсического принципов теологического историзма вычерчивает объемное постижение истории в ее рацио- и иррацио-форматах. Теологический историзм, используя эту методику единения, снимает

этом данное изображение не является оцепеневшим в своем развитии, застывшим в монументальности изображаемых преобразований. Тео-историческая «графемма» смысла истории устремлена к сотериологическим ориентирам, интенционированна к возрастанию духовной ответственности, направлена к эсхатологическому идеалу.

И профетически-прозреваемое будущее, и зримость воспоминаний в образах исторической памяти, и объемная «точка»/«место» встречи как авансцена воздаяния, и ризы-покровы тайны, из-под которых пробиваются зори духовно-исторической надежды, – все это сливается в визуальном единстве иконичности истории. Поэтому оптическая озаренность теологического историзма может рассматриваться в качестве определяющей черты теологического осмысления истории [16, С.14]. Всмотривание в сакральные глубины истории – даже в ее бездны! – с поиском ответного взгляда, но уже взгляда не нищезанствующей бестияльности, а сотериологической надежды, формирует «сценографию» теологического историзма в качестве смысло-эпистемологической визуализации провиденциально-апокалипсического исторического процесса.

Но видение как активация теологического понимания исторического процесса является только частью процесса постижения истории. Теологический историзм предлагает не просто видеть, но и считывать явленное в сакрально-религиозных смыслах. Созерцание провиденциально-апокалипсического исторической визуальности необходимо соединить с текстуальной семантикой прочитываемой истории. Визуальность и текстуальность истории придают тео-историческому методу фундаментальность, а потому столь важным для тео-историзма становится традиция Писания, традиция Книг ($\beta\iota\beta\lambda\acute{\iota}\alpha$). Христианский тео-историзм органично включает в себя филологосность – духовную любовь к явленному в истории и исторически прочи-

тываемому слову. Религиозно-филологосное основание истории позволяет уйти от «всего лишь истории». Через христианскую филологосность история проходит процесс очищения, высветления (подобный процессу очищения/обновления иконы), – и происходит этот процесс просветления исторического смысла в единстве считываемого слова и воспринятого духовным зрением образа.

История для теологического историзма не только духовно-визуальна, «духовидна» (архимандрит Иустин (Попович)), но и читаема, считываема. Без логосного прочтения история уплощается до фотографичности, в которой грозит исчезновением «объем и тяжесть» исторической реальности [3, С. 23–24]. Считывание логосности истории, вычитывание истории как сакрально значимого текста уже в своей читабельности подразумевает глубокую духовную задачу, ведь чтение как особая форма человеческого познания-выбора теснейшим образом связано с раскрытием онтологической вины, а в случае с теологическим историзмом – с исторической ответственностью. Заявлении П. де Мана о том, что «вина всегда сгущается вокруг чтения и письма» [13, С. 81], перенесенное в исторический контекст, позволяет увидеть в чтении уникальный в своей онтологии метод постижения истории: чтение как процесс понимания истории неуклонно выводит нас – особенно отеческую историческую традицию – к исторической духовной ответственности. Через процедуру прочтения истории активируется культура исторической вины, соединяемой с духовной ответственностью. В связи с тем, что «чтение оказывается процессом, который делает возможным обращение с грузом микро-опытов смерти» и вместе с тем «опыт чтения должен противостоять духовной стагнации и смерти» (И. Окунева) [17, С. 78], приходит осознание того, что мы сами – виновники зла, и все страдания, испытываемые нами, суть печальное заслуженное нами следствие нашей вины

[12, С. 343]. Именно методология чтения истории как текста вводит «читателя истории» в состояние, по Хайдеггеру, внутри-временности (Innerzeitlichkeit), позволяющего отвлечься от искажений преходящего и прикоснуться к смыслу духовной истории.

Чтение как особый темпоральный модус уже задает своеобразную параметрию восприятия времени и истории. П. Рикер, например, формулировал «гипотезу о нарративной артикуляции истории» [19, С. 65]. Прочитывание же истории как теонарратива придает чтению свойство духовной археологичности, но не в постмодернистской интерпретации, а в возвращении к этимологической глубине сопоставленности «αρχή» (начало) и «λογосности» – «В начале – Слово». Теологическое прочтение истории как обращение к историческим первоначалам позволяет выйти на панорамно-метафизическое видение/понимание истории, сформировать такую методику постижения истории, при которой прочтение отдельного мгновения становится возможным через аллегорическое сведение не совпадающих между собой смыслов [17, С. 73]. Время чтения и время прочитанного образуют органическое единство понимания истории как духовно-текстуального акта, и вместе с тем выводят понятие времени как духовно-исторической категории на вневременной, согласно Хайдеггеру [19, С. 78], уровень. Время, считывающее себя в «теперь», но сохраняющее в этот момент свою актуальность как историческое «всегда» и есть способ тео-историзма читать историю.

Читабельность Божественной истории удаляет процесс чтения от формата от fiction и даже от non-fiction, духовная реалистичность тео-исторического прочтения формирует «иеротопику» (А.М. Лидов) духовно-исторических фрагментов-текстов, открывает места, в которых воплощается и прочитывается сакральная история. «Выговариваемость» Бога через историю, посредством истории придает истории метафилологические горизонты. Филологос-

ность сакрального принципиальна, а потому и теологическое постижение истории тесно связано с языковыми парадигмами, но в случае христианства язык приобретает особые коннотации: языком Бога является сам человек и главное – Христос как человек и как Слово. Х. фон Бальтазар в «Теологии истории» четко обозначает всемирно-историческую филологосность христианского видения истории [1, С. 126]. Если обратиться к патристике, то еще Григорий Нисский характеризовал Божественное как филологосное – даже в молчании [14, С. 50]. Несомненно, «филология молчания», «филология мистерии» занимает важное место прежде всего в экклесиологии, но история требует текстуально-словесного воплощения. Ведь даже историко-литургическая воплощенность Символа веры, если ограничиться только рамками отечественной истории, всегда имела особую филологическую представленность – сначала, до сер. XIX века читался (И. Дмитриевский «Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на Божественную Литургию» (1804 г.)), а затем приобретает музыкально-словесную напевность (см. «Церковный вестник». – 1892. – № 22).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На теме мелодики теологической истории, видимо, оправданно будет остановить многоточием данный текст.

Мелодика вступления – в нашем случае вхождения в концептуалистику тео-историзма – подразумевает ритмичное структурирование пролегоменов, их коммуникативную открытость, акцентирование основных позиций, модальность и личностную значимость первоначал концепции. Каждый предложенный теолого-исторический концепт – макромасштабирование истории, самобытная методика дешифровки исторических следов, системное единство и единство системы, раскрытие сакральных «объемов»

истории, открытых историко-исследовательских полей, опора на классическую методологию изучения истории: историчность, контекстуальность и процессуальность, привнесение в современное историческое знание «нового» инструментария постижения истории – сакрального универсализма, иконичности и филологосности в понимании истории – рассматривался именно в мелодическом ключе, как – звучащий и слышимый! – полифонический сигнал раскрывающегося сакрального смысла истории.

Конечно, это сигнал прежде всего к формированию новых границ ситуации вопрошания, к расширению горизонта ожиданий от теологического историзма, к фиксации неполноты богословского исторического знания и вопросов, маркирующих фронтитры этой неполноты. Потенциал теологического историзма ждет своего испытания вопрошанием, и чем глубже, чем острее будут эти вопросы, тем эффективнее будет развиваться теолого-историческое понимание истории. Активацию модели вопрошания, формата спрашивания с теологического историзма, определение степени его научной ответственности – можно считать главной задачей данного текста.

Библиография/ Reference:

1. Бальтазар Г.У. фон. Теология истории. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 136с.
2. Баранец Н.Г. Национальная идея сквозь призму христианского универсализма // Власть. – 2013. – №4. – С.72–74.
3. Барт Р. Camera lucida. – М.: Ad Marginem, 1997. – 267с.
4. Бедуэлл Г. История Церкви. – М.: Христианская Россия, 1996. – 320с.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 244с.
6. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 260с.
7. Глазков А.П. Содержание понятия ис-

ториософии и концептуализация термина «эсхатологическая историософия» // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». Т. 8. Вып. 2, 2015 / Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time vol. 8, issue 2 [Эл. ресурс] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-istoriosofii-i-kontseptualizatsiya-termi-na-shatologicheskaya-istoriosofiya>. Дата обращения 15.11.2021.

8. Дройзен Г.И. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 582с.
9. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 372с.
10. Кроче Б. Теория и история историографии – М.: Языки русской культуры, 1998. – 192с.
11. Ле Гофф Ж. История и память. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 308с.
12. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994. – 431с.
13. Ман де П. Аллегории чтения: фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 368с.
14. Мейендорф, Иоанн, протоиерей. Церковь в истории: статьи по истории Церкви. – М.: ПСТГУ: Эксмо, 2018. – 1010с.
15. Михайлов П.Б. История и истина: возможности взаимодействия богословской и исторической методологий // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып.5(60). – С.109–122.
16. Михайлов П.Б. История как призвание богословия // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. – 2012. – Вып.4(47). – С.7–22.
17. Окунева И. Археология чувственности. Феномен «чтения» у Пруста и Бенямина // Опыт и чувственное в культуре современности. Философско-антропологические аспекты. – М.: ИФ РАН, 2004. – С.70-93.
18. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соот-

ношении с рациональным. – СПб.: Издательство С.-Петербургского Университета, 2008. – 272с.

19. Рикер П. История и истина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 399с.

20. Тойнби А. Постигание истории: избранное. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 521с.

21. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М.: Весь Мир, 2000. – 296с.

22. Церковь Духа Святого. – Париж: Умса-press, 1971. – 329с.

23. Ясперс К. Смысл истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527с.

1. Bal'tazar G.U. fon. (2006) Teologiya istorii [Theology of history]. – М.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. – 136s. (In Russ.).

2. Baranets N.G. (2013) Natsional'naya ideya skvoz' prizmu khristianskogo universalizma [National idea through the prism of Christian universalism] // Vlast'. – №4. – S.72-74. (In Russ.).

3. Bart R. (1997) Camera lucida [Camera lucida]. – М.: Ad Marginem. – 267с. (In Russ.).

4. Beduell G. (1996) Istoriya Tserkvi [History of the Church]. – М.: Khristianskaya Rossiya. – 320s. (In Russ.).

5. Berdyayev N.A. (1990) Smysl istorii [The meaning of history]. – М.: Mysl'. – 244s. (In Russ.).

6. Blok M. (1986) Apologiya istorii ili remeslo istorika [Apology of history or the craft of a historian]. – М.: Nauka. – 260с. (In Russ.).

7. Glazkov A.P. (2015) Soderzhaniye ponyatiya istoriosofii i kontseptualizatsiya termina «eskhatologicheskaya istoriosofiya» [The content of the concept of historiosophy and the conceptualization of the term «eschatological historiosophy»] // Elektronnoye nauchnoye izdaniye «Al'manakh Prostranstvo i Vremya». T. 8. Vyp. 2 / Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time vol. 8, issue 2 [El. resurs] - URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-istoriosofii-i-kontseptualizatsiya-](https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-istoriosofii-i-kontseptualizatsiya-termina-shatologicheskaya-istoriosofiya)

termina-shatologicheskaya-istoriosofiya. (Data obrashcheniya 15.11.2021). (In Russ.).

8. Droyzen G.I. (2004) Istorika: lektsii ob entsiklopedii i metodologii istorii [History: lectures on the encyclopedia and methodology of history]. – Spb.: Vladimir Dal'. – 582s. (In Russ.).

9. Kollingvud R. Dzh. (1980) Ideya istorii. Avtobiografiya [The Idea of History. Autobiography]. – М.: Nauka. – 372s. (In Russ.).

10. Kroche B. (1998) Teoriya i istoriya istoriografii [Theory and history of historiography]. – М.: Yazyki russkoy kul'tury. – 192s. (In Russ.).

11. Le Goff Zh. (2013) Istoriya i pamyat' [History and memory]. – М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. – 308s. (In Russ.).

12. Losskiy N.O. (1994) Bog i mirovoye zlo [God and world evil]. – М.: Respublika. – 431s. (In Russ.).

13. Man de P. (1999) Allegorii chteniya: figural'nyy yazyk Russo, Nitsche, Ril'ke i Prusta [Allegories of reading: the figurative language of Rousseau, Nietzsche, Rilke and Proust]. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. – 368s. (In Russ.).

14. Meyendorf, Ioann, protoiyerey. Tserkov' v istorii: stat'i po istorii Tserkvi [Church in history: articles on the history of the Church]. – М.: PSTGU: Eksmo, 2018. – 1010s. (In Russ.).

15. Mikhaylov P.B. (2014) Istoriya i istina: vozmozhnosti vzaimodeystviya bogoslovskoy i istoricheskoy metodologii [History and truth: the possibility of interaction between theological and historical methodologies] // Vestnik PSTGU. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. – Vyp.5(60). – S.109–122. (In Russ.).

16. Mikhaylov P.B. (2012) Istoriya kak prizvaniye bogosloviya [History as a vocation of theology] // Vestnik PSTGU. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. – Vyp.4(47). – S.7–22. (In Russ.).

17. Okuneva I. (2004) Arkheologiya chuvstvennosti. Fenomen «chteniya» u Prusta i Ben'yamina [Archeology of sensibility. The

phenomenon of «reading» by Proust and Benjamin] // Opyt i chuvstvennoye v kul'ture sovremennosti. Filosofsko-antropologicheskiye aspekty. – M.: IF RAN. – S.70-93. (In Russ.).

18. Otto R. (2008) Svyashchennoye. Ob irratsional'nom v ideye bozhestvennogo i yego sootnoshenii s ratsional'nym [On the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. – SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo Universiteta. – 272s. (In Russ.).

19. Riker P. (2002) Istoriya i istina [History and truth]. – SPb.: Aleteyya. – 399s. (In Russ.).

20. Toynbi A. (2008) Postizheniye istorii: izbrannoye [Comprehension of history: favorites]. – M.: Ayris-Press. – 521s. (In Russ.).

21. Tosh D. (2000) Stremleniye k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika [Striving for the truth. How to become a historian]. – M.: Ves' Mir. – 296с. (In Russ.).

22. Tserkov' Dukha Svyatogo (1971) [Church of the Holy Spirit]. – Parizh: Ymca-press. – 329s. (In Russ.).

23. Yaspers K. (1991) Smysl istorii [The meaning of history]. – M.: Politizdat. – 527s. (In Russ.).

ЕФРЕМОВ Сергей Александрович, аспирант, кафедра истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Мытищи), e-mail: 11sae11@mail.ru

EFREMOV S.A., post-graduated, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional University (Russian Federation, Mytishchi), e-mail: 11sae11@mail.ru

ПРОТОПОП АВВАКУМ И СТАРЕЦ КАПИТОН: РАЗНОСТЬ ПОДХОДОВ

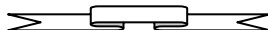
PROTOPOP AVVAKUM AND ELDER KAPITON: THE DIFFERENCE OF APPROACHES

Аннотация. Целью статьи является раскрытие разных подходов в понимании веры и государственного устройства протопопом Аввакумом и старцем Капитоном. В статье представлены мировоззрения двух, как считается, основателей церковного раскола – Аввакума и Капитона. Автор на основании архивных данных и иной историко-описательной информации структурировал их принципиальные сходства и различия в видении основных вопросов церковного развития того времени, а также указал на концептуальную разность этих вероучений.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, старец Капитон, старообрядчество, «капитоны», антисистема, аскетизм.

Abstract. The purpose of the article is to reveal different approaches in understanding faith and the state structure between Archpriest Avvakum and Elder Kapiton. The article presents the worldviews of two, as it is considered, the founders of the church schism – Avvakum and Kapiton. The author, on the basis of archival data and other historical and descriptive information, showed their fundamental similarities and differences in the vision of the main issues of church development of that time, as well as the conceptual difference between these creeds.

Keywords: Archpriest Avvakum, Elder Kapiton, Old Believers, «Kapitos», anti-system, asceticism.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы связана в числе прочего с актуализацией вопросов вокруг РПЦ, в частности с появлением в числе её сподвижников такой фигуры, как схиигумен Сергей. Ясно, что сравнивать его с деятелями старообрядчества невозможно, прежде всего, в силу его ничтожности, но другой аспект, а именно самовольство в трактовке норм и правил религиозной жизни, роднит его со старцем Капитоном, за что того и предполагали судить. С другой стороны, показана фигура протопопа Авва-

кума, также не покорившегося каноническому священноначалию, но действовавшему с мужеством и самоотречением и проповедовавшему свои взгляды совсем не так, как их пытался защищать вышеуказанный схиигумен.

ПРОТОПОП АВВАКУМ И СТАРЕЦ КАПИТОН: ИДЕИ И МЕТОДЫ

Старец Капитон, впоследствии ставший старообрядцем, начал свою проповедь в 1630-е годы. По внешним признакам это была крайняя аскеза: ношение двух (трёх?)

пудовых вериг, спанье подвешиваясь, пост в среду, пятницу и субботу, неупотребление даже в дни великих праздников, как Пасха или Рождество, мясных (и вообще скоромных) продуктов.

Проповедь и особенно крайний аскетизм Капитона принесли ему популярность среди паствы. Вообще он ратовал за борьбу против излишне привольной жизни церковников, в особенности монахов, позже это приведет его к открытому конфликту с властями. Уже во времена распри ново- и старообрядцев всех сторонников старого обряда даже называли «капитонами» и приписывали старцу проповедь самосожжений среди староверов.

А. В. Бородин отмечал в своей статье: «Инок Капитон – один из вождей оппозиционного, общественного, религиозного движения противников церковной реформы» [3, С. 76], – но в то же время приводил слова митрополита Дмитрия Ростовского: «В праздник Рождества ... хотят сыра и масла и рыбы вкушати ... разве точию от семян и ягодствования и прочих растущих от земли» [Цит. по: 3, С. 79], – иными словами, митрополит обвинял Капитона в своеволии, в насилии над духовно близкими ему людьми. Впрочем, были и более серьезные обвинения – Капитон, как монах, но не священнослужитель, не имел права на постриг, а в то же время широко это практиковал, в чем Дмитрий видел покушение на существующие в церкви законы.

Другой аспект – это якобы призывы старца Капитона к «горям», самосожжениям старообрядцев. На этот счет точных свидетельств у нас нет, но сама идеология Капитона, его пессимистический посыл, ожидание Антихриста (во многом пришедшее на Русь из Западной Европы) позволяют нам приписывать именно ему такие призывы (однако скажем в скобках, что подобное приписывалось и Аввакуму, на самом же деле он ничего подобного не проповедовал, хотя и допускал, но лишь в случае насильственных акций со стороны властей).

С. А. Зеньковский, известный историк русского старообрядчества, эмигрант, писал о Капитоне, ссылаясь на Евфросиния: «Он заставлял своих монахов не только поститься по средам и пятницам, но и вообще ничего не вкушать как в эти дни, так и в субботу» [8]. Иными словами, и Зеньковский, и другие исследователи обвиняли Капитона в самоуправстве и самовольном введении тех принципов монашеского общежития, которые не были распространены в церкви.

Но похожим образом вёл себя и Аввакум! Он изгонял «плясовых медведей», скоморохов, ломал «дудки и свистелки» у проезжих циркачей, и за это ему много доставалось – как от деревенских миров, так и от отдельных «начальных людей» (в «Житии протопопа Аввакума» этому сколько угодно свидетельств – например, такое: «...пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах ... Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел, – прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами» [1, С. 61]). Призывы Аввакума, скажем, к закрытию кабаков нередко заканчивались битьем проповедника, о чем говорил и академик А. М. Панченко, однако это не останавливало его, напротив, разжигало его проповеднический «азарт» ещё больше.

В чём же была разница между ними, почему в заголовке статьи говорится о разности подходов? Разница между ними была существенная – Аввакум, несмотря на свои радикальные методы, всё же действовал в рамках русской религиозной культуры своего времени, а Капитон поддавался влиянию антисистем, которых и до, и после Капитона было множество – павликиане, маркиониты, богомилы – и главной идеей которых было разделение мира на духовное (=светлое) и телесное, которое приравнивалось к темноте и греху. Л. Гумилев писал: «...мироощущение альбигойцев, манихеев, павликиан, исмаилитов и прочих – это система негативной экологии» [7, С. 39]. Но в случае с Капитоном

всё было сложнее – на негативистскую идеологию наслаивалось и ожидание конца света, особенно остро ощущаемое на Руси с конца XV века.

К. Валишевский писал о Капитоне, что «его доктрина ограничивалась лишь соблюдением правил самого сурового аскетизма и отрицанием всякой церковной иерархии» [4, С. 357]. Духовную иерархию по большому счёту (по крайней мере, в её новообрядческом виде) отрицал и Аввакум, но Валишевский не заметил существенного различия между ними. Если Аввакум, отрицая церковную иерархию и проповедуя самосожжение как путь от преследования царских чиновников, всё же сохранял догмы православной и вообще христианской церкви, то Капитон не следовал этому правилу и в своих руководствах для братии придерживался других правил.

Капитон мало оставил после себя трудов (если вообще писал), по крайней мере, из его произведений до нас ничего не дошло, и мы можем опираться лишь на реальные дела его единомышленников. Сторонники Капитона, в том числе так называемые вязниковские мученики (например, Вавила), проповедовали самосожжение, но не так, как это делал Аввакум, говоря о подобном шаге как о последнем, крайнем акте – они говорили о самосожжении вполне в «естественном» духе, не связывая его с угрозой их вере или свободе.

Наконец, между Аввакумом и Капитоном существует ещё одна, возможно, даже более существенная разница. Первый был сторонником «старины» – в обрядах, в церковном обиходе, в образе мыслей. Второй, по сути, был преобразователем церкви – отсюда его неумеренное постничество и попытки склонить своих монахов к новому уставу общежития, никогда не виденного на Руси, а если и применявшегося, то исключительно схимниками лично, без каких-либо попыток наставить кого-то на подобный путь.

Стоит провести различие и между тем, как эти две фигуры вели себя при пресле-

дованиях. Казалось бы, для Капитона, занимавшегося «самоуморением», эти гонения от властей не могли представлять реальной тяжести, и он должен был легко смириться с преследованиями его как самовольца, но на деле всё было иначе. По некоторым сведениям, Капитон дожил чуть не до 100 лет (точных дат ни его рождения, ни его смерти не сохранилось), активно скрываясь от преследователей. Мирозрение Капитона, похоже, радикально расходилось с его реальным жизненным путём: говоря словами Гумилева, в его «систему негативной экологии», называемую нами антисистемой, никак не вписалась перспектива реального мученичества (а не постничества), отчего он и бегал от солдат и стрельцов до столь почтенных лет [7, С. 39]. В этом можно было проследить некое лукавство, но общий уровень его духовного состояния и авторитет среди старообрядцев, конечно, говорили о другом.

Совсем иначе вёл себя Аввакум. Возможно, он предпочёл бы себе другую судьбу, чем отбывание долгих ссылок (да ещё, добавим, при не самых благодетных начальниках – вспомним Пашкова). Но он не жаловался, и никаких сетований от него начальству об этом не следовало. После пребывания на Мезени («в Даурской земле нужды великие годов с шесть и семь» [1, С. 75]) протопопу вернули в Москву, и царь намеревался сделать его своим духовником в случае примирения с действующей церковью, но Аввакум не покорился. Он отказался от поста духовника царя, хотя это и было местом достойным, что он хорошо знал по примеру Стефана Вонифатьева.

Ещё одним различием Аввакума и Капитона являлось то, что Аввакум имел программу действий, пусть и отличающуюся негативистским характером. Аввакум стоял за «древнее благочестие», что включало в себя: осьмиконичный крест, написание «Исус» вместо никоновской формы «Иисус» («аз единый»), был сторонником многогласия, и так далее, и так далее. А за

что (или, вернее, против чего) выступал Капитон? Это осталось загадкой. Конечно, постфактум старообрядцы приписали Капитону борьбу с официальной церковью и даже захоронили его в тайном месте, опасаясь посмертного воздаяния никониан, но всё это было сделано постфактум, что тоже не проясняет истинных идей самого старца.

Различия были и в области их проповеди – Аввакум, лишённый возможности проповедовать лично, написал, пожалуй, лучшую русскую книгу XVII века (и уж точно не шедшую ни в какое сравнение с потугами его опровергателей) – «Житие протопопа Аввакума». Это было новое слово не только в русской, но и, некоторым образом, в мировой литературе: написание автобиографического жития – случай редчайший. А чем прославился Капитон? Ведь он тоже мог начать писать книги, будучи преследуемым правительством, однако это ему даже не пришло в голову, так как, если бы такие «грамоты» были, хотя бы несколько их штук, безусловно, сохранилось бы (как сохранились прелестные письма Емельки Пугачева, несмотря на весь страх правительства и лично Екатерины Великой перед самозванцем и его возможными покровителями в Европе).

В итоге получается, что Аввакум прожил жизнь хотя и трудную, но имел при этом программу действий, написал знаменитую автобиографию, был крупным проповедником – как устным, так и письменным, и, в общем, оставил достойную память. А Капитон скрывался за Волгой, никакой проповеди, кроме как среди своих собратьев, не вёл, книжной деятельностью не отметился и умер, не оставив после себя ни единого слова (нам, по крайней мере, ничего разыскать не удалось) и даже могилы.

Хотелось бы ещё отметить особое почитание старца Капитона среди старообрядцев. Ясно, что они никак бы не могли согласиться с предложенным здесь тезисом о его «лукавстве», но это уже, скорее,

вопрос традиции. В самом деле, пожалуй, единственное, что оставил за собой Капитон, – это традицию, память о себе как о непреклонном молитвеннике и постнике, боровшемся с царским режимом до конца своих дней – на этом всё. Иными словами, он из фигуры реальной перешел в разряд фигур мифологических, возможно, это и устраивало его как церковного деятеля, но совсем не устраивает нас как историков.

Почитание, для нас совершенно очевидное, отнюдь не всегда было обычным для историков. Достаточно сказать, что в третьем томе Ключевского, который повествует о временах царствования Алексея Михайловича, имя Капитона вообще не упоминается, в то время как в работе Валишевского (изданной после религиозных послаблений 1905 года) об этой личности говорится достаточно подробно и даже утверждается, что всех старообрядцев на Руси в определенное время, якобы до начала XIX века, называли «капитонами». Но только ли в либерализации законодательства было дело? Нам думается, что нет, что старообрядцы, и без того игравшие значительную, а в отдельных областях даже довлеющую роль в русской жизни, воспользовавшись удобным случаем, стали переносить в жизнь никониан те идеи, ценности, а отчасти даже и мифы, которыми они руководствовались сами.

В своём труде «История России. 1861–1917 гг.» В. Федоров писал, что «церковь [...] должна развивать другие формы деятельности, важные для укрепления ее авторитета в народе» [11, С. 429]. Это говорилось, конечно, о временах обер-прокурорства в Синоде К. Победоносцева, но похожие проблемы возникали достаточно часто в истории русской церкви – с одной стороны, русские государи были заинтересованы в большем авторитете церкви, однако, с другой стороны, они боялись усиления ее влияния, что и отразилось на Никоне в виде его ссылки в монастырь. Никто ровным счётом – ни Святейший синод, ни ранее патриархи, ни русские

цари – не предполагал идеи «симфонии властей», существовавшей до того в Византийской империи: им это представлялось даже странным, и оттого намеки на титул «великий государь», пожалованный вначале патриарху Филарету, отцу царя Михаила Фёдоровича, а затем и Никону, воспринимались крайне болезненно, и возрождение русской церкви, намечавшееся в середине XVII века, выродилось в учреждение Синода при Петре.

Явление раскола, представители которого, хотя и чрезвычайно отрицательно относившиеся к официальной церкви, тем не менее, мало напоминали сторонников Капитона: тот был и сам сторонником антисистемных взглядов, и его сторонники придерживались воззрений, которые, по словам Л. Гумилева, «никак нельзя назвать христианскими» [5, С. 247].

И всё же скажем о тех обстоятельствах, которые если не роднили, то сближали Аввакума и Капитона. К. Валишевский в работе «Первые Романовы» рассказывал о том, что в России середины XVII века «невежество доходило до крайности» [3, С. 332], и с этим следует согласиться. Не только состояние образования и культуры, но и отношение к ним сильно не дотягивало до уровня даже восточноевропейских государств, и в этих условиях противоречия в развитии государства, проявлявшиеся в устремлениях Никона, с одной стороны, и Аввакума и Капитона – с другой, были очень демонстративны. Конечно, Никон был грекофилом, но одновременно он старался и укрепить русское государство, понимая, что без него погибнет и православие, отчего и его симпатии к тем новшествам (и даже явным полонизмам), которые вводились при дворе при Алексее Михайловиче. Известно, что в большинстве случаев Аввакум отстаивал образование, как бы мы сейчас сказали, гуманитарное, не хотел, чтобы детей обучали «дьявольским» наукам – физике, химии, математике, но поразительно, что примерно в том же направлении двигался и Никон, изымая у

населения иконы, «...отличавшиеся некоторым реализмом» [2, С. 184]. Конечно, мотивация этих поступков была различной, но их итоговая роль оказывалась примерно одинаковой.

Л. Гумилёв в своей классической работе «Этногенез и биосфера Земли» писал: «До спокойного спора с никонианами у них [старообрядцев] дело никогда не доходило» [6, С. 356], – что можно счесть и верным, и верным не совсем. Верным в том смысле, что споры старообрядцев и никониан всегда оканчивались взаимными оскорблениями, что совсем нетрудно себе представить, зная темперамент спорщиков. Однако такое утверждение трудно считать абсолютно верным, так как главным мотивом, препятствующим спору, было убеждение Никона и его сторонников в том, что старообрядцы люди неученые, серьезного спора с ними вести не следует, и вообще так ли, иначе ли, истины в споре не рождаются и, соответственно, никакие дискуссии ни к чему хорошему привести не могут.

Позиция Никона чрезвычайно была схожей с позицией Капитона, который также был уверен, что никакими «льстивыми» речами его переубедить не удастся, оттого и в споры с противниками не вступал, а убеждал в собственной правоте лишь собственным примером аскезы, необычайно суровой, призывами к самосожжению (хотя здесь возможны и своеволия со стороны его последователей) и необычно суровыми для русского монашества общежитийными нормами, о которых говорили неоднократно.

Таких деятелей было довольно много в истории русского раскола – многочисленных сторонников «гарей», которые сами чудесно спасались, шли проповедовать свои идеи об «очищении огнём» дальше, оставляя за собой лишь пожарища.

Возникает последний вопрос: насколько можно считать правыми тех или иных спорящих в этой связи, был ли прав Аввакум, Капитон или никониане? Ответить на этот вопрос сложно, да, пожалуй, и невозможно.

Альтернативная история сколько-нибудь уместна лишь там, где дело идет не о таких глобальных событиях, как выбор веры целого народа, и задаваться вопросом о том, как бы развивалась Англия в случае, если бы Генриху VIII не пришлось разводиться, отправлять в ссылку королеву и вручать управление англиканской церковью себе самому не приходится: слишком здесь много новых вводных данных, и для ответа на этот вопрос пришлось бы написать историю другой страны, а не Англии XVI века. Это под силу литературе, но никак не истории.

Аввакум хоть и прожил жизнь тяжелую и трудную, однако любил жизнь, любил свою семью, детей и жену («Сыну Ивану и Прокопю с матерью и с братом и сестрами, с женою и дочерью всем благословение» [1, С. 219]), любил природу тех мест, где бывал (о чём и писал в своем «Житии»). Капитон же полагал, что земная жизнь греховная, и вёл себя соответственно – крайне пессимистически, что вполне естественно именно для сторонника антисистемы, а не для православного христианина – старого ли, нового ли обряда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение хотелось бы ещё раз показать разность позиций Аввакума и Капитона, часто причисляемого к старообрядцам. Проповедь Капитона была близка известным антисистемным и гностическим учениям, ничего от себя в истории не оставившим, в то время как проповедь Аввакума, несмотря на все обстоятельства его жизни, в полной мере соответствовала идеалам православия и шире – христианства, оттого и осталась в веках вместе с великим его сочинением – «Житием протопопа Аввакума».

Библиография/ References:

1. Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие

произведения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 480 с.

2. Борисов Н. Церковные деятели средневековой Руси XIII – XVII вв. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 200 с.

3. Бородкин А. «Правдивый» инок Капитон // Новый исторический вестник. – 2010. – № 23. – С. 75–81.

4. Валишевский К. Первые Романовы. (Репринтное издание). – М.: ИКПА, 1989. – 482 с.

5. Гумилев Л. От Руси до России. – М.: АСТ, 2008. – 416 с.

6. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. – СПб.: Азбука, 2013. – 672 с.

7. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. – Л.: Советский писатель, 1990. – 128 с.

8. Зеньковский С. Русское старообрядчество. Капитон [Электронный ресурс]. – URL: apocalypse.orthodox>zenkovskii/14.html.

9. Ключевский В. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3.

10. Митр. Макарий. История русской церкви. – М.: Издательство Свято-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 7.

11. Робертсон Г., Герцог И. История христианской церкви. В 2-х т. – СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1891. – Т. 2.

12. Рыбаков Б. Стригольники. – М.: Наука, 1993. – 334 с.

13. Столбов В. Старообрядчество в России: историософский аспект [Электронный ресурс]. – URL: prosa.ru>2018/08/23/1283.

14. Федоров В. История России. 1861–1917 гг. – М.: Юрайт, 2013. – 496 с.

1. Avvakum Petrov. Zhitiye protopopa Avvakuma, im samim napisannoye, i drugie proizvedeniya [Life of Archpriest Avvakum, written by him, and other works]. – М.: Gosudarstven-

- noye izdatel'stvo khudozhe-stvennoy literatury, 1960. – 480s. (In Russ.).
2. Borisov N. Tserkovnyye deyateli srednevekovoy Rusi XIII–XVII vv. [Church leaders of medieval Russia XIII–XVII centuries]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1988. – 200s. (In Russ.).
3. Borodkin A. «Pravdivyy» inok Kapiton [«Truthful» Monk Kapiton] // Novyy istoricheskiy vestnik. – 2010. – №23. – S.75–81. (In Russ.).
4. Valishevskiy K. Pervyye Romanovy [The First Romanovs]. (Reprintnoye izdaniye). – M.: IKPA, 1989. – 482s. (In Russ.).
5. Gumilev L. Ot Rusi do Rossii [From Russia to Russia]. – M.: AST, 2008. – 416s. (In Russ.).
6. Gumilev L. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. – SPb.: Azbuka, 2013. – 672s. (In Russ.).
7. Gumilev L., Panchenko A. Chtoby svecha ne pogasla [So that the candle does not go out]. – L.: Sovetskiy pisatel', 1990. – 128s. (In Russ.).
8. Zen'kovskiy S. Russkoye starobryadchestvo. Kapiton [Russian Old Believers. Kapiton]. [Elektronnyy resurs]. – URL: apocalypse.orthodox>zenkovskii/14.htm. (In Russ.).
9. Klyuchevskiy V. Kurs russkoy istorii. Sochineniya v devyati tomakh [The course of Russian history. Works in nine volumes]. – M.: Mysl', 1988. T.3. (In Russ.).
10. Mitr. Makariy. Istoriya russkoy tserkvi [History of the Russian Church]. – M.: Izdatel'stvo Svyato-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1996. Kn.7. (In Russ.).
11. Robertson G., Gertsog I. Istoriya khristianskoy tserkvi [History of the Christian Church]. V 2-kh tt. – SPb.: Izdaniye knigoprodavtsa I.L. Tuzova, 1891. T.2. (In Russ.).
12. Rybakov B. Strigol'niki [Strigolniki]. – M.: Nauka, 1993. – 334s. (In Russ.).
13. Stolbov V. Starobryadchestvo v Rossii: istoriosofskiy aspekt [Old Believers in Russia: the historiosophical aspect]. [Elektronnyy resurs]. – URL: prosa.ru>2018/08/23/1283. (In Russ.).
14. Fedorov V. Istoriya Rossii [History of Russia]. 1861-1917gg. – M.: Yurayt, 2013. – 496s. (In Russ.).
-

ГУЛАРЯН Артём Борисович, кандидат исторических наук, Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина (Россия, Орёл), e-mail: agularyan@yandex.ru

GULARYAN A.B., Candidate of Historical Sciences, Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin (Russian Federation, Orel), e-mail: agularyan@yandex.ru

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ УСТАВОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

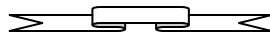
REGULATION BY THE STATE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE STATUTES OF PRE-REVOLUTIONARY SOCIAL ORGANIZATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE SOCIETIES OF MEDICAL WORKERS OF OREL PROVINCE)

Аннотация. Основная цель статьи заключается в анализе регламентации органами государственной власти Российской империи уставов дореволюционных общественных организаций. В статье на конкретных примерах утверждения новых уставов Орловского медицинского общества и Орловского ветеринарного общества рассматривается практика применения правовых норм при утверждении и регистрации самодеятельных общественных организаций в конце XIX века в Российской империи. Анализ документов показывает, что утверждаемые уставы являлись компромиссом между учредителями обществ и царскими бюрократами, всеми силами пытающимися ограничить компетенцию частных обществ.

Ключевые слова: общественная организация, порядок утверждения, устав, требования, государственный аппарат, Орловское медицинское общество, Орловское ветеринарное общество, губернатор.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the regulation of the charters of pre-revolutionary public organizations by the state authorities of the Russian Empire. In the article, on specific examples of the approval of new charters of the Orel Medical Society and the Orel Veterinary Society, law enforcement practice in the field of permission and registration of amateur public organizations at the end of the 19th century is considered in the Russian Empire. As a result of the research, the author draws the conclusion that the approved statutes were a compromise between the founders of societies and the tsarist bureaucrats, who were trying with all their might to limit the competence of «private» societies.

Keywords: public organization, approval procedure, charter, requirements, state apparatus, Orel Medical Society, Orel Veterinary Society, governor.

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XVIII века в России

стали утверждаться идеи европейского Просвещения. Это выразилось, с одной стороны, в политике императрицы Екате-

рины II, попытавшейся опереться на просветительские идеи. В истории этот период ее правления получил название «политика просвещенного абсолютизма». С другой стороны, просвещенная часть дворянства стала создавать самостоятельные общественные организации для достижения полезных для всего общества целей. Первыми подобными организациями в Российской империи стали *Вольное экономическое общество* (1765–1917 гг.) и *Вольное российское собрание* (1771–1783 гг.) [1, С. 609]. В 1775 году русским подданным было официально разрешено создавать благотворительные общества и учреждения. Также в XVIII веке в России активно создавались закрытые для непосвященных религиозно-мистические организации вольных каменщиков [4, С. 124–174]. Всё это говорило о начавшемся в стране общественном подъеме.

СКЛАДЫВАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ УТВЕРЖДЕНИЯ УСТАВОВ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В свою очередь, государство должно было выработать отношение к новому общественному явлению – самостоятельным объединениям частных лиц, чтобы подвести правовую базу под деятельность общественных организаций. И это отношение изначально сформировалось как двойственное. Упомянутые выше организации *Вольное экономическое общество* и *Вольное российское собрание* занимались сугубо научными проблемами и были вполне благонамеренными. Но нельзя сбрасывать со счетов, что во второй четверти XVIII века в среде гвардейского офицерства создавались тайные заговорщические организации, готовившие и осуществлявшие государственные перевороты. Екатерина II сама пришла к власти на плечах подобного заговора. Крайне закрытой, а

поэтому подозрительной для властей оставалась и деятельность русских масонов.

Соответственно, у русского государства изначально сложилось настороженное отношение к самостоятельным общественным организациям. Согласно «Уставу благочиния», подписанному Екатериной II 8 апреля 1782 года, общества разделялись на дозволенные и запрещенные (§ 64, 65 устава) [5, С. 467]. Разница между ними была в акте «высочайшего соизволения» на деятельность общественной организации, который выражался в утверждении монархом одобренного Кабинетом министров устава общества. После чего общество считалось «законом утвержденным». Объединения, не имеющие подобного устава и официально не зарегистрированные, считались запрещенными, противозаконными [2, С. 55].

Таким образом, до эпохи Великих реформ Александра II общественные организации утверждались именными рескриптами Екатерины II, Александра I, Николая I. Соответственно, их общее число было невелико. Многие зависели также от личного отношения монарха к проявлению общественной инициативы. Так, в начале правления императора Александра I он охотно втирал создание новых, как тогда говорили, частных обществ и снисходительно относился к существованию незарегистрированных общественных организаций. Но в конце царствования Александра I все незарегистрированные и тайные общества были запрещены и распущены. Император Николай I ввел жесткие ограничения на деятельность общественных организаций. При нем было дозволено всего несколько подобных обществ (*Императорское Русское географическое общество, Императорское Русское археологическое общество, Общество сельского хозяйства Южной России* и некоторые другие) [1, С. 610]. Лишь к концу правления Николая I правовые ограничения несколько смягаются, появляются новые общественные организации [2, С. 55].

Со второй половины XIX века в Российской империи был запущен процесс строительства системы самостоятельных общественных организаций. Подготовка и проведение крестьянской реформы вызвали новый рост общественного настроения. Количество прошений об учреждении новых частных обществ увеличилось кратно. В этих условиях император Александр II начал постепенно передавать полномочия по утверждению уставов новых организаций своим министерствам и ведомствам. Первым шагом в этом направлении стало Положение Комитета министров, высочайше утвержденное 12 января 1862 года, которое делегировало право утверждения уставов новых обществ «вспомоществования» и благотворительных общественных организаций Министерству внутренних дел [6, С. 26]. Постепенно количество государственных институтов, имевших право утверждать новые уставы самостоятельных обществ, расширилось до десяти. Это право получили министр внутренних дел, министр просвещения, министр государственных имуществ, главноуправляющий коннозаводством; список заканчивался губернаторами. Соответственно, возглавляемые этими должностными лицами учреждения начали выпускать акты и циркуляры, регулирующие жизнь частных обществ, что, в свою очередь, постепенно привело к появлению примерных или, как в то время было принято говорить, нормальных уставов для различных типов общественных организаций.

Главной проблемой в процессе утверждения новой общественной организации во второй половине XIX века была необходимость грамотно оформить учредительные документы (ходатайство и проект устава) в рамках требований к делопроизводственной документации. Дело в том, что в дореволюционном законодательстве отсутствовал один общий закон о самостоятельных общественных организациях, то есть законодательные нормы были разбросаны по разным частям «Свода зако-

нов». При этом всякое отступление от этих норм и положений грозило переделкой необходимых для утверждения общественной организации документов. Представленный учредителями проект рассматривался в порядке субординации несколькими правительственными учреждениями, начиная с губернатора и кончая соответствующим министром. Любая инстанция могла наложить вето и потребовать доработки и переработки документа, в связи с чем утверждение устава организации затягивалось порой ни на один год. Иногда, чтобы ускорить процесс утверждения устава, учредители общества обращались к протекции влиятельных лиц [2, С. 57].

СОГЛАСОВАНИЕ УСТАВОВ ОРЛОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО И ОРЛОВСКОГО ВЕТЕРИНАРНОГО ОБЩЕСТВ В ИНСТАНЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Всё это очень рельефно проявилось при утверждении в 1891 году нового устава старейшего в городе Орле *Орловского медицинского общества*. Эта общественная организация уже становилась объектом рассмотрения в одной из статей автора, но тогда была изучена ее компетенция, деятельность по развитию медицины и улучшению санитарного состояния Орловской губернии [3]. В стороне остался вопрос, как утверждались уставы этого общества.

В Государственном архиве Орловской области, в фонде орловского губернатора, хранятся два дела с двумя разными уставами общества орловских врачей. К сожалению, пока не удалось найти документы, описывающие историю утверждения министром внутренних дел П. А. Валуевым первого устава этого общества в 1863 году. Этот документ дошел до нас не в подлиннике, а в виде брошюры, отпечатанной в 1882 году в типографии газеты «Орловский вестник» [10, Л. 17–21]. В этом же деле находится утвержденный в 1872 году Устав лечебницы для проходящих больных (ам-

булатории) *Орловского медицинского общества* [10, Л. 8–11].

Согласно уставу 1863 года учреждаемая проживающими в Орловской губернии медицинскими работниками общественная организация называлась *Общество орловских врачей*, хотя в него вошли также фармацевты и ветеринары. Эта общественная организация имела научный характер и ставила себе целью «следить за успехами всех отраслей медицинской науки» и «способствовать дальнейшему научному развитию членов его» [10, Л. 18]. В то же время общество врачей брало на себя и функции, свойственные профсоюзу – «помощь бедным врачам, их вдовам и сиротам» [10, Л. 18]. О научном характере учреждаемой организации говорит и норма, по которой действительные члены общества не менее одного раза в год должны были выступать с докладом на собрании или присылать для прочтения статью по медицинским вопросам.

По уставу 1863 года правление общества состояло из двух человек: председателя общества и его секретаря, который совмещал обязанности кассира и библиотекаря. Обществу дозволялось основать кабинет с медицинской литературой, хирургическими и акушерскими инструментами. Результаты научных занятий предполагалось печатать в «Орловских губернских ведомостях» [10, Л. 18].

Таким образом, *Общество орловских врачей* вынуждено было действовать в довольно тесных рамках, становившихся всё стеснительнее по мере развития этой организации, объединившей в своих рядах практически всех медицинских работников, живущих и практикующих в губернии. Сначала орловских врачей перестал удовлетворять единственный медицинский кабинет, и они добились открытия в 1872 г. амбулатории. Потом возникла идея проводить общедоступные беседы по гигиене, на которые потребовалось отдельное разрешение орловского губернатора. Этому ходатайству и посвящено дело, в котором

был обнаружен типографский экземпляр первого устава. Орловский губернатор А. Р. Шидловский общедоступные беседы разрешил, однако программу урезал, исключив из нее все вопросы, не касающиеся напрямую медицинской тематики [10, Л. 2–7].

Наконец, к началу 1890-х гг. члены *Общества орловских врачей* осознали необходимость переработки своего устава и составили новый устав, который представили 10 декабря 1890 года в департамент медицины МВД [8, Л. 1]. Однако департамент медицины счел это нарушением субординации и отослал проект для заключения орловскому губернатору [8, Л. 1].

Губернатор А. Р. Шидловский раскритиковал представленный проект устава и сделал по нему шесть существенных замечаний. Он выступил против права общества устраивать аптеку «с вольною продажей лекарств»; против открытия при медицинском обществе собственного клуба, «так как устройство клуба, несомненно, отвлечет общество от его прямой научной цели»; против ввода в общество членосоревнователей, «так как общество наполнится людьми, не знакомыми с врачебной наукой, и характер общества нарушится»; потребовал исключить целый параграф (§ 33 проекта устава) предоставляющий право врачам – не членам общества участвовать в его заседаниях и делать сообщения [8, Л. 4 – 4 об.]. Сделав эти действительно серьезные замечания, А. Р. Шидловский выступил против ограничения срока избрания председателя общества тремя годами и потребовал уточнить его обязанности.

Таким образом, мы наблюдаем конфликт интересов: существующая общественная организация попыталась расширить рамки своей деятельности и предложила проект нового устава; губернатор попытался вычеркнуть из проекта всё, что, по его мнению, расширяло полномочия общественной организации в недопустимую сторону и укрепляло связи довольно замкнуто-

го сообщества врачей с орловской публикой.

Несмотря на жесткую позицию губернатора, утвержденный 2 мая 1891 года новый Устав Орловского медицинского общества существенно расширял компетенцию этой организации. По уставу общество получало права проводить публичные чтения, устраивать выставки и печатать популярную литературу по проблемам гигиены и санитарии; содействовать местным органам власти и местному самоуправлению в решении медицинских проблем. Кроме того, обществу вменялось «личное, более тесное сближение между собою членов для поддержания доброго согласия» [8, Л. 6 – 6 об.]. Члены общества официально, по уставу, получили право выступать на собраниях с докладами по медицинским вопросам. Удалось также отстоять членов-соревнователей, которыми могли быть «естествоиспытатели... изъявившие желание содействовать своими трудами обществу... содействовать обществу материальной поддержкой, пожертвованием деньгами, книгами, инструментами, медикаментами» [8, Л. 8]. То есть не все замечания орловского губернатора были учтены в министерстве. Окончательный вариант устава представлял собой, по всей видимости, компромисс между Орловским медицинским обществом и департаментом медицины МВД.

Большим завоеванием общества можно назвать и расширение состава его правления. Кроме председателя общества и его секретаря появились должности товарища (заместителя) председателя, кассира и библиотекаря. Правление должно было переизбираться ежегодно [8, Л. 9]. Общество получило также право открыть в городе собственную лечебницу, а также самостоятельно печатать свои научные труды и изыскания [8, Л. 7].

Всё это позволило Орловскому медицинскому обществу более успешно решать вопросы развития медицины в губернии. Само общество развивалось столь

успешно, что через 5 лет из него выделилось общество ветеринаров.

Раскол Орловского медицинского общества и выход из него ветеринарных врачей еще до конца не проанализирован. Представляется, что это событие было вызвано как объективными причинами, так и субъективными факторами. К объективным причинам можно отнести увеличение числа медицинских работников – врачей, фармацевтов и ветеринаров – в губернии. Этот рост мог вызвать желание ветеринарных врачей создать свою независимую организацию, занимающуюся исключительно вопросами ветеринарного дела. К слову, прошение об утверждении проекта устава Орловского ветеринарного общества подписали 22 ветеринарных врача [9, Л. 2]. К субъективным факторам следует отнести личные амбиции орловского ветеринарного врача С. К. Живописцева, который стремился к карьере общественного деятеля.

25 февраля 1895 года орловские ветеринарные врачи подали орловскому губернатору А. Н. Трубникову упомянутое выше прошение, в котором просили его ходатайствовать «в установленном порядке» об утверждении устава нового общества [9, Л. 1–2]. Проект устава был передан А. Н. Трубниковым в ветеринарный комитет Министерства внутренних дел без замечаний, поскольку был полностью скопирован с уже утвержденного министром внутренних дел Устава Общества ветеринарных врачей в городе Одессе. Однако в ветеринарном комитете к проекту отнеслись критически и вернули его на доработку с шестью замечаниями.

Сделанные замечания можно разделить на существенные и несущественные. К существенным замечаниям можно отнести следующие. Ветеринарный комитет потребовал исключить из § 27 упоминание спектаклей, базаров, концертов, балов и лотерей-аллегри как источника пополнения бюджета ветеринарного общества; § 35 дополнить указанием, что повестка дня

общих собраний должна заблаговременно сообщаться полицмейстеру; последнее серьезное замечание – устав необходимо было дополнить новым параграфом, по которому губернатор получал право закрыть общество в случае беспорядков или при нарушении устава [9, Л. 5]. То есть обществу запрещалось проводить любые развлекательные мероприятия, внутренняя жизнь общества ставилась под контроль полиции, а губернатор получал право распустить общество без возможности какой-либо апелляции со стороны членов последнего.

На этом фоне требования переименовать должность кассира в казначея или ввести в устав запрещение членства для женщин могут показаться мелочными придирками (если не учитывать, что в начале XX века в Орловской земской больнице уже работала первая женщина-врач, чем земские либералы очень гордились) [7, С. 104].

Орловским ветеринарным врачам пришлось учесть все замечания чиновников из ветеринарного комитета, после чего устав их общества был утвержден 10 ноября 1895 года министром И. Л. Горемыкиным. Согласно этому уставу Орловское ветеринарное общество было строго научным, то есть ставило своей целью «изучение эпизоотических и других болезней животных», «собрание и разработку статистических данных о болезнях домашних животных и изучение местных условий, влияющих на происхождение этих болезней» [9, Л. 20]. Для этого общество получало право проводить публичные чтения и издавать популярную литературу по ветеринарии; проводить конкурсы с денежными призами на лучшие научные работы в области ветеринарии и естествознания; предоставлять «на благоусмотрение правительства» меры, способствующие развитию скотоводства и предотвращению падежей [9, Л. 20]. Кроме того, общество имело право решать вопросы, «имеющие прямое отношение к быту ветеринарного сословия» [9, Л. 20].

Обществу было также разрешено открыть стационарную лечебницу для животных и печатать «Труды Орловского ветеринарного общества» [9, Л. 22 – 22 об.].

Таким образом, Устав *Орловского ветеринарного общества* аналогичен Уставу *Орловского медицинского общества*. Добавилось одно положение: губернатор получил право распустить общество в случае «беспорядков» или «уклонения от устава», то есть по любому формальному поводу. До этого подобные нормы в уставах общественных организаций не вводились. Появление подобной нормы (она прослеживается и в других уставах) можно интерпретировать как составную часть реакции государственного аппарата Российской империи на требования реформ со стороны либеральной общественности после восхождения на престол молодого Николая II.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные факты позволяют глубже понять процесс взаимодействия органов государственной власти с социально активной частью общества, учреждающей новые общественные организации. Можно сделать вывод, что утверждение уставов новых общественных организаций было бюрократизировано и зарегламентировано до предела. Пытаясь не допустить существования запрещенных обществ, царские чиновники до предела усложнили возникновение «дозволенных» общественных организаций. Если учредители не принимали заранее один из разработанных государством примерных уставов для своего общества, вокруг утверждения проекта оригинального устава начиналась борьба между чиновниками и учредителями. Эта борьба могла закончиться компромиссом, когда устав принимался с поправками (подобный пример был рассмотрен в статье), либо устав не утверждался (как случилось с Уставом *Малоархангельского общества сельского хозяйства* в 1873 г.).

Многое зависело также от позиции правящего монарха, который мог ослабить, а мог ужесточить политику в сфере создания новых общественных организаций.

Библиография/References:

1. Гессен В.М. Общества // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. – Т. 42. – С. 607–626.

2. Гулярян А.Б. Изменение политики государства в сфере утверждения и регистрации самодельных общественных организаций в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – № 2. – С. 53–63.

3. Гулярян А.Б. Уставы орловских общественных организаций как исторический источник // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6 (44). – С. 66–73.

4. Масонство в его прошлом и настоящем. Репринтное воспроизведение издания 1914 г. – М.: СПб.: ИКПА, 1991. – Т. 1. – 256 с.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – Т. 21. – СПб., 1830. – 1092 с.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Т. 37, Ч. 1. – СПб., 1865. – 832 с.

7. Попов Н.С. Продовольственная реформа в Орловской губернии // Орловский календарь. – 1903.

8. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 3045.

9. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 3653.

10. ГАОО. Ф. 580. Ст. 3. Д. 4810.

gosudarstva v sfere utverzhdeniya i registratsii samodeyatel'nykh obshchestvennykh organizatsiy v Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale KHKH vv. [Changes in state policy in the field of approval and registration of amateur public organizations in the Russian Empire in the late 18th - early 20th centuries] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – №2. – S.53–63. (In Russ.).

3. Gularyan A.B. (2011) Ustavy orlovskikh obshchestvennykh organizatsiy kak istoricheskiy istochnik [Charters of Oryol public organizations as a historical source] // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. – №6(44). – S.66–73. (In Russ.).

4. Masonstvo v yego proshlom i nastoyashchem. Reprintnoye vosproizvedeniye izdaniya 1914g. [Freemasonry in its past and present. Reprint reproduction of the 1914 edition]. – М.: СПб.: «ИКПА», 1991. – Т.1. – 256s. (In Russ.).

5. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye 1. – Т.21. – СПб., 1830. – 1092s. (In Russ.).

6. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye 2. – Т.37. Ч.1. – СПб., 1865. – 832s. (In Russ.).

7. Popov N.S. (1903) Prodovol'stvennaya reforma v Orlovskoy gubernii [Food reform in the Oryol province] // Orlovskiy kalendar'. (In Russ.).

8. GAOO. F.580. St.1. D.3045. (In Russ.).

9. GAOO. F.580. St.1. D.3653. (In Russ.).

10. GAOO. F.580. St.3. D.4810. (In Russ.).

1. Gessen V.M. (1897) Obshchestva [Societies] // Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Yefrona. – SPb.: Tipo-Litografiya I.A. Yefrona. – Т.42. – S.607–626. (In Russ.).

2. Gularyan A.B. (2018) Izmeneniye politiki

ЛУПАНДИН Виталий Николаевич, кандидат политических наук, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: vit183@yandex.ru

LUPANDIN V.N., Candidate of Political Sciences, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: vit183@yandex.ru

**ПОСЛЕВОЕННАЯ ЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В. Ф. АСМУСА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ**

**POSTWAR LOGICAL SCHOOL V.F. ASMUSA IN THE CONTEXT OF FORMATION OF
UNIVERSITY EDUCATION IN RUSSIA**

Аннотация. Цель статьи – анализ реформирования отечественной логической науки после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и изучение роли и значения В. Ф. Асмуса в данном процессе.

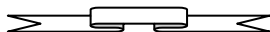
Методологически работа выполнена на базе сравнительно-исторического метода, а также методов системного анализа, сравнения и описания. Областью исследования является история логики, а результаты исследования могут применяться при изучении гуманитарных учебных дисциплин высшего профессионального образования. В отношении общества, политики и системы государственного и муниципального управления результаты исследования могут применяться с целью повышения культуры мышления представителей социума, а также представителей системы государственного управления всех уровней.

Ключевые слова: университетское образование, философское образование, логика, реформирование отечественной логики, правящая элита.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the reformation of the domestic logical science after the end of the Great Patriotic War of 1941-1945. and the study of the role and significance of V.F. Asmus in this process.

Methodologically, the work was carried out on the basis of the comparative historical method, as well as methods of system analysis, comparison and description. The area of research is the history of logic, and the results of the research can be applied in the study of humanitarian disciplines of higher professional education. In relation to society, politics and the system of state and municipal administration, the results of the study can be applied to improve the culture of thinking of representatives of society, as well as representatives of the public administration system at all levels.

Keywords: University education, philosophical education, logic, reformation of domestic logic, the ruling elite.

ВВЕДЕНИЕ

Становление и развитие отечественной логической науки всегда было неразрывно

связано с двумя основными факторами: во-первых, с развитием университетского образования в России; во-вторых, с отношением к логике со стороны правящей элиты,

управляющей Российским государством. Известно, что в дореволюционной России (до 1917 г.) крупнейшими центрами по изучению логики были Санкт-Петербургский университет (1724 г.), Московский университет (1755 г.), Тартуский университет (1802 г.), Казанский университет (1804 г.), Харьковский университет (1804 г.). В аспекте заявленной тематики мы можем говорить о том, что в послевоенный период (Великая Отечественная война 1941–1945 гг.) возрождение статуса логики как науки, возрождение интереса к ее изучению также связано с университетским образованием, в первую очередь с деятельностью исследователей Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Ленинградского ордена Ленина государственного университета. Для того чтобы достоверно отразить суть происходивших в послевоенный период в отечественной логической науке процессов, проанализируем историю становления двух главных российских университетов, события и процессы, сопровождавшие развитие философской и логической мысли в их стенах.

СТАНОВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В отношении Санкт-Петербургского университета длительное время не прекращались дискуссии о дате и способе его основания, на этот счет существует две точки зрения. Согласно первой, родословную Санкт-Петербургского университета следует вести с 1724 года, когда по указу императора Петра I заведующим кунсткамерой Лаврентием Лаврентьевичем Блюментроном было создан проект положения об учреждении Академии наук и художеств. Как отмечает Г. А. Тишкин, Академия наук и художеств предполагала комплексное образование – «...из Академии наук Петра I выделились университет, гимназия, академия наук, академия художеств...» [23, С. 155]. Сходное мнение высказывают Н. М. Карпачёв, А. Х. Дауров: «...основан-

ная Петром I Академия наук была единственным научно-учебным образованием, в составе которого находились академический университет и гимназия, а в 1747 году произошло деление Академии наук на собственно *Академию* и *Университет*...» [15, С. 11]. При этом авторы не отрицают, что впоследствии академический университет был объединен с Главным педагогическим институтом, образованным на основе учительской гимназии, ставшей со временем педагогическим институтом. Учительская гимназия Санкт-Петербурга территориально располагалась в здании 12 коллегий – фактически там же, где располагался и академический университет, поэтому в его слиянии с Главным педагогическим институтом нет ничего удивительного. Представители второй точки зрения также говорят об образовании Санкт-Петербургского университета путем реорганизации и переименования Главного педагогического института, однако утверждают, что Санкт-Петербургский университет ведет свою родословную только с 1819 года.

На наш взгляд, первая точка зрения представляется более достоверной, поскольку подтверждается рядом официальных документов. Во-первых, энциклопедические сведения свидетельствуют о том, что «...Санкт-Петербургский университет является старейшим образовательным и научно-исследовательским центром России, основанным Петром I в 1724 году...» [21, С. 350–351]; во-вторых, в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении устава ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» указывается та же дата: «...Санкт-Петербургский университет учрежден указом Петра I от 22 января 1724 года, введенным в действие по указу Правительствующего сената от 28 января 1724 года...» [1, С. 1]. Кроме того, как отмечает Г. А. Тишкин, 1724 год признается датой основания Санкт-Петербургского университета и в ряде зарубежных изданий [23, С. 157].

До революции 1917 года Санкт-

Петербургский университет дважды сменил свое наименование: с 1821 года – Императорский Санкт-Петербургский университет, а с 1914-го – Императорский Петроградский университет. В 1819 году в составе Санкт-Петербургского университета, до 1824 года функционирующего по уставу Главного педагогического института, были три отделения: историко-филологическое, юридическое и физико-математическое. В том же году на базе соответствующих отделений в Санкт-Петербургском университете был создан философско-юридический факультет, а в 1835 году он был реорганизован путем разделения на два самостоятельных факультета. На первом (философском) факультете функционировало два отделения – гуманитарных наук и точных и естественных наук.

Преподавание логики в Санкт-Петербургском университете началось уже в 1724 году, благодаря усилиям приглашенных из-за рубежа профессоров-вольфианцев Бильфингера и Мартини. Чтение лекций этими преподавателями было сопряжено с определенными трудностями, поскольку занятия велись, как правило, на латыни, к чему многие обучающиеся были не готовы. В этой связи возникла необходимость приглашения преподавателей, обучавшихся за границей, но владеющих русским языком. К таким преподавателям мы можем отнести М. А. Балугьянского, П. Д. Лодия и В. Г. Кукольника. Учеником П. Д. Лодия стал А. И. Галич, и благодаря их активной совместной научной и образовательной деятельности в Санкт-Петербургском университете появились первые отечественные доктора наук и профессора философии, оставившие заметный след в становлении и развитии отечественной логики.

В Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова учебная дисциплина «Логика» с момента основания вуза – Императорского Московского университета – изучалась на философском факультете, считавшемся общеобразова-

тельным. Все студенты, поступавшие в университет, должны были осваивать общеобразовательные дисциплины, в том числе и логику. Относительно логики еще в проекте об учреждении Императорского Московского университета, принятом Правительствующим сенатом, говорилось: «...профессор философии должен уметь обучать логике, метафизике и нравоучению...» [20, С. 100]. История философского факультета Императорского Московского университета в XIX столетии неоднократно сопровождалась его структурной трансформацией: в 1804 году вместо философского факультета в университете создается отделение нравственных и политических наук; в 1835 году философский факультет университета восстановлен на двух отделениях – историко-филологическом и физико-математическом; в 1850 году философский факультет вновь ликвидируется, а бывшие его отделения становятся самостоятельными факультетами – историко-филологическим и физико-математическим. Однако, несмотря на происходящие пертурбации, преподавание логики в вузе не прекращается, напротив, во многом, «благодаря» гонениям в силу ряда причин на философскую науку в указанный период, это стало стимулом развития логики и сохранения данной науки в учебных планах вуза [8, С. 9].

Как отмечает А. Т. Павлов, «...князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов в своей докладной записке от 26 января 1850 года под названием «О преподавании философии», адресованной императору России Николаю I, предложил исключить из преподавания в университетах метафизику, теорию познания, нравственную философию и историю философии, оставив только логику и психологию...» [20, С. 103]. Давая ответ на докладную записку, Николай I выступил с инициативой преподавания логики и психологии преподавателями богословия, что фактически привело к ликвидации философских факультетов во всех российских универси-

татах, поскольку богословы не могли полноценно преподавать философию и логику.

Преподавание философии в университетах на прежних основаниях вместе с ло-

гикой и психологией стало возможным только в 1860 году, после повеления императора России Александра II (рис. 1).

6. (22 февраля) О возобновлении въ университетахъ и Ришельевскомъ лицѣ преподаванія исторіи философіи, съ логикою и психологіею.

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволяя:

1) Возобновить въ университетахъ и Ришельевскомъ лицѣ, на прежнемъ основаніи, преподаваніе исторіи философіи, съ логикою и психологіею.

2) Нужныя на содержаніе особаго для того профессора издержки обратить на свободныя суммы университетовъ и лицей и

3) Профессору богословія сохранить права и окладъ ординарнаго профессора.

Рисунок 1 – Высочайшее повеление за февраль 1860 года о возобновлении преподавания философии [2, С. 6]

Figure 1 – The highest command for February 1860 on the resumption of the teaching of philosophy

Реабилитация философии как науки в университетском образовании была своевременной, поскольку дальнейшее изучение фундаментальных и прикладных проблем логического знания без основательного освоения философии было практически невозможно, поскольку логика изначально – философская дисциплина, и многие логические концепции и теории зарождаются в русле определенных философских взглядов. С другой стороны, многие представители университетской профессуры указываемого нами периода говорили о том, что познать философию вне знания закономерностей и принципов логического мышления также невозможно. В русле происходящих событий, в Императорском Московском университете начиная с 1860 года курс логики читается не только на историко-филологическом, но и на юридическом факультете. В частности, в период 1860–1870-х гг. логика читается П. Д. Юркевичем, М. М. Троицким, Н. Я. Гротом, Л. М. Лопатыным, Г. И. Челпановым, Г. Г. Шпетом.

В свою очередь, в Санкт-Петербургском университете в 1863 году в действие был введен новый университетский устав, в соответствии с которым в рамках историко-филологического факультета была воссоздана кафедра философии. В период с 1866 по 1890 год в Санкт-Петербургском университете усилиями М. И. Владиславлева зарождается Санкт-Петербургская школа логики, а в бытность его деканом историко-филологического факультета (1885 г.) и ректором университета (1887 г.) проходят защиты докторских диссертаций по философии М. И. Каринского (1880 г.) и Л. В. Рутковского (1888 г.), известных впоследствии своими трудами в области логики. В 1872 году М. И. Владиславлев издал научный труд «Логика. Обзор индуктивных и дедуктивных приёмов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной» [8, С. 10; 16,

С. 21]. Эта работа Михаила Ивановича позволила российскому читателю фактически впервые ознакомиться не только с традиционно изучаемой дедуктивной логикой Аристотеля, но и с логикой индуктивной, кроме того, в работе была изложена история развития логики, что позволяло лучше понять историческую трансформацию предмета ее изучения [16, С. 21]. Поэтому совершенно справедливо говорить о том, что с М. И. Владиславлева начинается период ее творческого осмысления и развития. С 1860 года число подготовленных специалистов в области логики и философии в Санкт-Петербургском университете увеличивается в разы: А. И. Введенский, Э. Л. Радлов и Л. В. Рутковский проявили себя в Санкт-Петербургском университете, Н. Я. Грот – в Московском университете, Н. Н. Ланге – в Одесском, основанном в 1923 году.

Начало XX века для обоих университетов было знаменательным: в первую очередь в названии обоих вузов убирается слово «императорский». В Москве большую часть 1917 года университет называется просто Московским, с октября 1917 по 1918 год – Московским государственным, с 1918 по 1930 год – Первым Московским, а уже с первого сентября 1930 года вновь стал называться Московским государственным университетом. В свою очередь, университет в городе на Неве (к 1917 году – Петроград) в 1917 году стал называться Петроградский университет, а в следующем, 1918 году правительство большевиков переименовало его (по аналогии с Московским университетом) в Первый Петроградский университет, в 1919 году из названия «пропадает» слово «Первый», в 1921 году происходит очередное переименование вуза в Петроградский государственный университет, а уже с 1924 года вуз называется Ленинградский государственный университет. Трансформация названий обоих вузов была отражением исторических событий того периода времени, когда изменилось не только государ-

ственное устройство России, когда поменялся не только правящий класс, но и доминирующее мировоззрение, господствующая идеология.

В содержательном аспекте образовательной и научной деятельности в Московском университете уже в начале XX века велась подготовка нового учебного плана, согласно которому на историко-филологическом факультете, где изучалась философия, предусматривалось создание группы философских наук, которая занималась бы изучением истории философии, психологии и систематической философии [20, С. 105]. Одним из разработчиков данного плана был С. Н. Трубецкой, избранный на должность ректора Императорского Московского университета в 1905 году, однако вследствие внезапной кончины через 27 дней после избрания С. Н. Трубецкой так и не принял участия в его реализации. Фактически руководителем реализации задуманных новшеств стал Георгий Иванович Челпанов, который, как отмечалось ранее, читал в университете курсы логики, психологии и философии. Реализация задуманного начала осуществляться в 1906–1907 гг., а в 1913 году учебные планы, на основе которых обучались специалисты в области философии, претерпели изменение, поскольку специалисты имели узкую направленность в подготовке. Полноценной реализации задуманного помешала революция 1917 года. В Санкт-Петербурге в начале XX века университетскую кафедру философии, располагающуюся на историко-филологическом факультете, возглавил А. И. Введенский, который не только приложил значимые усилия для пропаганды и популяризации философии и логики в России, но подготовил ряд специалистов в области логического знания: С. И. Поварнина, Н. О. Лосского, И. И. Лапшина.

По сути, в обоих университетах в период с 1917 по 1918 год в полном объеме продолжалось чтение лекций по учебным дисциплинам, философия и логика в этом

отношении не были исключением. Однако события, происходившие в дальнейшем, свидетельствуют о резкой смене отношения правящей власти к философской и логической науке в Советской России. Если указанный нами выше период знаменовался лояльным отношением правящей власти к философии в целом и к логике в частности, то с 1924 по 1938 год – это время гонения, упадка и даже уничтожения традиционной, формальной логики, ее подмена логикой марксистской, диалектической [8, С. 11].

Данному обстоятельству способствовали два основных фактора:

– во-первых, в послереволюционный период в Советской России, а впоследствии (до середины 1930 гг.) в СССР философия стала определяться как буржуазная наука, чуждая революционному сознанию. Уже в 1918 году в Московском государственном университете фактически начинается ликвидация историко-филологического факультета путем его интеграции в 1919 году в состав факультета общественных наук (ФОН). Соответственно, подготовка специалистов-философов в вузе практически прекращается, даже несмотря на то что кафедра философии в вузе остается. В университете сохраняется чтение ряда философских курсов, среди которых (на некоторых отделениях ФОНа) продолжается чтение курса «Логика и методология общественных наук [20, С. 107] (Г. Г. Шпет)». В Петроградском университете начиная с 1919 года активизируются процессы «замещения» дореволюционной профессуры, чьи идеи, мысли, мировоззрение были признаны «непригодными» духу революции. В 1922–1923 гг. из Советской России высылаются ряд известных философов: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, С. Л. Франк (Московский университет); Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, Л. П. Карсавин (Петроградский университет). Александр Иванович Введенский остался в России, но был вынужден в

1923 году подать в отставку. Со временем логика как часть философии также была признана буржуазной дисциплиной и на некоторое время передается забвению. Сказанное подтверждается одним из известных фактов, согласно которому в учебнике диалектического и исторического материализма (гл. ред. М. Митин, 1933 год) о традиционной логике говорилось, что она «...представляет собой результат малоподвижной формы жизни, похожей на феодальный строй...» [17, С. 146]. И далее там же: «...логику используют в своих классовых интересах ученые лакеи буржуазии, чтобы оправдать метафизическое воззрение на мир...» [17, С. 146];

— во-вторых, согласно декрету Совета народных комиссаров от 2 августа 1918 года, допускалось поступление в высшие профессиональные учебные заведения лиц, достигших необходимого возраста, независимо от гражданства и пола без предъявления диплома, аттестата или свидетельства об окончании школы [19]. Соответственно, не все абитуриенты, изъявившие желание поступать в высшие учебные заведения, обладали необходимым уровнем подготовки для усвоения философско-логических знаний. Кроме того, преподавание логики в российских гимназиях велось с 1828 года, специально для средних учебных заведений были написаны учебники по логике, к которым, прежде всего, следует отнести учебники Г. И. Челпанова [9] и А. И. Введенского [4]. Изучение логики в гимназиях, как мы отмечали ранее, подготавливало будущего студента к восприятию и осмыслению философского знания, а в 1921 году данную дисциплину в средних учебных заведениях послереволюционной России отменили.

В 1936 году в отношении отечественной логической науки ситуация коренным образом меняется, поскольку благодаря инициативе С. И. Поварнина, обратившегося к И. В. Сталину, начинается период восстановления логики: сначала как образовательной дисциплины, а потом и как само-

стоятельной науки [16, С. 23]. Иосиф Виссарионович инициативу С. И. Поварнина поддержал, и уже в 1939 году в отечественной печати появляется ряд статей в поддержку традиционной логики и необходимости возобновления ее преподавания в средней школе [17, С. 147]. К сожалению, благое начинание прервала Великая Отечественная война 1941–1945 гг., поэтому полноценная «реабилитация» логики как науки состоялась только в послевоенные годы.

С началом войны, в 1941 году, два ведущих вуза СССР – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и Ленинградский государственный университет, считавшиеся основными центрами изучения и развития отечественно логического знания, были эвакуированы из обеих столиц. Переезд МГУ им. М. В. Ломоносова в Ашхабад ознаменовался значимым событием: философский факультет МГУ воссоединился с МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории), который в 1933 году образовался на базе историко-философского отделения МГУ им. М. Н. Покровского. Таким образом, с 1941 года философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова восстановил свою работу в составе следующих кафедр: *диалектического и исторического материализма, истории философии, психологии*, что впоследствии становится одним из важнейших факторов развития отечественной логики [3, С. 95]. Следует отметить, что ряд сотрудников философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова продолжили свою научную деятельность в 1941 году в Москве, а сотрудники, эвакуированные в Ашхабад, вернулись в Москву в период 1943–1944 гг. В свою очередь, философский факультет ЛГУ был эвакуирован из г. Ленинграда в г. Саратов, а его возврат в город на Неве в первую очередь был связан со снятием блокады Ленинграда в начале 1944 года [3, С. 134, 135].

В военный период деятельность ученых

обоих вузов во многом подчинялась естественным нуждам фронта. Например, представители коллектива ЛГУ обратились ко всем ленинградским ученым с просьбой-призывом подчинить свои знания и опыт интересам фронта [26, С. 29]: «...мы призываем Вас, учёные Ленинграда, разрабатывать сейчас только те темы, которые необходимы делу обороны страны, которые принесут быструю, реальную пользу фронту, разрабатывать днём и ночью, не щадя сил и времени, с тем истинным энтузиазмом, на который способны советские учёные...» [13, С. 2]. Реагируя на призыв, профессора и преподаватели гуманитарных дисциплин выступали на радио, читали лекции на передовой, публиковали брошюры и статьи, изобличающие замысел захватчиков, направленные на понимание сути происходящего, призванные повышать воинский дух советских солдат и офицеров. В частности, ректор ЛГУ А. А. Вознесенский говорил: «...брошюры и статьи, лекции и доклады – это те же снаряды по врагу, а иногда даже более острые и меткие...» [6, С. 27].

Завершение Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. означало необходимость восстановления народного хозяйства, налаживания мирной жизни, обеспечение населения страны всем, без чего было не обойтись. Руководство СССР и представители науки осознали, что без восстановления всех уровней системы образования осуществить всё необходимое будет очень сложно. Сказанное справедливо и в отношении логики как элемента научного знания и как основы научного познания, поэтому неслучайно возобновление интереса к данной науке в послевоенные годы. В 1946 году выходит постановление правительства СССР о преподавании логики как обязательного предмета в средней школе. В Московском государственном университете логика в первые послевоенные годы изначально преподавалась на кафедре диалектического и исторического материализма, о которой мы

говорили чуть ранее. Именно на этой кафедре в послевоенные годы были защищены первые диссертации по логической тематике, а среди научных руководителей упоминаются В. Ф. Асмус, А. Ф. Лосев, П. С. Попов [3, С. 136–137]. В 1947 году в МГУ им. М. В. Ломоносова была создана кафедра логики, преподаватели которой проводили лекционные занятия и семинары по данной философской дисциплине. В ЛГУ, как отмечает Б. В. Бирюков, логика на философском факультете преподавалась уже в 1943–1944 гг., когда университет находился еще в эвакуации в г. Саратове. В период эвакуации логику преподавал В. Д. Резник, а по возвращении вуза в освобожденный Ленинград стараниями ректора вуза М. В. Серебрякова к нему присоединился С. И. Поварнин, а чуть позже М. В. Кинкулькин [3, С. 138–139]. Напомним, что именно С. И. Поварнин был автором открытого письма к И. В. Сталину о необходимости возрождения логики в системе отечественного образования.

Указанный нами период характеризуется двумя проблемными моментами, требующими своего разрешения, а именно:

1. В первые послевоенные годы возникла необходимость в подготовленных кадрах, в специалистах, способных на высоком уровне проводить занятия так, чтобы: во-первых, они были понятны и доступны обучающимся; во-вторых, чтобы преподавание логики не сводилось к запоминанию правил, а вело к формированию навыков грамотного мышления на основе этих правил. В этом аспекте С. Н. Виноградов говорил «...чтобы знать, как преподавать предмет, надо понимать его значение...» [18, С. 146].

2. В первые послевоенные годы возникла необходимость в учебно-методической литературе по логике, учитывая то, что многие дореволюционные учебники и пособия отвергались по идеологическим соображениям. Актуальность данного вопроса проявилась уже в 1944 году, а период с 1944 по 1947 год стал

в этом отношении «...самым голодным...» [18, С. 147]: спрос на учебную литературу по логике был максимальным, а наличие минимальным. Постепенно ситуация стала исправляться, и начиная с 1946 года были изданы учебники и учебные пособия М. М. Строговича, В. Ф. Асмуса, С. Н. Виноградова, Э. Я. Кольмана, К. С. Баградзе, Н. И. Кондакова, Д. П. Горского, П. В. Таванца и др.

Как отмечает в своей работе С. Н. Корсаков, «...уже 29 мая 1941 года И. В. Сталин вызвал к себе директора института философии П. Ф. Юдина и дал задание подготовить учебник логики для старших классов средней общеобразовательной школы...» [18, С. 147]. Данную необходимость Иосиф Виссарионович аргументировал тем, что люди не умеют правильно рассуждать, путаются в понятиях, не учили их логике. В своей просьбе Сталин сказал: «...не делится логика на буржуазную и пролетарскую, люди мыслят одинаково, их нужно научить элементарно мыслить...» [18, С. 147–148]. Далее И. В. Сталин попросил П. Ф. Юдина убрать из будущего учебника раздел диалектической логики, оставив логику формальную, акцентируя внимание на правилах и законах мышления. В завершение Иосиф Виссарионович сказал: «...возьмите учебник Г. И. Челпанова, обновите его, а старые учебники надо использовать и использовать как следует...» [17, С. 148].

Именно в аспекте происходящих в послевоенные годы событий попытаемся проанализировать роль и значение одного из виднейших послевоенных отечественных философов и логиков – Валентина Фердинандовича Асмуса – в становлении и развитии послевоенной логики. Уроженец Киева, В. Ф. Асмус без сомнения был выдающимся ученым, несмотря на разнящееся мнение относительно результатов его научных исследований – от восторга до полного неприятия. Как отмечает Г. Т. Тульчицкий, «...В. Ф. Асмус – это один из немногих философов, благодаря кото-

рому в 1930–1960 гг. был сохранен уровень философского профессионализма в Советской России...» [24, С. 47]. В то же время некоторые исследователи говорят о том, что как профессионал В. Ф. Асмус не представлял собой чего-то исключительно, среди его коллег были люди схожего профессионального уровня [7, С. 3]. Однако В. Ф. Асмуса среди многих коллег отличало то, что он имел сильнейшую нравственную опору, он может и должен рассматриваться как образец ученого, через всю жизнь пронесшего честь ученого, на примере которого следует готовить будущие поколения философов [7, С. 3]. Каким же был Валентин Фердинандович и каков его вклад в логическую науку?

Согласно библиографическим сведениям, в 1919 году В. Ф. Асмус окончил историко-филологический факультет Киевского университета по отделению философии и русской словесности [8, С. 35]. Уже студентом В. Ф. Асмус занимался научными исследованиями, а его наставниками в науке были А. Н. Гиляров, Н. Н. Зеньковский, Е. В. Спекторский [5, С. 11]. Первые научные работы В. Ф. Асмуса, учитывая исторический период, были связаны с теоретическими установками марксизма. Однако это не мешает ему уже в одной из первых своих работ «Диалектический материализм и логика» (1924 год) исследовать самые общие и принципиальные вопросы «чистой» философии [5, С. 11]. В этом отношении показательна полемика В. Ф. Асмуса с венгерским философом А. Варьяшем, в которой В. Ф. Асмус аргументированно доказал, что венгерский мыслитель стремится к упрощению и вульгаризации многих философских проблем.

В 1927 году В. Ф. Асмус переехал в Москву, работал в МИФЛИ и в других московских вузах. Будучи беспартийным, избежал арестов, после того как в 1931 году постановлением ЦК ВКП(б) была провозглашена борьба с «меньшевистствующим идеализмом» и многие коллеги Валентина Фердинандовича, являвшиеся членами

партии большевиков, были арестованы, а некоторые впоследствии расстреляны. В 1930 году Валентин Фердинандович опубликовал научную работу «Очерки истории диалектики в новой философии», где изложил идею преемственности диалектики Маркса и Энгельса по отношению к диалектическим учениям Декарта, Спинозы, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля [5, С. 13]. Данная работа В. Ф. Асмуса не осталась без внимания, получив как одобрение, так и порицание. С одной стороны, можно отметить, что в этой работе Валентин Фердинандович, применяя термин «диалектика» в широком смысле слова, пытается по возможности анализировать все основные вопросы философии. Но, с другой стороны, работа получила не очень благоприятный отзыв Н. А. Бердяева, в котором известный русский философ укоряет В. Ф. Асмуса за то, что он, сформировав свое мировоззрение на основе традиционной русской культуры, по сути, отказывается от нее, вынужденно повторяя догмы марксистской диалектики [10, С. 176]. Отметим, что марксистскую диалектику Н. А. Бердяев истинной диалектикой не считал [10, С. 176].

С 1935 года В. Ф. Асмус в своем научном творчестве акцентирует внимание на проблемах эстетики, в конечном счете защитив в 1940 году докторскую диссертацию по теме «Эстетика классической Греции» [22, С. 100]. Следует отметить, что защита Валентином Фердинандовичем докторской диссертации по философии была второй в СССР и первой в Институте философии АН СССР [22, С. 100]. Годом ранее В. Ф. Асмус стал профессором МГУ им. М. В. Ломоносова, а в 1941 году – профессором философского факультета того же вуза. В этот же период В. Ф. Асмус стал одним из авторов 7-томной философской энциклопедии, за подготовку которой он и остальные соавторы получили Сталинскую премию. Однако и в этот раз было не всё гладко, так как самый содержательный в информационном отношении третий том энциклопедии, автором которого и был

В. Ф. Асмус, подвергся осуждению, прописанному в постановлении ЦК ВКП(б). Дело в том, что именно в этом томе энциклопедии были размещены материалы, посвященные немецкой философии, а В. Ф. Асмус был назван виновником политически неверного представления немецких идеалистов [10, С. 178]. Обвинение серьезное для того времени, издание энциклопедии прекратили, авторов лишили Сталинской премии, один из соавторов Валентина Фердинандовича после этого скончался, а самому Асмусу запретили преподавать философию (в неверном изложении) и определили преподавать логику [10, С. 178–179].

Уже в 1940–1941 гг. В. Ф. Асмус, читая в МИФЛИ курс античной философии, вел факультативные занятия по логике. В 1944 году на страницах журнала «Под знаменем марксизма» была опубликована статья В. Ф. Асмуса «Логические законы мышления» из подготавливаемого к изданию учебника по логике [24, С. 56; 12]. Дело в том, что в довоенные годы не существовало специализированных периодических изданий, в которых могли бы быть опубликованы результаты логических исследований, тем более в силу обстоятельств военного времени не могло их быть и в военные годы. Поэтому статьи, посвященные логической тематике, публиковались в различных изданиях по возможности. В том же году В. Ф. Асмус в журнале политуправления ВМФ «Агитатор» опубликовал статью «Для чего нужно изучать логику» [11]. На страницах статьи Валентин Фердинандович объяснял, каким образом знание логики может способствовать достижению успеха в устном выступлении, как для этого применять правила мышления. Поскольку данные правила для всех участников беседы абсолютно одинаковы, В. Ф. Асмус призывал данные правила контролировать и учитывать при ведении дискуссий. По воспоминаниям А. И. Уемова, в 1945 году В. Ф. Асмус читал лекцию «Предмет и значение логики» [25,

С. 168–169], во многом созвучную статье, опубликованной в журнале «Агитатор». И, как отмечает автор, для него именно эта лекция стала мотивом поступления на философский факультет университета. Авенир Иванович с восхищением говорит: «...оказывается, логика – это не орудие классового врага, а наука о законах и формах правильного мышления, мышления определённого, последовательного и доказательного...» [25, С. 168–169]. Автор сожалеет, что после его зачисления в МГУ им. М. В. Ломоносова ему не довелось слушать лекции В. Ф. Асмуса, будучи студентом, но после защиты диплома и поступления в аспирантуру А. И. Уемов сознательно выбрал В. Ф. Асмуса в качестве научного руководителя, несмотря на то что заведующим кафедрой был П. С. Попов. Однако это было уже позже, а пока вернемся к 1946 году.

После обращения в январе 1946 года дирекции Института философии Академии наук СССР (далее – ИФ АН СССР) к начальнику Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александрову с просьбой обсудить возможные направления развития логической науки и изучения логики в феврале того же года при институте философии создается группа (сектор) логики. В апреле 1946 года участником данной группы в должности старшего научного сотрудника становится и В. Ф. Асмус. Созданная группа логики была призвана решать две озвученные нами ранее задачи: подготовка кадров для преподавания логики и подготовка учебно-методической литературы для изучения логики. Решение первой задачи осуществлялось в июле 1946 года, когда в г. Химки Московской области по инициативе Министерства высшего образования СССР на базе ИФ АН СССР были организованы курсы для подготовки преподавателей логики в вузах и в школах, а В. Ф. Асмус читал лекции на этих курсах. Решение второй задачи также осуществлялось начиная с 1946 года, когда вначале был переиздан учебник по логике

Г. И. Челпанова, а затем изданы учебники М. С. Строговича (1946 г.), В. Ф. Асмуса (1947 г.), С. Н. Виноградова (1947 г.).

Относительно учебника по логике, автором которого является В. Ф. Асмус, следует отметить, что это был один из первых послевоенных классических учебников по традиционной логике, изданный после длительного перерыва. Как отмечал сам В. Ф. Асмус, основной задачей подготовки нового учебника было дать начальные знания по логике в рамках школьной программы, а также восстановить прерванные традиции в преподавании формальной логики. Такая задача была поставлена И. В. Сталиным перед директором ИФ АН СССР П. Ф. Юдиным ещё в 1941 году, которому предстояло решить, кому доверить ее реализацию. Дело в том, что после 1917 года в стране не готовили профессиональных логиков, поэтому П. Ф. Юдин был вынужден выбирать: либо доверить подготовку нового учебника по логике человеку, имеющему пусть дореволюционное, но всё же профессиональное философское образование, либо довериться человеку смежной сферы (например, математики). Павел Фёдорович сделал выбор в пользу первого варианта, и работа над новым учебником по логике была поручена сразу двум авторам: В. Ф. Асмусу и Э. Я. Кольману [17, С. 149]. Не в последнюю очередь кандидатура В. Ф. Асмуса определялась тем, что тот еще в период своего обучения в Киевском университете он слушал курс логики у В. В. Зеньковского, читавшего свои лекции по идеям М. И. Каринского, да и первые научные работы, о чем мы упоминали ранее, так или иначе были связаны с вопросами логической науки [17, С. 149].

Для того чтобы проследить перипетии подготовки учебника по логике В. Ф. Асмусом, обратимся далее к исследованию С. Н. Корсакова [17, С. 149]. Согласно данному исследованию, первый вариант нового учебника В. Ф. Асмус написал еще до эвакуации Московского универ-

ситета, а во время войны остался в Москве. Первый вариант учебника В. Ф. Асмуса был отрецензирован П. С. Поповым, а в 1943 году учебник прошел обсуждение на философском факультете МГУ. По мнению большинства присутствовавших на обсуждении, учебник был «тяжеловат» для восприятия, а потому требовал доработки. В дальнейшем учебник В. Ф. Асмуса, так же, как и учебник Э. Я. Кольмана, прошел апробацию в учебных заведениях и дальнейшее рецензирование. В частности, на учебник В. Ф. Асмуса были даны рецензии С. Н. Виноградовым, П. С. Поповым, Б. С. Чернышёвым. Практически все рецензенты отмечали продуманность и ясность языка изложения материала, однако вновь отмечается перегруженность учебника, а также указывается на то, что автор не всегда четко излагает соотношение между мышлением и бытием [17, С. 149–150].

В мае и июне 1943 года в ИФ АН СССР состоялись два специальных заседания, на которых происходило коллективное обсуждение учебников Э. Я. Кольмана и В. Ф. Асмуса. Заседание было открыто директором ИФ АН СССР П. Ф. Юдиным, затем слово было предоставлено авторам учебников, а затем выступили рецензенты. Поскольку наша статья посвящена творчеству В. Ф. Асмуса, отметим, что он в защиту своего учебника сказал, что при его подготовке ориентировался на старших школьников, а в отношении «сухости» изложения материала, отметил, что учебник по логике нельзя писать так, как будто это «Занимательная физика» Я. Перельмана [17, С. 150–151]. В отношении учебника Э. Я. Кольмана скажем только, что большинство рецензентов высказалось о значительном числе противоречий на его страницах, и этот учебник впоследствии прошел не одну доработку.

Относительно учебника В. Ф. Асмуса отметим, что в его обсуждении приняли участие Я. А. Мильнер, П. В. Таванец,

В. К. Дахшлагер, П. С. Попов, А. Ф. Лосев. Мильнер говорил об академичности и ясности изложения материала учебника, порекомендовав добавить раздел «История развития логики». В своем выступлении Таванец акцентировал внимание на зависимости учебника Асмуса от устаревших традиций дореволюционных изданий, поэтому оттолкнет потенциального читателя от вдумчивого изучения логической науки. Дахшлагер отмечал сложность понимания некоторых разделов для старшеклассников. Попов еще раз акцентировал внимание на том, учебник В. Ф. Асмуса более выгоден в литературном отношении, но не лишен критических замечаний по некоторым разделам. Наиболее «жёсткой критике» в рамках проходившего заседания учебник В. Ф. Асмуса подвергся со стороны А. Ф. Лосева, который говорил о формализме издания, а также об отсутствии у бывшего диалектика Асмуса в учебнике самой диалектики. По итогам заседания и учебник В. Ф. Асмуса, и учебник Э. Я. Кольмана было решено отправить на доработку [17, С. 150–151].

Как отмечает С. Н. Корсаков, 22 июня 1943 года дирекцией ИФ АН СССР было вынесено официальное решение по итогам обсуждения учебников Асмуса и Кольмана, состоящее из 4 пунктов, содержащих рекомендации по доработке, а именно: «...во-первых, учебники должны быть написаны популярно и доступно для учеников старших классов средней школы; во-вторых, авторы должны прийти к единой терминологии; в-третьих, части текста, которые по условиям преподавания в средней школе не могут быть обязательными для усвоения, из учебников не удалять, выделить петитом; в-четвертых, отредактированные в соответствии с рекомендациями учебники могут быть представлены к преподаванию в средней школе...» [17, С. 154].

Валентин Фердинандович хотел сдать доработанный учебник в сентябре 1943 года, однако это получилось сделать только в 1945 году, его объем составлял

более 30 п. л., насчитывая 677 страниц. На доработанную версию учебника написал рецензию П. С. Попов, давший положительное заключение о готовности работы к изданию. Схожую рецензию представил В. Э. Сеземан, после последней проверки учебника М. А. Леоновым и П. В. Таванцом. А. А. Чудовым были вычитаны гранки, и учебник В. Ф. Асмуса был опубликован [17, С. 154].

Как это всегда бывает, работа первых не остается без пристального внимания критики, так было и с учебником Валентина Фердинандовича: его учебник не критиковал разве что ленивый. Сторонники диалектики укоряли его за то, что на страницах учебника ей (диалектике) не нашлось места. Представители набравшей силу математической логики говорили о том, что в учебнике Асмуса многие положения не соотносятся со строгими математическими доказательствами, а потому не могут быть приняты за достоверные. Наверное, самой серьезной критике учебник В. Ф. Асмуса подвергся со стороны П. Е. Вышинского и Е. К. Войшвилло, чьи рецензии были опубликованы на страницах журнала «Вопросы философии». Особенно пристальной критике учебник В. Ф. Асмуса подвергся со стороны Е. К. Войшвилло.

Евгений Казимирович, ставший впоследствии крупным специалистом в области логики, особенно в сфере понятий, свою рецензию на учебник Валентина Фердинандовича начинает с положительных моментов, выделяя достоинства издания, а именно:

- подробное и полное изложение теории силлогизма;
- анализ роли фигур силлогизма;
- подробное описание принципов построения индуктивных умозаключений;
- анализ структуры индуктивных умозаключений.

Далее следует критика большинства разделов учебника В. Ф. Асмуса, а именно:

- отсутствие критики идеалистических извращений [14, С. 326];

- отсутствие четкого представления о предмете формальной логики;
- неправильное толкование законов мышления;
- неправильное толкование мыслительной формы;
- неправильное толкование сути понятия и суждения как формы мышления;
- утверждение о том, что человек в обычной жизни довольствуется представлениями, а не понятиями;
- синтез в учебнике трех подходов, трех точек зрения: традиционной логики, логики М. И. Каринского, логики С. И. Поварнина;
- подмена реальных отношений между предметами отношениями между понятиями;
- утверждение о том, что в силлогизме мы имеем дело с суждениями о принадлежности;
- утверждение о том, что вывод силлогизма строится на основе переноса предиката у суждений;
- подменяются отношения между понятиями по объему отношениями между понятиями по содержанию;
- неопределенность роли и значения третьей фигуры силлогизма;
- неопределенность толкования перехода от общего к частному в силлогизме;
- неудачное изложение вопроса о гипотезе.

Кроме того, в 1948 году проходило Всесоюзное совещание по логике, в рамках которого разбирался опыт годичного преподавания логики университетскими кафедрами логики Московского, Ленинградского и Киевского университетов. Данному совещанию предшествовала работа комиссий, проводивших проверку на перечисленных кафедрах. Как отмечает В. И. Кобзарь, результаты работы комиссий были озвучены на совещании: «...уклон в сторону схоластики, оторванность от практической жизни советских людей, объективистский подход к обучению, безыдейность (формальная логика не может иметь идейного наполнения), беззу-

бость, аполитичность, беспартийность и иные буржуазные пережитки, а в целом преподавание логики было признано формалистским, порочным и вредным...» [16, С. 18–23]. На этом же совещании учебник В. Ф. Асмуса признали «...образцом формалистического учебника...» [16, С. 18–23] и примером «...объективистского перенесения в советскую логику буржуазно-формалистического направления, отрывающего изучение логических законов от мышления современных людей...» [16, С. 18–23]. Как отмечает В. И. Кобзарь, Валентин Фердинандович пытался защитить свою позицию, отстоять свой учебник, но большинство участников совещания (делегатов и руководство министерства) было настроено негативно. Асмусу в качестве вины вменяли стремление протащить в советскую логику элементы англо-американской логики отношений и уклониться от решения вопроса о соотношении логики и диалектики [16, С. 23]. По сути, совещание было разгромным и положило начало завершению очередного этапа развития традиционной формальной логики в СССР и постепенного доминирования логики математической.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конечном счёте учебник В. Ф. Асмуса стал основой для последующих отечественных работ в области логики, как научных, так и учебно-методических, в 1956 году Асмус стал соавтором коллективного труда под названием «Логика», для которого им были написаны главы «Понятие», «Аналогия», «Гипотеза», «Доказательство». Со временем отчасти под влиянием политической ситуации в стране, отчасти из-за новых веяний В. Ф. Асмус перешёл с кафедры логики на кафедру истории зарубежной философии, на которой проработал, оставив богатое творческое наследие: монографию «Декарт» (1956 г.), «Проблема интуиции в философии и математике» (1963 г.), «История античной

философии» (1968 г.), «Платон» (1969 г.), «Лекции по истории логики. Авиценна, Бэкон, Гоббс, Декарт, Паскаль» (2007 г.).

Библиография/References:

1. Об утверждении Устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»: постановление Правительства РФ от 31.12.2010 г. № 1241-ППРФ (в ред. от 06.12.2021 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 4. – Ст. 605.
2. Высочайшие повеления за январь – февраль 1860 года // Журнал министерства народного просвещения. Часть CVI. ОТДѢЛЕНИЕ I. – Санкт-Петербург: Въ типографіи Императорской академіи наукъ, 1860. – 668 с.
3. Бирюков Б.В. Трудные времена философии. Кн. 1: Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. – М.: URSS, 2019. – 244 с.
4. Введенский А.И. Логика для гимназий. – Петроград: Типография М. М. Стасюлевича, 1915. – 180 с.
5. Вспоминая В. Ф. Асмуса. – М.: Прогресс-Традиция. 2001. – 296 с.
6. Ежов В.А., Мавродин В.В. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. – Л.: ЛГУ, 1975. – 98 с.
7. Корсаков С.Н. В. Ф. Асмус: коррективы к образу. – М.: СФК-офис, 2017. – 32 с.
8. Логика: библиографический справочник (Россия – СССР – Россия). – СПб.: Наука, 2001. – 488 с.
9. Челпанов Г.И. Учебник логики: для гимназий и самообразования. – М.: Издательство братьев Салаевых, 1917. – 170 с.
10. Андреева И.С. Подводя итоги XX века: Новые материалы о жизни и

- творчестве В. Ф. Асмуса (аналитический обзор) // Социальные. Науки – 2011. – № 4. – С. 164–190.
11. Асмус В.Ф. Для чего нужно изучать логику: методический материал для пропагандиста // Агитатор. – 1944. – № 17–18. – С. 37–42.
12. Асмус В.Ф. Логические законы мышления: из подготавливаемого учебника логики // Под знаменем марксизма. – 1944. – № 4–5. – С. 70–81.
13. Байков А.А., Мещанинов И.И., Струве В.В., Ухтомский А.А., Фаворский А.Е. и др. Все наши знания, весь наш опыт подчинить интересам фронта // Ленинградская правда. – 1941. – № 158. – С. 2.
14. Войшвилло Е.К. О книге «Логика» профессора В.Ф. Асмуса // Вопросы философии. – 1947. – № 2. – С. 326–334.
15. Карпачёв Н.М., Дауров А.Х., Тихонов Л.И., Ростовцев Е.А. Первый университет Российской империи // Вестник СПбГУ. История. – 2019. – Т. 64. – Выпуск I. – С. 5–23.
16. Кобзарь В.И. Логика в России последнего столетия: основные этапы и итоги // Философские науки. – 2009. – № 4. – С. 18–33.
16. Корсаков С.Н. Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть I // Логические исследования. – 2015. – Т. 21. – № 2. – С. 145–169.
17. Корсаков С.И. Из истории возрождения логики в СССР в 1944–1946 гг. Часть II // Логические исследования. – 2016. – Т. 22. – № 1. – С. 145–170.
19. О правилах приёма в высшие учебные заведения: Декрет Совета народных комиссаров. Известия Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов. – № 166. – Ст. 632. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr#mode/inspect/page/1/zoom/3> (дата обращения: 12.02.2022).
20. Павлов А.Т. К истории философского образования в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 7: философия. – 2013. – № 1. – С. 100–113. – С. 107.
21. Санкт-Петербургский государственный университет // Большая российская энциклопедия: в 35 т. Т. 29. – М.: Большая российская энциклопедия, 2015. – С. 350–351.
22. Соколов В.В. В. Ф. Асмус и драматические моменты его философского творчества и философской жизни // Вопросы философии. – 2009. – № 2. – С. 97–102.
23. Тишкин Г.А. Некоторые итоги изучения истории университетского образования в Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 49. – С. 154–159.
24. Тульчинский Г.Л. Логическая культура и свобода: логика в российском обществе XX – XXI столетий // Философские науки. – 2009. – № 4. – С. 46–61.
25. Уемов А.И. Я был аспирантом В. Ф. Асмуса // Человек. – 2000. – № 2. – С. 168–179.
26. Цамутали А.Н. Всё для фронта // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. Часть II. Исследования по истории науки. Т. 2010. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук. – 2011. – С. 25–44.
1. Ob utverzhdenii ustava federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet» [On approval of the charter of the federal state budgetary educational institution of higher education «Saint

- Petersburg State University]: postanovleniye Pravitel'stva RF ot 31.12. 2010 №1241-PPRF (v red. ot 06.12.2021g.) // SZ RF. – 2011. – №4. – St.605. (In Russ.).
2. Vysochayshiyе poveleniya za yanvar'-fevral' 1860 goda [The highest orders for January-February 1860] // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Chast' CVI. OTDЪLENIE I. – Sankt-Peterburg: V" tipografii Imperatorskoy akademii nauk", 1860. – 668s. (In Russ.).
3. Biryukov B.V. (2019) Trudnyye vremena filosofii. Kn.1: Otechestvennaya istoricheskaya, filosofskaya i logicheskaya mysl' v predvoyennyye, voyennyye i pervyye poslevoyennyye gody [Biryukov B.V. Difficult times of philosophy. Book 1: Patriotic historical, philosophical and logical thought in the pre-war, military and first post-war years]. – M.: URSS. – 244s. (In Russ.).
4. Vvedenskiy A.I. (1915) Logika dlya gimnaziy [Logic for high schools]. – Petrograd: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. – 180s. (In Russ.).
5. Vspominaya V.F. (2001) Asmusa [Asmus]. – M.: Progress-Traditsiya. – 296 s. (In Russ.).
6. Yezhov V.A., Mavrodiv V.V. (1975) Leningradskiy universitet v gody Velikoy otechestvennoy voyny [Leningrad University during the Great Patriotic War]. – L.: LGU. – 98s. (In Russ.).
7. Korsakov S.N. (2017) V.F. Asmus: korrektivy k obrazu [V.F. Asmus: adjustments to the image]. – M.: SFK-ofis. – 32s. (In Russ.).
8. Logika: bibliograficheskiy spravochnik (Rossiya–SSSR–Rossiya) [Logic: bibliographic reference book (Russia–USSR–Russia)]. – SPb.: Nauka, 2001. – 488s. (In Russ.).
9. Chelpanov G.I. (1917) Uchebnik logiki: dlya gimnaziy i samoobrazovaniya [Textbook of logic: for gymnasiums and self-education]. – M.: Izdatel'stvo brat'yev Salayevykh. – 170s. (In Russ.).
10. Andreyeva I.S. (2011) Podvodya itogi KHKH veku: Novyye materialy o zhizni i tvorchestve V.F. Asmusa (analiticheskiy obzor) [Summing up the twentieth century: New materials about the life and work of V.F. Asmusa (analytical review)] // Sotsial'nyye. – №4. – S.164–190. (In Russ.).
11. Asmus V.F. (1944) Dlya chego nuzhno izuchat' logiku: metodicheskiy material dlya propagandista [Why you need to study logic: methodological material for a propagandist] // Agitator. – №17–18. – S.37–42. (In Russ.).
12. Asmus V.F. (1944) Logicheskiye zakony myshleniya: iz podgotavlivayemogo uchebnika logiki [Logical laws of thinking: from the prepared textbook of logic] // Pod znamenem Marksizma. – №4–5. – S.70–81. (In Russ.).
13. Baykov A.A., Meshchaninov I.I., Struve V.V., Ukhtomskiy A.A., Favorskiy A.Y. i dr. (1941) Vse nashi znaniya, ves' nash opyt podchinit' interesam fronta [Subordinate all our knowledge, all our experience to the interests of the front] // Lenigradskaya pravda. – №158. – S.2. (In Russ.).
14. Voyshvillo Ye.K. (1947) O knige «Logika» professora V.F. Asmusa [About the book «Logic» by Professor V.F. Asmusa] // Voprosy filosofii. – №2. – S.326–334. (In Russ.).
15. Karpachov N.M., Daurov A.KH., Tikhonov L.I., Rostovtsev Ye.A. (2019) Pervyy universitet Rossiyskoy Imperii [The First University of the Russian Empire] // Vestnik SPbGU. Istoriya. – T64. – Vypusk I. – S.5–23. (In Russ.).
16. Kobzar' V.I. (2009) Logika v Rossii poslednego stoletiya: osnovnyye etapy i itogi [Logic in Russia in the Last Century: Main Stages and Results] // Filosofskie nauki. – №4. – S.18–33. (In Russ.).
17. Korsakov S.N. (2015) Iz istorii vrozhdeniya logiki v SSSR v 1941–1946 gg. Chast' I [From the history of the revival of logic in the USSR in 1941–1946. Part I] // Logicheskiye issledovaniya. – T.21. – №2. – S.145–169. (In Russ.).
18. Korsakov S.I. (2016) Iz istorii vrozhdeniya logiki v SSSR v 1944–1946 gg. Chast' II [From the history of the revival of logic in the USSR in 1944–1946 Part II] // Logicheskiye

- issledovaniya. – T.22. – №1. – S.145–170. (In Russ.).
19. O pravilah priyoma v vysshiye uchebnyye zavedeniya [On the rules for admission to higher educational institutions]: Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. Izvestiya Vserossiyskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta Sovetov. №166. St.632. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr#mode/inspect/page/1/zoom/3> (In Russ.).
20. Pavlov A.T. (2013) K istorii filosofskogo obrazovaniya v Moskovskom universitete [On the history of philosophical education at Moscow University] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: filosofiya. – №1. – S.100–113. – S.107. (In Russ.).
21. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State University] // Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya: v 35 t. T. 29. – M.: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2015. – S.350–351. (In Russ.).
22. Sokolov V.V. (2009) V.F. Asmus i dramaticheskiye momenty yego filosofskogo tvorchestva i filosofskoy zhizni [V.F. Asmus and the dramatic moments of his philosophical work and philosophical life] // Voprosy filosofii. – №2. – S.97–102. (In Russ.).
23. Tishkin G.A. (2011) Nekotoryye itogi izucheniya istorii universitetskogo obrazovaniya v Peterburge [Some results of studying the history of university education in St. Petersburg] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – №49. – S.154–159. (In Russ.).
24. Tul'chinskiy G.L. (2009) Logicheskaya kul'tura i svoboda: logika v rossiyskom obshchestve XX–XXI stoletiy [Logical culture and freedom: logic in the Russian society of XX–XXI centuries] // Filosofskiy nauki. – №4. – S.46–61. (In Russ.).
25. Uyemov A.I. (2000) Ya byl aspirantom V.F. Asmusa [I was a graduate student of V.F. Asmus] // Chelovek. – 2000. – №2. – S.168–179. (In Russ.).
26. Tsamutali A.N. (2011) Vso dlya fronta [Everything for the front] // Trudy ob'yedinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu. Chast' II. Issledovaniya po istorii nauki. T.2010. – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. – 2011. – S.25–44. (In Russ.).
-

ШУКУРОВ Шухрат Зайниевич, адъютант, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Россия, Москва), e-mail: zayniyev.temur@bk.ru

SHUKUROV Sh. Z., Adjunct, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail: zayniyev.temur@bk.ru

ВЫВОД ВОЕННЫХ КОНТИНГЕНТОВ США И ИХ СОЮЗНИКОВ ИЗ АФГАНИСТАНА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВОЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

WITHDRAWAL OF THE AMERICAN MILITARY CONTINGENT AND ITS ALLIES FROM AFGHANISTAN AND ITS IMPACT ON MILITARY SECURITY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Аннотация. Основной целью статьи является изучение последствий вывода войск Соединенных Штатов Америки и стран Запада из Афганистана, их влияние на военно-политическую обстановку в государствах Центрально-Азиатского региона (ЦАР). В статье основное внимание обращено на события, связанные с выводом вооруженных сил США из Афганистана, а также с приходом к власти радикального исламского движения «Талибан*»¹ в этой стране. Автор анализирует внутреннюю обстановку в Афганистане, освещает ряд отдельных событий, которые существенно влияют на региональную безопасность и подрывают состояние военной безопасности в странах ЦАР. Также автор отмечает позицию мирового сообщества в отношении нового правительства талибов, а также акцентирует внимание на невыполнении данных Талибаном* обещаний.

Ключевые слова: Афганистан, Центрально-Азиатский регион, вооруженные силы США, военная безопасность, региональная организация, движение «Талибан*», международный терроризм, наркотрафик, коррупция, угрозы в регионе.

Abstract. The purpose of the article is to consider the consequences of withdrawal of the troops of the United States of America and Western countries from Afghanistan, their impact on military and political situation in Central Asian countries. The article focuses on the events related to withdrawal of the US armed forces from Afghanistan. Special attention is paid to the analysis of the situation in the country after the radical Islamic Taliban movement came to power. The author analyzes the internal situation in Afghanistan, highlights a number of events that significantly affect regional security and undermine the state of military security of the countries in Central Africa.

As a result of the research, the author cites the opinion of the world community regarding the new Taliban government. He draws our attention to the fact that the promises made by the Taliban have not been fulfilled.

Keywords: Afghanistan, Central Asian region, US armed forces, military security, regional organization, Taliban movement, international terrorism, drug trafficking, corruption, threats in the region.

¹ террористическая организация, запрещенная в России

ВВЕДЕНИЕ

Боевики радикального исламистского движения «Талибан*» 15 августа 2021 года заняли столицу Афганистана – город Кабул. Наступление талибов началось вскоре после того, как американское командование объявило о выводе войск после 20-летнего пребывания в стране. Не встречая серьезного сопротивления, боевики за считанные недели захватили крупнейшие города, и к середине августа взяли под контроль всю территорию Афганистана. Президент страны Ашраф Гани был вынужден сложить полномочия и покинуть страну. Радикальные исламисты обещали, что «переход власти пройдет мирным путем», однако тысячи афганцев ринулись в аэропорт Кабула, чтобы покинуть страну. В свою очередь, западные страны начали эвакуацию из Афганистана сотрудников своих дипломатических представительств. После прихода к власти талибы заявили свои основные цели: восстановить ранее существовавший Исламский Эмират Афганистан, установить режим в форме исламского шариата (суннитского толка). Такой радикальный ислам допускал проведение публичных казней людей, поддерживалось строгое ограничение прав женщин, им не разрешалось выходить из дома без своих мужчин. Талибы отвергали все демократические принципы управления обществом [1, С. 2].

По словам А. Хроленко (военный обозреватель), отсутствие у талибов возможности полного контроля государством стало причиной нарушения выполнения требований ранее принятых соглашений. Отсутствие полного контроля со стороны «Талибан*»¹ усложнило внутреннюю обстановку в стране. Отряды боевиков различных террористических группировок одновременно воспользовались такой благоприятной обстановкой и активизировали свои действия на территории Афганистана.

¹ террористическая организация, запрещенная в России

НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И НОВЫЕ УГРОЗЫ

С учетом угрозы террористической экспансии страны Центральной Азии были вынуждены проводить комплексные совместные оперативно-тактические военные учения в приграничных районах в целях предотвращения проникновения деструктивных сил с территории Афганистана. Возникшая бесконтрольность оказывала серьезное влияние на обеспечение военной безопасности, как соседними странами Афганистана, так и странами Центральной Азии [2].

Радикально настроенные талибы несли угрозу не только Афганистану, но и всему ЦАР. Если раньше представители движения «Талибан*» в ходе борьбы с американцами и натовцами часто убивали военнослужащих, полицейских и сограждан, то после прихода их к власти они начали убивать инакомыслящих людей, не соблюдающих правил поведения, а также оставшихся в стране гражданских иностранцев. Новая не инклюзивная администрация страны в лице талибов (пуштуны) составляла всего лишь 30 % населения страны. Также талибы принялись выселять жильцов из домов, ранее построенных для семей госслужащих. Александр Князев, профессор факультета международных отношений СПбГУ, анализируя обстановку в стране, отмечал, что ожидания демократических изменений в Афганистане не оправдались, поскольку состав нового правительства отражал баланс двух сил внутри «Талибана*» – радикальной и прагматической. При этом, по его словам, произошёл перевес в сторону радикалов, которые фактически не уделяли внимания проблеме международного признания своей власти, несмотря на то что без него Афганистан в ближайшее время могла бы захлестнуть социально-гуманитарная катастрофа. Вероятно, признать новое правительство могли только лишь страны, наиболее положительно настроенные по

отношению к талибам – Пакистан, Китай и Катар [3].

По словам эксперта Российского совета по международным делам Кирилла Семёнова, «Талибан*»¹ после прихода к власти заявлял о намерении бороться с «Аль-Каидой» и другими террористическими группировками и не допускать их в Афганистан. В то же время, по его мнению, есть большие сомнения по поводу практической реализации этих намерений, поскольку вооружённые формирования «Талибана*» насчитывали не более 80 000 бойцов. Этим сил недостаточно для обеспечения контроля над всей территории страны и уничтожения баз джихадистов в Афганистане. Более того, попытки талибов ликвидировать эти группировки могли спровоцировать бегство боевиков в страны Центральной Азии.

В рядах самого «Талибана*» были фактически автономные отряды, которые идеологически близки «Аль-Каиде», и могли бы преследовать собственные цели, в том числе распространение военных операций на территории соседних стран. Также в составе талибов осуществляла свою деятельность бригада «055», относящаяся к «Аль-Каиде». Они знамениты своими кровавыми преступными действиями против мирного населения Афганистана. Талибы также включали «Сеть Хаккани», которая тоже поддерживала идеологию «Аль-Каиды». В основном они практиковали методы террористической войны и атак, но достаточно часто не на военных объектах [4, С. 48].

Наиболее напряжённая обстановка сложилась в Бадахшане – регионе на северо-востоке Афганистана, который не удалось полностью взять под контроль ни прежним властям, ни талибам, и именно там нашли убежище многие радикально настроенные выходцы из Центральной Азии. Ключевая опасность заключалась в

том, что они могли вернуться в свои родные страны и попытаться дестабилизировать там положение по примеру «Талибана*».

Там по-прежнему активны участники террористического «Исламского движения Узбекистана», которые отказались войти в состав «Вилаята Хорасан» – местного филиала «Исламского государства» (запрещённые в РФ). Хотя они понесли серьёзные потери в боях с талибами, но по-прежнему представляют угрозу и для Афганистана, и для сопредельных государств. В регионе также действует таджикская радикальная группировка «Джамаат Ансаруллах», осуществлявшая террористические акты на территории Таджикистана. По некоторым данным (которые опровергает «Талибан*»), она взаимодействует с талибами и даже по согласованию с ними охраняет часть афгано-таджикской границы [4, С.48].

Приход к власти в Афганистане талибов создаёт и другие угрозы для государств Центральной Азии. Присоединение к какой-либо радикальной группировке более не подразумевает перехода в ваххабизм и разрыв с местной исламской традицией и вполне допускает функционирование радикальных группировок с опорой на местные традиционные исламские школы. В этом также прослеживается влияние талибов, которые сами относятся к традиционной для Афганистана ханафитской исламской школе права. Это облегчает группировкам процесс вербовки сторонников из числа местных жителей, поскольку взамен глобальной цели им предлагают более близкую и понятную – свержение светского режима в их стране. Это может повлечь за собой дестабилизацию сил и угрозу военной безопасности в странах Центрально-Азиатского региона.

По мнению автора, талибам рано или поздно придётся изменить прежнюю форму правления, отказаться от жестоких, радикальных религиозных правил управления страной. В противном случае им придётся

¹ террористическая организация, запрещённая в России

уступить место в правительстве другим политическим силам или же им придётся постоянно сталкиваться с новыми и новыми противоборствующими внутренними силами, а народ постепенно перейдёт на сторону оппозиции. И это также может привести к военно-политической нестабильности в стране – никакого экономического развития не будет, и интеграции не произойдёт.

В современном мире различные государства стали быстро трансформироваться. Глобальная цифровизация мира вынуждает руководство всех стран не допустить отставания от общечеловеческого (научно-технического) развития. Современный мир диктует свои условия и не прощает любых упущений или же отставания стран в различных сферах жизнедеятельности. В этом случае «Талибан*» должен чётко уяснить, что с одними радикально-исламскими религиозными правилами долго ему во власти не удержаться.

Движение «Талибан*»¹ в этих вопросах уже имеет горький опыт в прошлом (1996–2001 гг.). В 1994 году талибы взяли под военный контроль город Кандагар на юго-востоке страны. Затем они оккупировали ещё 12 городов и в 1996 году захватили столицу Кабул. «Талибан*», который до момента захвата столицы был ополченческой структурой, объявил о формировании собственного правительства, образовав Исламский Эмират Афганистан, правительство которого было признано Пакистаном, Саудовской Аравией и Объединёнными Арабскими Эмиратами.

Ещё тогда лидеры движения «Талибан*» специально подчёркивали, что их движение имеет исламский, а не чисто пуштунский характер, поэтому они приветствуют в своих рядах всех «настоящих мусульман» независимо от национальности, языка и цвета кожи. Хотя на практике это не оправдалось, поскольку при их правле-

нии таджики, хазарейцы, узбеки и другие этнические меньшинства продолжали занимать положение людей второго сорта. По сведениям ООН, талибы совершили не менее 15 массовых убийств мирного населения в период с 1995 по 2001 год. Такие зверские деяния осуществлялись часто совместно с боевиками «Аль-Каиды». Во время правления талибов вступили в силу новые законы, основанные на шариате. Мужчины должны были обязательно отрастить бороды, а женщины носить специальную одежду (паранджу). Телевидение, фотография, музыка и кино были запрещены. Девочкам разрешалось ходить в школу только до 10 лет. Мужчины должны были читать молитву 5 раз в день.

В 1990-е гг. талибы насаждали жёсткую версию шариата, что и оттолкнуло от них международное сообщество. С учётом всех обозначенных фактов талибы, вероятно, должны отойти от своего раннего экстремизма и обратиться к практике более мягкой версии исламского шариата.

Ещё одной из основных причин, почему руководство «Талибана*» должно будет пересмотреть форму правления государства на новом этапе, это нахождение Афганистана последние 20 лет под влиянием Запада. К тому же новое поколение афганцев росло в условиях больших гражданских и личных свобод, получило доступ к образованию, повысив его уровень его профессиональной занятости. Постепенно в обществе начал снижаться уровень гендерных предрассудков, и, напротив, распространились представления о правах человека и преимуществах эмансипации женщин. Теперь у молодёжи есть с чем сравнивать действия новых властей, поэтому можно предположить, что это поколение будет сопротивляться возвращению жесткого управления и ограничению их образовательных возможностей. Если талибы поставят перед собой задачу национального объединения, им придётся предоставить молодёжи возможности для обучения и трудоустройства. В таком случае им при-

¹ террористическая организация, запрещённая в России

дётся соблюдать баланс – обеспечить населению гражданские свободы в соответствии с международными нормами, но вместе с тем соблюдать и свою собственную версию шариата.

Официальный представитель МИД Китая Ван Вэньбинь, оценивая текущую обстановку в стране и делая соответствующие выводы, считает, что ситуация в Афганистане после вывода американских войск доказала безуспешность навязывания своих ценностей другим государствам. «...Вывод войск США из Афганистана свидетельствует о том, что произвольное военное вмешательство в другие страны, а также политика навязывания своих собственных ценностей и социальной системы другим государствам обречены на провал...» [5, С. 111–115].

Также ещё в августе 2021 года в американском издании The Washington Post была опубликована колонка Ахмада Масуда, сына Ахмад Шаха Масуда, лидера отрядов сопротивления талибам в провинции Панджшер. По его мнению, «Талибан*» представляет собой проблему не только для афганского народа. Под контролем движения «Талибан*» государство Афганистан, без сомнения, станет эпицентром радикально-исламистского терроризма, здесь снова начнут строить заговоры против демократических стран.

По мнению представителя Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству России Дмитрия Шугаева, количество оружия, оставленного американцами в Афганистане, оцениваемое в 85 млрд. долл., составляет серьёзную угрозу странам ЦАР. Сумма оставленного оружия в цифрах выглядит так: 22 тысячи броневедомостей, 358 тысяч автоматических винтовок, 176 артиллерийских систем, 8 тысяч грузовиков, транспортные самолёты, а также более сотни вертолётов.

И сейчас всё это вооружение и военная техника, оставленные американскими военными, находятся в арсенале боевиков движения «Талибан*» в Афганистане. Как и

в каких целях в дальнейшем будет применяться талибами это оружие, остаётся большим вопросом. Почему-то само правительство США к этой проблеме не отнеслось традиционно прагматично и не стало тратить лишние средства на возвращение своих арсеналов.

Военный эксперт Алексей Леонков отмечает, что последствия вывода войск США из Афганистана будут катастрофическими для всего региона и мира. Он назвал вывод американских войск позором. По его словам, «...они оставили страну во власти террористов. Мало того, они оставили им огромное количество оружия. Вместо того чтобы провести грамотное выведение войск, оно было хаотичным и паническим...». По мнению политолога, американцы, не используя более укрепленную авиабазу Баграм при выводе войск, допустили большую ошибку. Выбранный США международный аэропорт Кабул к тому же не предоставлял возможности принятия тяжёлых грузовых самолетов (C5 Galaxy).

Из-за этой ошибки в Афганистане осталось огромное количество американского вооружения, в том числе бронированная техника, вертолеты, штурмовая авиация, переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК). Такое количество оружия в руках талибов может нарушить баланс сил и быть причиной роста террористической опасности в Центральной и Юго-Восточной Азии.

Кроме того, в Афганистане не были решены проблемы, связанные с производством наркотиков. Необходимо отметить, что за время пребывания в Афганистане западных военных в стране в 40 раз увеличились объёмы производства наркотиков. Об этом не может идти речь до тех пор, пока «Талибан*» не выполнит ранее данные обещания. В частности, он должен гарантировать, «...чтобы афганская земля не использовалась для угроз или нападений на страны, или для укрытия или подготовки террористов, или для планирования или финансирования террористических актов...» [7].

ПРИЗНАНИЕ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

15 октября 2021 года президент России, выступая на заседании СНГ, отметил, что с признанием талибов не торопится, по его мнению, при формировании состава переходного правительства талибами не были учтены права других крупных национальных меньшинств. Также «Талибаном*» объявлено о проведении всеобщих выборов, ими также принимаются меры по налаживанию деятельности органов государственного управления. Далее президент отмечает, что государства – члены СНГ будут внимательно отслеживать ситуацию в стране и качество выполнения всех обещаний талибами [8].

20 октября 2021 года в Москве прошло заседание московского формата консультаций по Афганистану с участием полномочных представителей движения «Талибан*». Помимо представителей этого движения и российских дипломатов в переговорах принимали участие представители КНР, Пакистана, Ирана, Индии, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Таджикистана и Туркмении. Руководство Соединенных Штатов Америки поддержало инициативу проведения этого заседания, но на встречу приехать отказалось.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на проведение переговоров, ни Российская Федерация, ни другие страны не признали талибов легитимным правительством Афганистана. Оценивая итоги встречи в московском формате, представитель внешнеполитического ведомства правительства талибов Закир Джалалы отметил, что «это была очень хорошая встреча в очень позитивной атмосфере», и все страны подтвердили готовность к дальнейшему взаимодействию с «Талибаном*». Российские власти готовы вести переговоры с новым руководством Афганистана, но это не подразумевает исключения движения «Талибан*» из списка террористических организаций. Как отмечает глава второго департамента Азии МИД РФ Замир Кабулов, по-

ка соответствующее решение Совета Безопасности ООН не будет принято, об этом говорит бесполезно. Помимо вопроса о международном признании правительства талибов, нерешёнными остаются экономические проблемы Афганистана, переживающего кризис и в этой сфере. Новому правительству Афганистана требуется поддержка Международного валютного фонда и Всемирного банка, которые функционируют в тесной связи с США. Собственное производство в Афганистане фактически отсутствует, потребности покрываются за счёт импорта товаров. В то же время Устав стран СНГ не исключает сотрудничества с Афганистаном в мирных областях [9].

Экономические проблемы Афганистана ещё больше усугубляются в результате политики США и других стран Запада, которые практически сразу попытались оказать влияние на талибов при помощи экономических рычагов. Валютные резервы Афганистана удерживаются Вашингтоном, там же принимаются решения о выделении экономической помощи или займов международных финансовых организаций. Дефицит продовольствия и наличных средств, рост цен могут в скором времени породить массовое общественное недовольство и беспорядки. По всей видимости, условием получения экономической помощи может стать отказ «Талибана*» от экстремистской идеологии и разворот в сторону сотрудничества с мировым сообществом. Руководство афганских талибов также сталкивается с внутренними разногласиями, внутренней и внешней оппозицией, мощным враждебным лобби и агрессивной риторикой в СМИ.

Завершение американской военной миссии в Афганистане привело к резкому сокращению финансовой помощи, выделяемой на поддержку афганского правительства. Экстренный вывод войск США привёл к тому, что власть в стране за короткие сроки была захвачена радикальным исламским движением «Талибан*». В стране начались хаос и беспорядок. Сложившаяся

нестабильная на сегодня военно-политическая обстановка в Афганистане заставляет руководство соседних стран Центральной Азии принимать неукоснительные практические меры по укреплению своих государственных границ.

В результате отсутствия стабильного государственного устройства в Афганистане, которое может гарантировать мир и спокойствие в стране, наблюдается рост криминала, торговли оружием, наркоторговли. Увеличиваются потоки беженцев.

Необходимо отметить, что оставленное американцами современное ВВТ в Афганистане создаёт реальные угрозы военной безопасности стран ЦАР. Эксперты расходятся во мнениях, прогнозируя возможности, сроки и цели, в которых боевиками движения «Талибан*» будет использовано это вооружение. Новые угрозы заставляют военно-политическое руководство стран ЦАР активизировать усилия по совершенствованию существующей системы безопасности как в своих странах, так и на региональном уровне. Также востребованным на сегодняшний день становится реформирование или пересмотр организационных структур и задач уже функционирующих в регионе организаций, таких как СНГ, ОДКБ и ШОС. Поэтому на южных рубежах Центрально-Азиатского региона обстановка всё же становится нестабильной и непредсказуемой.

Созданное талибами шариатское правительство, состоящее в основном из пуштунов, мировое сообщество не признало. Исключение составили Пакистан и некоторые заинтересованные государства региона. Это даёт сигнал о том, что в ближайшей перспективе, возможно, разгорится новая гражданская война между проправительственными силами и этническими меньшинствами в Афганистане. Это влечёт за собой угрозу появления нового горячего конфликта в регионе и несоблюдение конституционных прав граждан внутри страны [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ действий военно-политического руководства США и стран НАТО показывает их незаинтересованность в установлении мира, спокойствия и процветания в Афганистане. Как показала история, налицо стремление к достижению своих военно-политических, экономических (коммерческих) целей, а также к защите своих национальных интересов в ЦАР. Руководствуясь концепцией «управляемого хаоса», поддержки нестабильности в определенных государствах, поощрения региональных конфликтов, отдельные мировые державы стремятся предотвращать появление в Евразийском пространстве сильного государства или коалиции государств с участием Российской Федерации, КНР, Пакистана и Ирана. Главная их цель – не допустить появления в Евразии доминирующей и антагонистической им силы. Афганистан в этом случае может стать эпицентром длительного неуправляемого хаоса.

**Примечание: «Талибан», террористическая организация, запрещённая в России*

Библиография/References:

1. Мустафабейли А.М. Пуштуны и этнические меньшинства: проблемы межафганского урегулирования // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 5 (122). – С. 2.
2. Мирное соглашение между США и движением «Талибан*», подписанное 29 февраля 2020 года в столице Катара [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/opinions/7876949>. (дата обращения: 10.12.2021).
3. Волков К. Сформировано новое правительство Афганистана // Российская газета. Столичный выпуск. – 2021. – №204 (8555). – 7 сентября.
4. Серенько А. США оставили России пылающий Афганистан // Эксперт. – 2021. – № 26 (1212). – 21–27 июня. – С. 48.
5. Васильев Л.Е. Проблемы обеспече-

- ния безопасности на пространстве ШОС. Институт Дальнего Востока – РАН. ИДВ РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 111–115.
6. Петров А. Основные итоги саммита НАТО в Брюсселе // Зарубежное военное обозрение. – 2021. – № 8 (898). – С. 3–9.
7. Joint Communiqué of President of Uzbekistan Sh.M. Mirziev and President of Turkmenistan G.M. Berdymuhamedov // Narodnoe Slovo. – 2017. – № 49 (6713). – 10 March.
8. Организация Договора коллективной безопасности. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.odkb-csto.org>. (дата обращения: 10.11.2021).
9. Устав Содружества Независимых Государств. 22 января 1993 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/1118251/> (дата обращения: 22.11.2021).
10. Конституция Афганистана [Электронный ресурс]. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=24> (дата обращения: 10.11.2021).
1. Mustafabeyli A.M. (2021) Pushtuny i etnicheskiye men'shinstva: problemy mezhafganskogo uregulirovaniya [Pashtuns and ethnic minorities: problems of inter-Afghan settlement] // Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo. – № 5 (122). – S.2. (In Russ.).
2. Mirnoye soglasheniye mezhdu SSHA i dvizheniyem Taliban, podpisannoye 29 fevralya 2020 goda v stolitse Katara [Peace agreement between the United States and the Taliban, signed on February 29, 2020 in the capital of Qatar]. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://tass.ru/opinions/7876949>. (data obrashcheniya 10.12.2021). (In Russ.).
3. Volkov K. (2021) Sformirovano novoye pravitel'stvo Afganistana [Formed a new government of Afghanistan] // Rossiyskaya gazeta. Stolichnyy vypusk. – № 204(8555). – 7sentyabrya. (In Russ.).
4. Seren'ko A. (2021) SSHA ostavili Rossii pylayushchiy Afganistan [The United States left a flaming Afghanistan to Russia] // Ekspert. – № 26 (1212). – 21–27 iyunya. – S.48. (In Russ.).
5. Vasil'yev L.E. (2017) Problemy obespecheniya bezopasnosti na prostranstve SHOS. [Problems of ensuring security in the SCO space] Institut Dal'nego Vostoka – RAN. IDV RAN. – M.: Izdatel'stvo «Ves Mir». – S.111–115. (In Russ.).
6. Petrov A. (2021) Osnovnyye itogi sammita NATO v Bryussele [The main results of the NATO summit in Brussels] // Zarubezhnoye voyennoye obozreniye. – №8(898). – S.3–9. (In Russ.).
7. Joint Communiqué of President of Uzbekistan Sh.M. Mirziev and President of Turkmenistan G.M. Berdymuhamedov [Joint Communiqué of President of Uzbekistan Sh.M. Mirziev and President of Turkmenistan G.M. Berdymuhamedov] // Narodnoe Slovo. – 2017. – №49(6713). – 10 March. (in Turkm.).
8. Organizatsiya Dogovora kollektivnoy bezopasnosti. Ofitsial'nyy sayt. [Organization of the Collective Security Treaty. Official site] [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.odkb-csto.org>. (data obrashcheniya 10.11.2021). (In Russ.).
9. Ustav sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv. 22 yanvarya 1993 goda. [Charter of the Commonwealth of Independent States. January 22, 1993] [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://base.garant.ru/1118251/> (data obrashcheniya 22.11.2021). (In Russ.).
10. Konstitutsiya Afganistana [The Constitution of Afghanistan] [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=24> (data obrashcheniya 10.11.2021). (In Russ.).

КУЛИБАЛИ Амади Шеикне, адъюнкт, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Россия, Москва), e-mail: couli2018@yahoo.com

COULIBALY A. Ch., Postgraduate student, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail: couli2018@yahoo.com

АГАШЕРСКАЯ ВОЙНА МЕЖДУ МАЛИ И БУРКИНА-ФАСО 1985 ГОДА: ИТОГИ И ВЫВОДЫ

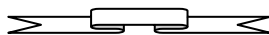
THE AGASHERA WAR BETWEEN MALI AND BURKINA FASO IN 1985: RESULTS AND CONCLUSIONS

Аннотация. Цель статьи – выявление особенностей хода действий и итогов Агашерской войны между Мали и Буркина-Фасо 1985 года. Автором на основании исследовательских методов наблюдения и сравнения были изложены причины Агашерской войны между Республикой Мали и Республикой Буркина-Фасо в 1985 г., проанализированы замыслы сторон, дана сравнительная характеристика задействованных противниками сил и средств, проведена оценка эффективности форм и способов боевых действий, применявшихся в ходе конфликта, представлены военно-политические результаты конфликта, освещена деятельность по постконфликтному урегулированию.

Ключевые слова: Агашерская война, Республика Мали, Республика Буркина-Фасо, военная сфера, последствия, ведение войны, постконфликтное урегулирование.

Abstract. The purpose of the article is to identify the features of the course of action and the results of the Agasher war between Mali and Burkina Faso in 1985. The author outlined the causes of the Agasher war between the Republic of Mali and the Republic of Burkina Faso in 1985 based on research methods such as observation and comparison. The author analyzes the intentions of the parties, gives a comparative characteristic of the forces and means used by the opponents. As a result of the research, the authors evaluate the effectiveness of the forms and methods of military operations used during the conflict, presents the military-political results of the conflict and examines post-conflict settlement activities.

Keywords: Agacher Strip War, Mali, Burkina Faso, military sphere, consequences, prosecution of war, post-conflict peace-building.

ВВЕДЕНИЕ

После обретения независимости правительства Мали и Буркина-Фасо (до 1984 года Верхняя Вольта) решали межгосударственные проблемы, в том числе и

пограничные споры, за столом переговоров. С этой целью были созданы различные двусторонние координационные структуры, обладавшие широкими полномочиями, такие как совместная комиссия глав округов, объединенная комиссия (объеди-

ненный апелляционный совет), постоянная объединенная комиссия (постоянный апелляционный совет) и совместная техническая комиссия. Благодаря успешной деятельности этих организаций удалось урегулировать статус восьми десятых участка малийско-вольтайской границы, но разногласия по Агашерской полосе в конечном итоге привели к вооруженному конфликту 1985 года. В историографии он получил наименование «Агашерская война», или «Рождественская война» [1].

ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Начало военной конфронтации было положено еще в 1974 году, когда стороны заявили права на спорную территорию, что было по своей сути традиционной причиной возникновения межгосударственных конфликтов на Африканском континенте как одного из последствий колониального наследия [2]. Тогда приграничные инциденты не переросли в крупномасштабные боевые действия. Обстановка в спорном районе периодически обострялась и в конце 1985 года достигла своего пика. Малийская сторона настаивала на том, что деревни, расположенные в спорном районе, входили в состав Республики Мали. Руководство Буркина-Фасо также заявляло свои права на Агашерскую полосу. Причины этих разногласий происходили из неоднократных изменений административных границ французской колониальной администрацией в процессе осуществления контроля над этими территориями.

Два предшествующих конфликту года в регионе сохранялась сухая и жаркая погода. Это обстоятельство в значительной мере сказалось на продуктивности сельского хозяйства обеих стран, а также на значительном снижении уровня жизни населения региона. По различным источникам, Агашерская полоса была богата полезными ископаемыми. В этой связи руководство обеих государств рассчитывало на экономические выгоды от их эксплуатации. Кро-

ме того, политические лидеры, находящиеся у власти в Мали и Буркина-Фасо, рассчитывали укрепить свой авторитет в результате маленькой и победоносной войны.

Полоса Агашера – территория, протянувшаяся с запада на восток, от Диулуны до Бели и далее до горы Нгума (точка, в которой сходятся границы Мали, Буркина-Фасо и Республики Нигер). Ее общая площадь составляла 3000 кв. км (по другим оценкам, до 5000 кв. км) Длина полосы составляла 160 км (по другим данным, до 260 км), а ширина – от 15 до 30 км.

В спорном районе располагались четыре деревни: Диулуна, Куина, Дуна и Сельба. Последняя даже не деревня. Это, скорее, фермерское хозяйство: всего несколько хижин и небольшие земельные участки. Окружающие территории являются пастбищами для скота. Здесь же расположен водоем. В зимнее время он пересыхает, и скотоводы покидают этот район. Когда водоем наполняется водой, люди возвращаются. В основном именно западная часть спорной полосы населена, а все остальные районы безлюдны и использовались в качестве выгонов для скота. Сюда же входит район озера Сум, которое наполняется в период дождей. К моменту начала конфликта у каждой страны была своя контрольная пограничная линия, которая не признавалась другой стороной.

В начале декабря 1985 года в населенные пункты Диулуна, Куина, Сельба и Дуна для переписи населения прибыли переписчики из Буркина-Фасо. Местные жители отказались с ними общаться, а в одной из деревень переписчиков закидали камнями. По решению правительства 12 декабря подразделения вооруженных сил Буркина-Фасо были направлены в эти населенные пункты и подняли в них государственный флаг. Глава деревни Диулуна и другие должностные лица из спорных населенных пунктов, отказавшиеся сотрудничать с буркинийскими властями, подверглись жестокому обращению, были арестованы и вывезены в г. Джибо (административный центр

провинции Сум на территории Буркина-Фасо). Буркинийские военные блокировали все связи между этими населенными пунктами и остальной частью Мали [3]. Согласно плану командования армии Буркина-Фасо, управление гарнизонами, расположенными в населенных пунктах в спорном районе, должно было осуществляться из префектуры Дигуэл. Там же находился склад с оружием и боеприпасами.

В Мали действия правительства Буркина-Фасо расценили как провокацию. Лидер Мали обратился к международному сообществу. Усилия руководства соседних африканских государств урегулировать конфликт мирным путем результата не дали. Попытки мирного урегулирования на уровне пограничных властей также не увенчались успехом. Губернатор пятого региона Мали, командир эскадрильи Махамане Дико и руководитель администрации города Дуэнца, капитан Зумана Берто попытались на местном уровне найти решение проблемы. Делегация во главе с губернатором отправилась в г. Джибо для встречи с верховным комиссаром. Но переговоры не привели к компромиссу.

Главы администраций приграничных районов постоянно получали информацию о передвижениях буркинийских войск в зоне их ответственности, в которую входила спорная территория, и представляли ее в Генеральный штаб армии Мали. О состоянии дел незамедлительно докладывали руководству страны.

Президент Мали Мусса Траоре принял решение о проведении военной операции. В направлении спорного района были выдвинуты войска. Малийская авиация начала патрулировать спорный район. Дата начала операции держалась в секрете. Она стала известна 24 декабря 1985 года. Начальник оперативного штаба полковник Коке Дембеле был вызван в Бамако, где до его сведения довели сроки начала операции – 7 часов утра 25 декабря. В свою очередь, буркинийская сторона в период с 14 до 25 декабря значительно увеличила числен-

ность своих войск в спорном районе.

По докладам командования, моральный дух малийских вооруженных сил был высоким. Личный состав демонстрировал готовность сражаться. Большую роль в этом сыграла проведенная в стране информационная кампания, направленная на формирование общественной поддержки деятельности правительства. Малийскому народу демонстрировалась готовность военных защитить территорию и суверенитет страны. Средства массовой информации Буркина-Фасо также проводили работу в поддержку силового решения территориального спора.

Главной целью операции для малийской стороны было освобождение четырех деревень и других территорий в спорном районе, разгром войск армии Буркина-Фасо в Агашерской полосе, занятие важных районов на буркинийской территории, создание выгодных условий при ведении переговоров о заключении мира.

В соответствии с замыслом малийского командования планировалось: силами двух группировок одновременно нанести два удара по сходящимся направлениям; соединиться в районе д. Дуна; окружить и разгромить буркинийские войска в спорном районе; в дальнейшем перенести боевые действия на территорию противника, захватить ряд стратегически важных объектов и создать условия для выполнения последующих задач. Объединение группировок войск в населенном пункте Дуна было обусловлено тем, что он находился в равном удалении от командных пунктов Бабемба и Бакаридиан.

Командующим операцией был назначен начальник штаба сухопутных войск полковник Коке Дембеле. Его решением группировка войск Мали была разделена на два сектора. Южный сектор (Бакаридиан) располагался в зоне г. Мондоро, в непосредственной близости от спорного района. Восточный сектор (Бабемба) находился в зоне г. Ндаки. Оперативный командный пункт (КП) Sambalanio 2 был развернут в

г. Севаре. С этого КП до 30 декабря 1985 года осуществлялось руководство обеими группировками, пока не был развернут КП Samballanio 1 [4].

Оперативный КП состоял из четырех групп: оперативная группа во главе с капитаном Мусой Траоре, разведывательная группа во главе с капитаном Юсуфом Гойта, группа материально-технического обеспечения во главе с майором Мамаду Траоре, группа синтеза во главе с майором Секу Думбие. Кроме того, для координации действий с ВВС к КП был прикомандирован майор Бурама Сире Траоре.

По воспоминаниям непосредственного участника тех событий полковника Кокке Дембеле, 12 декабря 1985 года он получил информацию о том, что подразделения вооруженных сил Буркина-Фасо заняли деревни Диулуна, Куина, Дуна и Сельба, расположенные на буркинийской границе, а также район озера Сум.

Первоначально достоверных сведений о силах противника не было. После их уточнения численность буркинийских войск была оценена в один пехотный батальон от 600 до 800 человек, расположенный в районе деревни Диулуна. По воспоминаниям капитана Юсуфа Гойта, начальника разведывательной группы, еще до начала военных действий он получил задачу информировать командование о замыслах и действиях противника. Полученные из разных источников сведения были проанализированы и учтены при планировании операции. Так, наземная разведка подтвердила информацию о том, что в период с 12 по 16 декабря подразделения сухопутных войск Буркина-Фасо силами до батальона пехоты, усиленного противотанковыми орудиями и 60-миллиметровыми минометами, заняли населенные пункты Диулуна, Куина, Сельба и Дуна, районы озера Сум и Дигуэл. По уточненным данным, в Джибо находился командный пункт пехотного полка армии Буркина-Фасо, развернутого в его окрестностях. Гарнизоны также располагались в Бараболли и Дигуэл.

К назначенному времени малийские войска были расположены следующим образом. Группировка Бакаридиан была развернута в Бульде, в 14 км от Агашерской полосы, в 6 км к востоку от Мондоро. Группировка Бабемба находилась в Ндаки, в 75 км от границы спорного района.

Из-за проблем со связью приказы о начале наступления не были доведены до командиров группировок одновременно (дорога от Мопти до Мондоро намного короче, чем от Мопти до Ндаки). Тем не менее к 6 часам утра 25 декабря штабы обеих группировок получили пакеты с приказом. На этапе выдвижения в оперативный КП поступали многочисленные сообщения о минировании маршрутов продвижения войск, которые оказались ложными. Это замедлило продвижение колонн автомобилей и бронетехники.

Первой целью группировки Бакаридиан была Диулуна, расположенная в 15 км от города Мондоро. Местность представляет собой равнину с песчаным грунтом, часто встречающимися колючими кустарниками, маленькими и высокими деревьями.

Оперативной группировкой командовал капитан Калифа Гойта. До начала операции его командный пункт располагался в Мондоро, а затем был перенесен и развернут в небольшой роще в одном километре от Диулуны. В штабную группу также входили: капитан Сабаке Дембеле, капитан Джибриль Сангаре, лейтенант Бамба Кулибали, лейтенант Секу Диалло, лейтенант Тумани Сиссоко, старший сержант Амаду Кулибали и жандарм Амаду Кулибали.

В ходе выдвижения в одном километре от Диулуны колонна автомобилей и бронетехники группировки подверглась обстрелу противника из стрелкового оружия. Колонна остановилась, бойцы малийской армии заняли оборону. После определения переднего края расположения противника и выявления огневых точек были приняты меры к их подавлению. После нанесения артиллерийского удара буркинийские подразделения спешно отступили. Таким образом,

возможность нанесения внезапного удара по гарнизону Диулуна была утрачена.

Гарнизон Диулуна располагался в домах местных жителей, которых предварительно выселили. КП находился в центре. Рядом с ним была оборудована пулеметная точка. В соседнем доме находился медицинский пункт. В нескольких отдельно стоящих домиках, которые также входили в состав охраняемого лагеря, были оборудованы пулеметные точки. Весь лагерь был хорошо укреплен.

По воспоминаниям Калифа Гойта, оценив обстановку и уточнив положение переднего края обороны противника, он отдал

приказ командирам подразделений на подготовку к атаке. Предварительно по буркинийским позициям и выявленным огневым точкам был нанесен артиллерийский удар.

После переноса огня вглубь обороны в пехотные подразделения малийской армии пошли в атаку. Местность не позволяла бронетехнике маневрировать. Малийская авиация нанесла удар по буркинийским войскам, находившимся в Джибо, с целью не допустить оказания помощи гарнизону Диулуна.

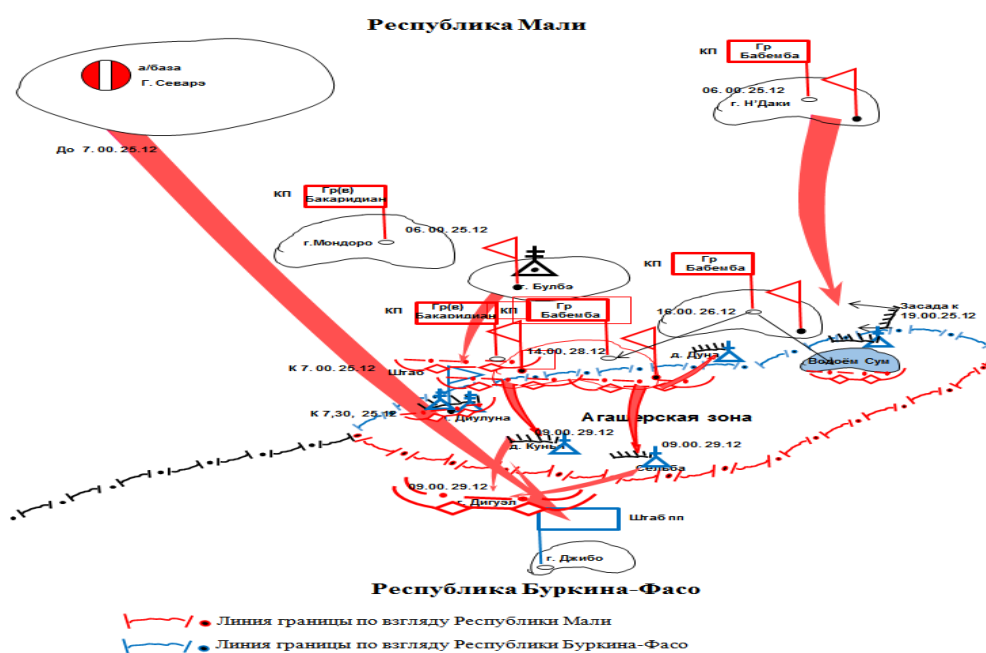

Рисунок 1 - Схема боевых действий между армией Мали и Буркина-Фасо (1985)
Figure 1 - Scheme of hostilities between the army of Mali and Burkina Faso (1985)

Пулеметные расчеты противника вели прицельный огонь по наступающей малийской пехоте, прижимая ее к земле. Однако умелое использование артиллерии и бронетехники решило исход боя. Оказавшие упорное сопротивление подразделения буркинийской армии, оборонявшие Диулу-

ну, к 11:30 были полностью разгромлены. В ходе атаки все военные цели были уничтожены. Оставшаяся часть деревни была сохранена. До наступления темноты была проведена зачистка территории, осмотрены все дома и постройки. Малийские солдаты приняли меры для сохранения имущества

мирных граждан. После освобождения Диулуны местные жители возвратились в свои дома. Буркинийская сторона в ходе боя потеряла около тридцати человек. Были захвачены пленные, оружие и снаряжение. Заняв Диулуну, группировка Бакаридиан выдвинулась в направлении деревни Дуна.

Первой целью группировки Бабемба было освобождение района озера Сум. Командиром группировки был назначен подполковник Кафугуну Коне. В штабную группу Бабемба входили: офицер артиллерии – капитан Кейта; офицер оперативного отдела – лейтенант Каникомо; офицер связи – лейтенант Гой; офицер медицинской службы – лейтенант Салл.

Учитывая удаленность и состояние дорог, части и подразделения группировки прибыли в окрестности озера Сум и заняли оборону с наступлением темноты – к 19:00 25 декабря. По дороге колонна автомобилей и бронетехники попала в засаду. Была проведена разведка целей и нанесен артиллерийский удар по позициям буркинийских войск. Боевое столкновение продолжалось не более 3 минут. Огневая поддержка способствовала успешной атаке пехоты. Противник спешно отступил. Однако график продвижения частей и подразделений группировки был нарушен.

26 декабря в 16:00 подполковник Кафугуну Коне получил приказ атаковать противника и занять территории, прилегающие к озеру Сум. Но к этому времени основная часть буркинийских сил отступила. Оставшиеся на флангах отдельные подразделения противника, опасаясь быть окруженными превосходящими силами группировки Бабемба, спешно покинули район. Таким образом, к исходу дня 26 декабря район озера Сум был полностью занят малийскими войсками.

Офицер медицинской службы сообщил об отсутствии погибших. В медицинский пункт были доставлены несколько легкораненых, которые после оказания медицинской помощи вернулись в строй.

Имея сведения, что группировке Бабем-

ба не противостоят крупные силы противника, малийское командование посчитало необходимым объединить ее с группировкой Бакаридиан с целью создания подавляющего превосходства над противником, разгрома его основных сил и дальнейшего продвижения в направлении Джибо.

27 декабря 1985 года командиру группировки Бабемба было приказано соединиться с Бакаридиан. Объединение завершилось 28 декабря 1985 года, во второй половине дня, а рано утром 29 декабря командиры обеих группировок получили приказ атаковать противника в населенных пунктах Куина, Сельба, Дигуэл.

Подразделения капитана Самба Соу 29 декабря приняли участие в атаке на населенный пункт Куина. Согласно докладу капитана, противник уклонялся от вступления в бой. После ночных обстрелов его основные силы покинули деревню. Когда малийские войска вошли в Куину, там оставалось несколько небольших подразделений армии Буркина-Фасо. Их позиции были хорошо оборудованы, установлены инженерные заграждения. С началом атаки буркинийские военные пытались оказать сопротивление, но под натиском превосходящих сил отступили.

Деревня Сельба и прилегающие к ней территории являлись стратегически важным районом, за контроль над которым развернулись интенсивные боевые действия. По воспоминаниям капитана Мамаду Кейта, в результате нанесения артиллерийского удара буркинийские войска спешно отступили из района Сельба, оставив свои позиции.

Наиболее интенсивные бои шли в районе деревни Дигуэл. Атака малийских войск началась в 7:00 29 декабря 1985 года. В ней приняли участие силы обеих группировок. Предварительно по позициям противника был нанесен артиллерийский удар. В 8:20 буркинийские войска спешно отступили в сторону Джибо, бросив оружие и снаряжение.

Развивать наступление в направлении

Джибо предполагалось силами обеих группировок, но с КП поступили указания прекратить продвижение, закрепиться на занятых рубежах и перейти к обороне. На следующий день, 30 декабря 1985 года, планировалось атаковать Джибо. Однако в этот же день был получен приказ прекратить огонь и оставаться на месте. В ходе операции малийские войска продвинулись на территорию Буркина-Фасо на глубину от 15 до 20 км.

Наибольший вклад в разгром наземной группировки армии Буркина-Фасо внесли малийские ВВС. Это обусловлено тем, что в ходе военного конфликта активно применялась ударная авиация. Ее действия планировались на основе информации, предоставленной разведкой, которая сообщала о высокой концентрации войск противника в Джибо, Уйигуе и Дедугу. По словам майора Ниаре, заместителя командующего ВВС в оперативном командном пункте, авиация наносила удары по этим населенным пунктам и другим военным целям с начала боевых действий до 27 декабря. Удары наносились ракетами, а также 100-килограммовыми бомбами. С 27 декабря ВВС не применялись из-за плохих погодных условий. По военным объектам, расположенным в Бобо и Угадугу, также планировалось нанесение ударов авиации.

Кроме того, в интересах сухопутной группировки войск проводилась авиационная разведка. Ее результаты были использованы при планировании боевых действий пехотных частей и подразделений, нанесении артиллерийских и авиационных ударов, для подтверждения сведений войсковой разведки. В соответствии с приказом о прекращении огня дальнейшее использование авиации было приостановлено.

Для успешного решения стоящих задач применялась артиллерия. Она осуществляла огневую поддержку пехотных подразделений в ходе боя, что причиняло значительные потери буркинийским войскам. Особенно это отмечалось при взятии насе-

ленных пунктов Диулуна и Дигуэл. Целенаправленные артиллерийские удары ослабили оборону противника и нарушили систему управления войсками, в результате чего в ряде случаев его подразделения отступали еще до вступления в бой малийской пехоты.

Большую роль в достижении успеха малийской армии сыграла служба тыла. По воспоминаниям майора Мамаду Траоре, начальника отдела материально-технического обеспечения, в ходе подготовки и проведения операции ему пришлось решать сложные логистические задачи. Основной проблемой была удаленность баз снабжения от театра военных действий. Например, протяженность маршрута от Бамако до Мондоро составляла примерно 1000 км, от Гао до Дуна – более 200 км. При этом состояние дорог было очень плохим. Несмотря на это, войска были обеспечены всем необходимым.

Потери техники тоже были незначительны. Так, в группировке Бакаридиан почти не было потерь. Из-за попадания пуль несколько машин получили легкие повреждения. Но все они были восстановлены и смогли вступить в бой. В районе Сикассо имелись потери. Несколько транспортных средств получили значительные повреждения и полностью сгорели.

В Мондоро находился полевой госпиталь, работой которого руководил капитан Джбриль Сангаре. Деятельность этого госпиталя стала апробацией системы медицинского обеспечения вооруженных сил Мали в период военных действий. Его основными задачами являлись: эвакуация раненых с поля боя в тыл, обеспечение эффективного их лечения, создание необходимых условий для проведения медицинских операций.

Медики и санитары находились в боевых порядках войск, действовавших на передовой. С поля боя раненых эвакуировали на носилках, а затем на санитарном автомобиле доставляли до Мондоро. При необходимости тяжелораненых эвакуировали в

госпитали, расположенные в Севаре и Бамако.

Первый раненый поступил утром 25 декабря 1985 года. Это был солдат, получивший пулевое ранение в ягодицы. Самым тяжелым случаем было ранение солдата в бок. Пуля пробила кишечник и сломала часть позвоночника. В госпитале Мондоро хирургом лейтенантом Наомом Силла, его ассистентами и анестезиологами делалось всё возможное, чтобы обеспечить стабильное состояние раненых. Для дальнейшего лечения их транспортировали на вертолете в Бамако. Двое погибших при освобождении Диулуны были похоронены в Мондоро с надлежащими воинскими почестями.

По воспоминаниям майора Секу Думбия из группы обобщения и анализа, главная задача группы состояла в том, чтобы подготовить краткий доклад командующему об оперативной обстановке, обобщить информацию о противнике, его силах и средствах, местах расположения, а также иметь сведения о текущем состоянии дел в малийских частях и подразделениях.

Командование вооруженных сил Буркина-Фасо попыталось нанести ответный удар по противнику из района Сикассо. Но малийская сторона приняла необходимые меры для его отражения. Кроме того, имели место многочисленные вооруженные столкновения на территории Буркина-Фасо. Наиболее кровопролитными были бои в районе населенных пунктов Колокони и Маона, в ходе которых обе стороны понесли большие потери.

Переговоры о прекращении боевых действий начались 29 декабря при посредничестве главы Нигерии и правительства Ливии. 30 декабря 1985 года под эгидой АНАД было подписано соглашение о перемирии между сторонами конфликта, которое положило конец вооруженному противостоянию. Однако окончательное коммюнике о примирении было опубликовано 17 января 1986 года, после чего при посредничестве АНАД и правительства Кот-

д'Ивуара был осуществлен вывод войск из зоны конфликта. Вопрос о принадлежности Агашерской полосы был передан в Международный суд ООН, который вынес свой вердикт в декабре 1986 года, разделив спорную территорию почти поровну.

Потери буркинийской стороны в конфликте составили 141 убитыми и почти 300 раненых, малийской – 38 погибших и 17 раненых. Среди погибших и раненых большую часть составило гражданское население [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Агашерская война между Республикой Мали и Республикой Буркина-Фасо в 1985 года представляет собой пример привлечения национальных вооруженных сил к разрешению пограничных противоречий. Защита национальных интересов является одной из важнейших составляющих военной политики государства. Итоги войны позволяют оценить боеготовность национальных вооруженных сил и уровень их развития. Уроки данного конфликта помогли определить дальнейшее направление реформ военного строительства государства. Анализ результатов Агашерской войны позволяет сделать вывод о том, что применение военной силы должно быть крайним средством разрешения геополитических противоречий, когда исчерпаны все мирные дипломатические пути разрешения конфликта. Любой военный конфликт сопряжен с многочисленными жертвами с обеих сторон. Посредничество третьих стран позволяет исключить дальнейшую эскалацию конфликта, а решение Организации Объединенных Наций – прийти к консенсусу.

Библиография/References:

1. Санкара Т. Военные конфликты малой интенсивности. Малые войны второй половины XX века. Агашерская война 1985. [Электронный ресурс]. – URL: <https://war->

conflicts.livejournal.com/3812.html (дата обращения: 10.10.2021 г.).

2. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / Под общ. ред. Д.О. Рогозина. – М.: Вече, 2011. – 623 с.

3. Пограничный спор (Буркина-Фасо – Республика Мали). Обзор событий. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.icjci.org/fr/affaire/69> (дата обращения: 11.10.2021 г.).

4. Бенмессауд Т. Нематериальность колониальных границ и государственное пространство в Африке. – Париж: Африканская и малагасийская библиотека, 1989. – 255 с.

5. Дерме Х. Конфликт между Буркина-Фасо и Республикой Мали: историческая точка зрения. – Париж: Парижский университет, 1988. – С. 10–15.

toricheskaya tochka zreniya [Conflict between Burkina Faso and the Republic of Mali: a historical point of view]. – Parizh: Parizhskiy universitet. – S.10-15. (In Russ.).

1. Sankara T. Voyennyye konflikty maloy intensivnosti. Malye voyny vtoroy poloviny KHKH veka. Agasherskaya voyna 1985. [Military conflicts of low intensity. Small wars of the second half of the twentieth century. Agasher War 1985] [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://war-conflicts.livejournal.com/3812.html> (data obrashcheniya 10.10.2021g.). (In Russ.).

2. Voyna i mir v terminakh i opredeleniyakh. Voyenno-politicheskiy slovar' [War and peace in terms and definitions. Military-Political Dictionary] / Pod obshch. red. D.O. Rogozina. – М.: Veche, 2011. – 623s. (In Russ.).

3. Pogranichnyy spor (Burkina-Faso – Respublika Mali). Obzor sobytiy. [Border dispute (Burkina Faso – Republic of Mali). Event overview] [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.icjci.org/fr/affaire/69> (data obrashcheniya 11.10.2021g.). (In Russ.).

4. Benmessaud T. (1989) Nematerial'nost' kolonial'nykh granits i gosudarstvennoye prostranstvo v Afrike [Intangibility of colonial borders and state space in Africa]. – Parizh: Afrikanская i malagasiyskaya biblioteka. – 255s. (In Russ.).

5. Derme KH. (1988) Konflikt mezhduburkina-faso i Respublikoy Mali: is-

СЕЛЮТИНА Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: seljutina1@rambler.ru

ХОЛОДОВ Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: vohol1@rambler.ru

SELYUTINA E.N., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: seljutina1@rambler.ru

HOLODOV V.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: vohol1@rambler.ru

АГРАРНАЯ РЕФОРМА П. А. СТОЛЫПИНА И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

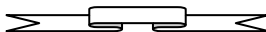
AGRARIAN REFORM P.A. STOLYPIN AND LAND RELATIONS IN RUSSIA: PROBLEMS OF LEGAL AND TECHNICAL REGULATION AND PERFORMANCE

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение вопроса о проведенных преобразованиях аграрной реформы П. А. Столыпина с позиции их юридико-технического закрепления, а также общая оценка результативности проделанной работы. Юридико-техническое закрепление базовых положений инициированных П. А. Столыпиным преобразований в аграрной сфере позволяет выделить базовые нормативные правовые акты, послужившие основой проведенных преобразований. В статье представлен авторский подход к рассмотрению аграрной реформы П. А. Столыпина в рамках аграрных преобразований земельных отношений в России с учетом юридико-технической регламентации данного процесса в различных нормативных правовых актах. Предметом исследования выступает система нормативных правовых актов, закрепивших преобразования земельных отношений в России в рамках аграрной реформы П. А. Столыпина. Авторы резюмируют, что в рамках работы Третьей Государственной Думы именно П. А. Столыпин явился символом проводимых в либеральном ключе преобразований земельных отношений.

Ключевые слова: земельные отношения, аграрная реформа, III Государственная Дума, П. А. Столыпин, юридико-техническая регламентация.

Abstract. The purpose of the article is to consider the issue of the transformations of P.A. Stolypin's agrarian reform, as well as a general assessment of the effectiveness of the work done. Raising the question of the effectiveness of the liberal transformations of land relations carried out in Russia at the beginning of the 20th century urgently requires focusing on one of its key components - P.A. Stolypin's agrarian reform. The legal consolidation of the basic provisions of the transformations initiated by P.A. Stolypin in the agrarian sphere allows us to identify the main normative legal acts that served as the basis for the transformations carried out. The article presents the author's approach to the consideration of P.A. Stolypin's agrarian reform within of agrarian transformations of land relations in Russia, taking into account the legal and technical regulation of this process in various regulatory legal acts. The subject of the study is the system of documents that fixed the transformation of land relations in Russia within Stolypin's agrarian reform as a result of the research, the authors draw conclusions that within the work of the Third State Duma, it was P.A. Stolypin who became a symbol of the transformations of land relations carried out in a liberal way, maneuvering between the interests of reactionary circles and the liberal bourgeoisie.

Keywords: land relations, agrarian reform, III State Duma, P.A. Stolypin, legal and technical regulation.

ВВЕДЕНИЕ

Решение пресловутого аграрного вопроса

на рубеже XIX – XX вв. стало одной из первоочередных задач в рамках постепенной трансформации земельных отношений в Рос-

сии. В условиях формирования парламентаризма в России, обусловленного деятельностью Государственной Думы, трансформация земельных правоотношений с точки зрения юридической техники облекалась в законодательную форму и формировала соответствующую нормативную правовую базу, закрепляющую проводимые преобразования. Существенную роль в юридико-технической регламентации преобразования земельных отношений в России в начале XX века сыграла III Государственная Дума.

В составе III Думы более 300 депутатских мандатов принадлежало представителям крупных помещиков и буржуазии, то есть большая часть законодательного органа представляла интересы зажиточных слоев населения. Будучи наиболее приемлемой для самодержавной власти, она просуществовала весь отведенный ей пятилетний срок полномочий. За все время работы Третья Государственная Дума приняла 2432 законодательных акта. В большей степени принятые III Думой акты носили второстепенный характер, регулируя вопросы, касающиеся таможенных и тарифных сборов, смет учреждений различного профиля, чиновничьих жалований и проч. Однако либеральное законотворчество III Думы было направлено и на решение серьезных вопросов – рабочего, национального и, безусловно, аграрного.

Несмотря на общую реакционную направленность политики «третьеиюньской монархии», самодержавие вынуждено было принять законодательские инициативы либеральной буржуазии в сочетании с реакционными мерами. Подобное лавирование между интересами реакционного дворянства и либеральными кругами было обусловлено не прошедшими даром уроками революции 1905–1907 гг., обнажившей перед властью необходимость проведения преобразований, среди которых решающее значение, безусловно, следовало уделить изменению земельных отношений в России.

Изучение аграрной реформы и преобразования земельных отношений в рамках законо-

творческой деятельности Государственной Думы Российской империи берет свое начало еще в дореволюционном историко-правовом знании. Среди авторов, затрагивавших данную проблематику, следует отметить непосредственно политических деятелей дореволюционной России, а также историков и публицистов, таких как С. Ю. Витте, А. И. Елистратов, А. С. Ермолов, А. В. Еропкин, П. Н. Милюков, П. А. Столыпин [7]. В советский период значение реформ П. А. Столыпина анализировалось в работах А. Я. Авреха [1], М. И. Басманова, Д. А. Батурина-ского, М. П. Бок [4].

Различным практическим и историческим аспектам либеральных реформ в России начала XX века посвящены работы следующих исследователей: В. С. Акимовой [2], С. Н. Ашурковой [3], А. Д. Дюсюповой [5], Е. Н. Селютиной, В. А. Холодова [6], В. Ю. Шаламова [8]. Отдельное внимание проблемам законотворческой деятельности либерального крыла российской политической элиты дореволюционного периода на сегодняшний день уделено в работах Д. В. Аронова и В. В. Шелохаева.

НЕОБХОДИМОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТЫ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В РАМКАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ И ЕЁ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Революционная угроза власти наряду с обострением социально-экономических противоречий в начале XX века в России существенно препятствовали развитию страны. До конца не решенным и кардинальным вопросом, значение которого для страны понимали все политические силы, был пресловутый аграрный вопрос в совокупности с необходимостью регулирования земельных отношений.

В сложившихся в начале XX века в России условиях на работу Государственной Думы возлагали надежды различные политические силы, прежде всего либерального направления. Однако становлению в России конституционной монархии препятствовали правые,

реакционно настроенные политические силы, которые, в отличие от либералов, в большей степени ратовали за сохранение прежних монархических основ российской государственности. Именно политики либерального направления выступали за законодательный, а не законосовещательный характер полномочий Государственной Думы, а также за устранение сословного характера при формировании представительного органа.

Либерально-демократические тенденции и осознание необходимости преобразований земельных отношений проявились уже в работе I и II Государственной Думы. При этом именно аграрный вопрос вызывал наиболее острые противоречия между Думой и правительством, что предопределило досрочное прекращение полномочий I и II Думы.

III Государственная Дума, просуществовав весь отведенный ей срок полномочий, оказалась более подготовленной к проведению либеральных преобразований, в том числе в сфере земельных отношений в контексте решения аграрного вопроса, несмотря на то, что из-за диспропорционального представительства землевладельцев она получила название «помещичьей».

Однако именно увеличение представительства в III Думе центристского блока и правых партий сделало возможным совместную работу Государственной Думы и правительства. Учитывая при этом необходимость сочетания реакционных мер и проведения либеральных преобразований, основным проводником которых в III Думе оказался председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин, Дума третьего созыва в целом высказалась за проведение его аграрной реформы, направленной на трансформацию земельных отношений и формирование крепких крестьян – собственников земли, которые должны были стать, по мысли инициатора данных преобразований, надежной опорой самодержавия в России.

В целом вся законодательная деятельность III Государственной Думы была ориентирована на то, чтобы преодолеть те кризисные явления социально-политического и эко-

номического характера, которые накопились в России к концу XIX – началу XX в. и привели к революционным потрясениям.

Учитывая всю значимость регулирования земельных отношений в России, П. А. Столыпин, будучи основным инициатором разрешения аграрного вопроса, сконцентрировал свое внимание на его законодательной регламентации в контексте отказа от общинной земельной собственности в пользу частного землевладения. При этом предполагалось значительное расширение политической, экономической и гражданской свободы крестьянства. Обязательным условием проведения данных преобразований земельных отношений в России П. А. Столыпин считал состояние внутреннего и внешнего спокойствия страны.

Политической фигурой, олицетворявшей проведение либеральных преобразований, нацеленных на коренные изменения земельных отношений, безусловно, был председатель Совета министров П. А. Столыпин. Общим правовым лейтмотивом по преобразованию земельных отношений в России в рамках проводимых П. А. Столыпиным аграрных преобразований было последовательное упразднение общинной собственности на землю, а также постепенном расширении политических, экономических и гражданских прав и свобод крестьянства. Сам Пётр Аркадьевич говорил по этому поводу следующее: «...необходимо дать возможность способному трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться от тех оков, от тех условий теперешней жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды своих трудов и предоставить их в неотъемлемую собственность...» [7, С. 43]. Кроме того, П. А. Столыпин, особенно после неудачной для России Русско-японской войны 1904–1905 гг., высказывал следующую точку зрения: «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом...» [4, С. 58].

Соответственно, разработанная П. А. Столыпиным и либеральная по своей сути программа трансформации земельных отношений в России предусматривала несколько ключевых целей, достигнув которых, можно было существенным образом перестроить всю систему земельных отношений в дореволюционной России.

Во-первых, реформа была нацелена на уничтожение сословно-правовых ограничений, сдерживающих сельскохозяйственную инициативность крестьянства и порождающих их социальную и трудовую апатию.

Во-вторых, реформа предусматривала постепенное развитие института частной собственности крестьян на землю и формирование независимого отношения крестьянина к общине.

В-третьих, проведение аграрных преобразований должно было значительно повысить эффективность сельскохозяйственного труда крестьян, осознавших и почувствовавших себя собственниками своей земли в условиях свободного сельскохозяйственного рынка и конкурентной среды.

В-четвертых, одной из немаловажных целей аграрной реформы было освоение новых земель и заселение не освоенных в сельскохозяйственном плане территорий Сибири.

Наконец, в-пятых, проведение реформы было нацелено на развитие функционирования крестьянской сельскохозяйственной кооперации, перспективы деятельности которой в условиях роста влияния капиталистических отношений были очевидны для прогрессивной либеральной среды. Также необходимость развития сельскохозяйственной крестьянской кооперации понимал и П. А. Столыпин, осознавая, что община с ее «круговой порукой» и уравниванием в правовом положении ее членов не способствовала прогрессивному развитию земельных отношений в аграрном секторе экономики.

Несмотря на то что подготовленный при деятельном участии П. А. Столыпина Указ от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых положений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и земле-

пользования» в III Думе основной либеральной партией кадетов не был поддержан, его поддержал правооктябристский блок во главе с октябристами, которые являлись праволиберальной партией крупного капитала.

Получив силу закона после подписания его царем 14 июня 1910 года, именно указ от 9 ноября 1906 года и изданное 29 мая 1911 года Положение о землеустройстве оказали существенное влияние на трансформацию земельных отношений в России и, прежде всего, общинного крестьянского землепользования, являвшегося камнем преткновения на протяжении десятка лет. Соответственно, указ от 9 ноября 1906 года и Положение о землеустройстве от 29 мая 1911 года стали юридической основой проведенных П. А. Столыпиным преобразований и облекли его идеи в юридико-техническую форму, «представлявшую крестьянам право по их желанию закрепить свои участки общинной полевой земли в личную собственность» [6, С. 149].

Анализируя влияние либеральных преобразований земельных отношений в рамках столыпинской аграрной реформы, следует обратить внимание на тот факт, что из общины выходили, прежде всего, крайние по своему социальному положению крестьяне – зажиточные и бедняки, которые составляли большинство. Будучи не заинтересованным в разорении большинства крестьянства и росте вследствие этого социальной напряженности, правительство оказывало поддержку при переселении малоземельных крестьян. По статистическим данным, за 1907–1914 гг. из европейской части России за Урал переехали около 3,3 млн крестьян, две третьих из которых составляли малоземельные или безземельные крестьяне [8, С. 31].

Соответственно, активные миграционные процессы в крестьянской среде оказывали значительное влияние на земельные отношения в контексте перераспределения земельных наделов из Центральной России за Урал, а поддержка правительством малоземельных и безземельных крестьян способствовала выравниванию социальной структуры крестьян-

янства, что на определенный промежуток времени способствовало предотвращению эскалации революционных настроений среди крестьян. Кроме того, активная переселенческая политика способствовала хозяйственно-му освоению Сибири [2, С. 14].

Однако далеко не все крестьяне, переселившиеся в Сибирь, осели там надолго и тем более смогли обзавестись собственным хозяйством. Свыше полумиллиона переселенцев вернулись обратно, а многие из крестьян вынуждены были стать батраками на службе у зажиточных местных крестьян. Данные обстоятельства объяснялись совокупностью причин, среди которых можно выделить непривычные для переселенцев природные условия, предоставление в пользование непригодных для земледелия земель, бюрократические проволочки при перераспределении земли [8, С. 32].

Обозначенные результаты либеральных преобразований в земельных отношениях в результате проведения столыпинской аграрной реформы дали основание многим исследователям полагать, что она проводилась исключительно в интересах кулаков. Безусловно, интересы зажиточных крестьян были максимально учтены. Однако справедливости ради следует отметить тот факт, что сами зажиточные крестьяне не всегда изъявляли желание выходить из общины, поскольку им было более выгодно держать в зависимости своих же бедных крестьян-общинников. Не способствовали выходу из общины зажиточных крестьян и ограничения, которые устанавливало правительство при продаже земельных наделов – не более четырех душевых наделов на каждого, кто покупает землю. Данная норма варьировалась в пределах 10–18 десятин, что соответствовало среднему по размерам крестьянскому наделу [5, С. 18].

Результатом выхода из общины стало формирование около 400 тыс. крестьянских хозяйств хуторского типа, что соответствовало примерно 1/6 из всех вышедших из общины крестьян. Причем если рассматривать социальную структуру вышедших из общины крестьян, то, по приблизительным подсчетам,

зажиточных крестьянских хозяйств оказалось приблизительно 60 % [2, С. 16]. При этом еще одним последствием данной трансформации земельных отношений стало возникновение социальной ненависти к зажиточным крестьянам-хуторянам, что проявлялось в рукоприкладстве со стороны крестьян-общинников по отношению к хуторянам и порче их скота и посевов.

Полицией во время активизации формирования отрубов и хуторов фиксировались тысячи случаев поджога хуторских крестьянских хозяйств, что впоследствии в советской историографии будет названо «борьбой деревенского пролетариата против кулачества». Однако, думается, что зачастую причинами данных поступков были не высокие мотивы служения идеалам пролетарской революции, а банальные низменные человеческие качества, такие как зависть и месть. Тем не менее нельзя не отметить данный негативный фактор, как определенный итог, хотя и со знаком минус, проведенных либеральных преобразований земельных отношений, который в будущем во время революционных событий породил еще большую социальную агрессию, подкрепленную революционной пропагандой борьбы с кулачеством.

Соответственно, одним из главных, на наш взгляд, негативных итогов проведенных либеральных преобразований земельных отношений в России в рамках столыпинской аграрной реформы явилась социальная дифференциация крестьянства и возникновение на этой почве социального недовольства среди крестьянской бедноты, на чувствах социальной ущемленности которой леворадикальные политические силы смогли выстроить впоследствии активную пропаганду революционных идей в деревне [3, С. 14].

Безусловно, и сам главный идеолог проводимых преобразований земельных отношений в русле либеральной направленности П. А. Столыпин прекрасно осознавал тот факт, что формирование социальной опоры существующего самодержавия посредством укрепления слоя крестьян-собственников невозможно без цементирование правовой ба-

зы, формирующей правовую защиту интересов крестьян-собственников. Кроме того, проведение преобразований земельных отношений в рамках аграрной реформы П.А. Столыпина настоятельно требовали юридико-технической регламентации и в других сферах, таких как местное самоуправление, образование и проч. Провести в жизнь данные преобразования П. А. Столыпину не удалось, поскольку эти инициативы встретили резкое сопротивление со стороны правых сил, влияние которых было все еще сильно в Государственном Совете, Государственной Думе и при дворе.

Либеральная в своей сущности земская реформа П. А. Столыпина также потерпела неудачу. Основное ее содержание заключалось в отказе от принципа сословного представительства при формировании органов земского и уездного управления, при этом выборы в представительные земские собрания задумывались на основе имущественного курialesного ценза. По мысли либерального крыла представителей III Думы, первичной инстанцией земского волостного самоуправления должна была стать всесословная крестьянская волость. В проекте преобразования земства П. А. Столыпина данные чаяния либералов были учтены при условии того, что он сам делал упор на усиление зажиточных хозяев, которые выделялись из общины в волостном земстве.

Соответственно, проект земской реформы являлся логичным продолжением аграрной реформы. Однако при обсуждении проекта земской реформы П. А. Столыпина в III Думе, Государственном Совете и в ближайшем окружении царя он встретил резкое сопротивление со стороны правых реакционных сил и был признан «вредным». Правое реакционное дворянство в лице Совета объединенного дворянства отстаивало преимущество сословного принципа, полагая, что бессословное начало способствует формированию в России республиканской формы правления, и доказывая тот факт, что сословность является опорой монархии в России. При таком давлении со стороны правых продворянских сил

чаяния либералов и самого П. А. Столыпина, высказывавших мысли о возможности постепенного введения бессословного принципа организации земского самоуправления, потерпели поражение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, аграрные преобразования П. А. Столыпина, несмотря на его убежденность в незыблемости монархической формы правления, учитывали настроения либеральных политических сил в стране, а также сложную в социально-политическом и экономическом плане ситуацию в России, пережившей революционные события 1905–1907 гг. Выступая в целом за жесткие меры в отношении подавления революционной опасности внутри страны, П. А. Столыпин подчеркивал как одно из обязательных условий для проведения преобразований земельных отношений в России наличие спокойствия во внешнеполитическом состоянии. Только совокупность указанных факторов – внутреннего и внешнего спокойствия – могли способствовать планомерному и деятельному проведению аграрной реформы, нацеленной на трансформацию земельных отношений в России начала XX века.

В рамках работы Третьей Государственной Думы именно П. А. Столыпин явился проводником либеральных преобразований земельных отношений, лавируя между интересами реакционных кругов и прогрессивной буржуазии. Помимо аграрной реформы, нацеленной на слом привычной организации сельскохозяйственного труда крестьян в условиях функционирования крестьянской общины, стремления либеральных кругов нашли свое отражение и в других сферах, наиболее значимых для земельных отношений, в частности в организации местного самоуправления. Инициативы П. А. Столыпина по юридико-техническому закреплению преобразований в сфере местного самоуправления, образования и других областях не нашли своего воплощения, поскольку были критически встречены правыми силами. Соответственно, про-

ведение либеральных преобразований земельных отношений в России периода деятельности Третьей Государственной Думы оказалось незавершенным как в силу ряда объективных исторических причин, нарушивших мирный ход истории, так и под влиянием правых, реакционных сил в самой Думе, Государственном Совете и при дворе.

Библиография: References:

1. Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. – М.: Наука, 1968. – 520 с.
2. Акимова В.С. Аграрная реформа П. А. Столыпина как исторический опыт для реализации программы «Дальневосточный гектар» / В.С. Акимова, А.Н. Яковлев // Московский экономический журнал. – 2019. – № 2. – С. 14–17.
3. Ашурков С.Н. Реакция земств Центральной России на аграрную реформу П. А. Столыпина (по журналам работы уездных земских собраний) // Вестник научных конференций. – 2020. – № 2–3 (54). – С. 13–16.
4. Бок М.П. Воспоминания о моём отце – П. А. Столыпине. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. – С. 58.
5. Дюсюпова А.Д. Использование опыта правового регулирования аграрной политики России второй половины XIX – начала XX века в настоящее время: история, последствия, перспективы // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 4 (172). – С. 16–23.
6. Селютина Е.Н., Холодов В.А. Юридико-техническое сопровождение аграрной реформы П. А. Столыпина в законотворческой деятельности Третьей Государственной думы // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – Т. 9, № 3. – С. 145–152.
7. Столыпин П.А. Избранное. Речи. Записки. Письма. – М.: РОССПЭН, 2010. – 528 с.
8. Шаламов В.Ю. Аграрная реформа П. А. Столыпина в Западной Сибири (предпосылки, реализация и последствия) / В.Ю. Шаламов, Г.И. Малышенко // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2018. – № 5. – С. 30–34.
1. Avrekh A.Y. (1968) Stolypin i III Duma [Stolypin and the Third Duma]. – M.: Nauka. – 520 s. (In Russ.).
2. Akimova V.S. (2019) Agrarnaya reforma P.A. Stolypina kak istoricheskiy opyt dlya realizatsii programmy «Dal'nevostochnyy gektar» [Agrarian reform P.A. Stolypin as a historical experience for the implementation of the program «Far Eastern hectare»] / V.S. Akimova, A.N. Yakovlev // Moskovskiy ekonomicheskiy zhurnal. – №2. – S. 14–17. (In Russ.).
3. Ashurkov S.N. (2020) Reaktsiya zemst v tsentral'noy Rossii na agrarnuyu reformu P.A. Stolypina (po zhurnalam raboty yezdnykh zemskikh sobraniy) [The reaction of the zemstvos of central Russia to the agrarian reform P.A. Stolypin (according to the journals of the county zemstvo assemblies)] // Vestnik nauchnykh konferentsiy. – № 2-3 (54). – S.13–16. (In Russ.).
4. Bok M.P. (1953) Vospominaniya o moyom ottse – P.A. Stolypine [Memories of my father – P.A. Stolypin]. – N'yu-York: Izdatel'stvo im. Chekhova. – S.58. (In Russ.).
5. Dyusyupova A.D. (2019) Ispolzovaniye opyta pravovogo regulirovaniya agrarnoy politiki Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka v nastoyashcheye vremya: istoriya, posledstviya, perspektivy [Using the experience of legal regulation of the agrarian policy of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries at the present time: history, consequences, prospects] // Agrarnoyezemel'noyepravo. – №4(172). – S.16–23. (In Russ.).
6. Selyutina E.N., Kholodov V.A. (2020) Yuridiko-tekhnikeskoye soprovozhdeniye agrarnoy reformy P.A. Stolypina v zakonotvorcheskoy deyatel'nosti Tret'yey Gosudarstvennoy dumy [Legal and technical support of the agrarian reform P.A. Stolypin in the legislative activities of the Third State Duma] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.9. – №3. – S.145–152. (In Russ.).
7. Stolypin P.A. (2010) Izbrannoye. Rechi. Zapiski. Pis'ma [Favorites. Speeches. Notes. Letters]. – M.: ROSSPEN. – 528s.
8. Shalamov V.Y. (2018) Agrarnaya reforma P.A. Stolypina v ZapadnoySibiri (predposylki,

realizatsiya i posledstviya) [Agrarian reform P.A. Stolypin in Western Siberia (prerequisites, implementation and consequences)]/ V.Yu. Shalov, G.I. Malysenko // Elektronnyy nauchno-metodicheskiy zhurnal Omskogo GAU. – № 5. – S.30–34. (In Russ.).

РАЕВСКАЯ Валерия Андреевна, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: raevskaya030499@mail.ru

БОРИСОВ Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

RAEVSKAYA V.A., Oryol State University I.S. Turgenev, (Russian Federation, Orel), e-mail: raevskaya030499@mail.ru

BORISOV AL.S., candidate of Law, Associate Professor, Oryol State University I.S. Turgenev, (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПРАВОВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ

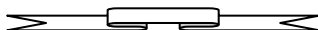
ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF GUIDELINES IN GOVERNMENT DEFINITIONS

Аннотация. Цель статьи – осветить основные периоды развития юридической техники, выделить характерные черты этого правового института и обозначить занимаемую в правотворческой деятельности роль. Проблематика работы заключается в недостаточной освещенности в современном обществе такой правовой категории, как юридическая техника. Методология работы состоит в анализе исторических и нормативных документов, синтезе рассматриваемого понятия, обобщении и систематизации полученных знаний с целью развития юридической техники и укрепления ее положения в правотворческой и правоприменительной деятельности. В научной статье освещены основные правила юридической техники и основные ее признаки, приведены точки зрения ученых различных стран и эпох, рассмотрены основные подходы к определению и содержанию рассматриваемого понятия. Результатом работы явились конкретные предложения по совершенствованию законодательства в выбранной области.

Ключевые слова: юридическая техника, правотворчество, нормативная база, дефиниции, документальный подход, деятельностный подход, статистический подход, динамический подход.

Abstract. The purpose of the work is to highlight the main periods in the development of legal technology, highlight the characteristic features of this legal institution and identify the role occupied in law-making activities. The problematic of the work is the lack of illumination in modern society of such a legal category as legal technology. The methodology of the work consists in the analysis of historical and normative documents, synthesis of the concept under consideration, generalization and systematization of the knowledge gained in order to develop legal technology and strengthen its position in law-making and law enforcement activities. The scientific article highlights the basic rules of legal technique and its main features, the points of view of scientists from different countries and eras are given, the main approaches to the definition and content of the concept under consideration are considered. The result of the work were concrete proposals for improving legislation in the chosen area.

Keywords: legal technique, law-making, regulatory framework, definitions, documentary approach, activity approach, statistical approach, dynamic approach.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы состоит в недостаточной исследованности и закреплённости института юридической техники в законодательстве Российской Федерации. В последнее время всё большее число учёных, как зарубежных, так и российских, заинтересовались проблемами рассматриваемой правовой категории, поскольку она оказывает существенное влияние на правотворческий процесс и является неотъемлемой его частью. Целью исследования является комплексное и всестороннее изучение юридической техники, этапов и исторических периодов ее становления и развития, путей совершенствования и эффективного применения. Для наилучшего выполнения поставленной цели требуется решить следующий ряд задач: 1) дать характеристику данному правовому явлению; 2) проследить путь развития юридической техники, начиная со времен до нашей эры и заканчивая современностью; 3) выявить основные правила применения для рассматриваемого правового института; 4) провести анализ стилистических и языковых особенностей юридической техники и др. В работе были применены как общенаучные, так и частнонаучные методы исследования, а именно анализ, синтез, исторический метод, метод правового сравнения и др.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ

С древних времен люди начали осознавать важность принятия и использования законодательных актов в своей жизни. Однако уже с периода VI – III тысячелетий до нашей эры в Месопотамии появился первый сопроводительный документ для создания, обобщения и структурирования юридических актов. Появление такого документа позволяет нам осознать, что с зарождением первых законов остро стала ощущаться необходимость грамотного их составления. Например,

возвращаясь к Месопотамии, можно увидеть, что уже на рубеже III тысячелетия до нашей эры нормативные акты этого государства были оснащены определенной юридической терминологией, имели в своем содержании введение и заключение [3, С. 225].

Следующим законодательным актом с использованием приемов юридической техники можно назвать законы Хаммурапи. Достижением здесь можно назвать своеобразное опубликование этих законов, поскольку они были нанесены на каменные плиты и вынесены для всеобщего ознакомления с ними населения.

Свое развитие юридическая техника получила и в период античности. Известные философы того времени, такие как Аристотель и Платон, признавали значение и верховенство законов в правовой жизни государства. Именно Платоном было заявлено о системном подходе к формированию законодательной базы. Это означало, что у каждой правовой нормы должно быть свое конкретное место в нормативно-правовом акте, отличное от занимаемых другими нормами мест, отличное по своей сути и цели использования.

Еще одним достижением мысли Платона стало как раз осмысление целеполагания: каждая норма, каждый законодательный акт должен иметь свою конечную цель; исполнитель же должен понимать, для чего создается то или иное правовое положение, чтобы достичь именно поставленной цели.

Назовем еще несколько ключевых и значимых положений, изложенных Платоном. Например, не только верховенство и безусловный авторитет права, но и признание его всеобщности. Также Платон выдвинул идею о лаконичности норм – об их кратком, но максимально точном и доступном изложении. И последним хотелось бы назвать выделение философом двух частей закона – преамбула и собственно основная часть законодательного акта [2, С. 100].

Особого упоминания заслуживает период становления римского права. В это время стремительными темпами развивалась юри-

дическая терминология, постепенное оформление и закрепление находил латинский язык, ставший официальным языком юриспруденции.

На этом этапе мы видим создание таких выдающихся исторических и юридических документов, как Законы XII таблиц и Кодекс императорских конституций, которые продемонстрировали в своей основе применение новейшей юридической техники и терминологии, включая систематизацию (упомянутый Кодекс насчитывал шестнадцать книг).

Исходя из вышесказанного, мы видим, что период формирования римского права является очень значимым для становления юридической техники. Начинают оформляться различные дефиниции, правовые презумпции, юридические конструкции и др. Далее в рассматриваемый период шло совершенствование и оформление юридической техники непосредственно на практике в правотворческом процессе. Однако, несмотря на все достижения в данной области, законодательного определения рассматриваемой правовой институт не получил и в отдельную сферу деятельности выделен не был.

Коснувшись зарубежного формирования юридической техники, перейдем к ее становлению в российской государственности и увидим значительные отличия. В Древней Руси заимствованию подлежали в основном нормы европейского права, касающиеся семейных и религиозных отношений. Что же касается непосредственного использования юридической техники, то на первых этапах создания законодательных актов в Древнерусском государстве каких-либо правил их составления не наблюдалось.

Приведем в пример Русскую правду. Стоит отметить, что в этом законодательном акте отсутствовали нормы-преамбулы, нормы-дефиниции. Отсутствовала логическая структура документа. Также не были еще сформированы специальный юридический язык и терминология, в связи с чем документ составлен преимущественно бытовым языком [10].

Первые достижения российской юридической техники отмечаются в Судебниках 1497 и 1550 годов. Именно в этих нормативных актах появляются структура и попытки систематизации норм по определенным критериям. Также наблюдается формирование законодательной терминологии (например, появляется термин «кистец»). Однако систематизация на данном этапе была достаточно условной, поскольку отсутствовало понимание предмета и методов законодательного регулирования, что допускало, например, смешение норм из различных отраслей права, которые в современных правовых актах, естественно, строго разграничены законодателем.

На основе сказанного можем сформулировать вывод о том, что на рубеже XV – XVI веков юридическая техника в Российском государстве только зарождалась, но активно не применялась и тем более не существовала как самостоятельное направление деятельности.

Однако на таком первоначальном этапе уже выработались некоторые правила:

- 1) соблюдение определенной логической структуры;
- 2) обязательное письменное оформление законодательного акта;
- 3) формирование простейших дефиниций.

Значительный прогресс относительно рассмотренных актов можно отметить в Соборном уложении 1649 года. Данный документ отличался уже большей структурностью, наличием глав, однако в нормах полностью отсутствовала нужная иерархия.

Кроме того, стоит отметить, что в российских ключевых нормативных актах, помимо отсутствия деления на отрасли, также заметно явное преобладание положений уголовного права над нормами всех других отраслей. Такое преимущественное положение одной отрасли говорит нам о продолжающемся отсутствии законодательного разграничения норм по предмету и методу.

Следующим значительным периодом в развитии русской юридической техники мож-

но назвать период Нового времени и Просвещения под руководством двух известных императоров Российской империи – Петра Великого, а после эпохи дворцовых переворотов – Екатерины II.

Если до Петра I обязательная письменная форма существовала только для законов, то им была введена формальная определенность и для актов различных государственных органов.

Первым российским императором была выдвинута и оформлена идея об экономическом обосновании издаваемых нормативных актов. Сделано это было с целью того, чтобы избежать лишних трат и разорения государственной казны нерадивыми исполнителями. С этого времени каждый проект закона имел приложение в виде своего финансово-экономического обоснования.

В Генеральном регламенте, составлением которого занимался сам император, прослеживалась четкая структура как в его оглавлении, так и в самом содержании. Отметим стоит то, что в этом документе содержался призыв к проставлению дат составления законодательных актов, а также к использованию специального канцелярского стиля речи.

Что касается Екатерины Великой, то она отмечала и призывала писать законы простым и понятным языком, в то же время сохраняя краткую и при этом точную мысль, которая бы не вводила бы в заблуждение адресатов законодательного акта.

Повествуя о законодательной технике, нельзя не упомянуть такого видного государственного деятеля и реформатора Российской империи, как Михаил Михайлович Сперанский. Заслуга его состояла в систематизации всех законов государства. В итоге этого масштабного труда были [7]:

1) устранены законодательные акты, содержащие противоречия по одним и тем же вопросам;

2) из двух одинаковых по смысловой нагрузке законодательных актов оставлены те, в которых излагаемая мысль была выра-

жена наиболее конкретно, ясно, но в то же время полно;

3) отредактированы законы, которые содержали чрезмерный объем и из-за этого теряли свой реальный смысл.

Также Михаилом Михайловичем было предложено разделение законов на государственные (действующие на всей территории страны) и на местные (действующие в пределах конкретного населенного пункта), что, как мы понимаем, предшествовало современному делению нормативно-правовых актов на федеральные, региональные и местные. Акты, принятые на местах, в систематизации Сперанского не учитывались.

Таким образом, мы видим, что XVIII столетие дало обширный толчок в развитии юридической техники, где появляются и оформляются особенности стилистики изложения, языковые требования, структурные конструкции.

Зарубежный процесс совершенствования юридической техники тоже не стоял на месте. Например, Ф. Бэкон в своем трактате изложил принципы, которым должен соответствовать юридический язык, а именно краткость и отсутствие возможности двойного толкования каких-либо правовых норм.

Французским философом Ш. Монтескье был создан труд «О духе законов», в котором к критериям качественного составления законодательных актов были отнесены:

- простота составления;
- определенность, то есть четкое понимание, для достижения какой цели создается нормативно-правовой акт и для кого он предназначен;
- сжатость излагаемого материала.

В свою очередь, английский юрист И. Бентам занялся выделением недостатков, влияющих на составление и последующее применение законодательных актов. К негативным компонентам он отнес двусмысленную терминологию, излишнюю усложненность используемых выражений, многословность и другие.

Исходя из вышеизложенного, мы видим, что государственные и общественные дея-

тели разных стран приходили к схожим выводам относительно грамотного и планомерного составления юридических актов. XVII век дал миру юридической техники лингвистический и логический подходы к формированию законодательной базы.

В XIX веке немецким ученым Р. Иерингом была создана выдающаяся для своего времени работа «Дух римского права на различных ступенях его развития», в которой был выделен отдельный раздел для юридической техники. В этом разделе содержались [5]:

- первое определение юридической техники;
- приемы для составления законодательных актов;
- анализ всех имеющихся правил, применяемых к законодательной деятельности;
- определение места юридической техники в системе права и др.

Если рассматривать развитие юридической техники периода конца XIX – начала XX века, то можно заметить, что ученые Российской империи в основном занимались вопросами непосредственно самой юриспруденции, не выделяя отдельно интересующий нас правовой институт, но планомерно занимаясь отдельными значимыми для него элементами. Стоит отметить, что с развитием общества, языковых и юридических конструкций, властных предписаний нормативно-правовых актов стало неизбежным и развитие юридической техники.

Наблюдаются значительные изменения в технике изложения законодательных норм, совершенствуется терминология, набирает обороты строгость формулировок и их избирательность. Именно в этот период появляются первые правовые аксиомы и символы, которые используются и в современном мире, просто несколько трансформировавшись.

Однако стоит упомянуть и о правотворческих ошибках в данной сфере, возникающих в связи с недостаточной изученностью юридической техники и не всегда достаточной внимательностью законодателя. Такие погрешности касались как языковых и струк-

турных правил, так и самого содержания акта. Например, недостаточно могла быть продумана последовательность изложения норм, вследствие чего возникал пробел в законодательстве, или же осуществлялась недостаточная проверка существующих нормативно-правовых актов, результатом чего становилось дублирование некоторых правовых предписаний.

Иногда в издаваемых законах возникало смешение языковых стилей. Происходило это из-за того, что иногда органы законодательной власти обращались к формулировкам нормативной базы прошлых лет или столетий. В свою очередь, это часто приводило к путанице и к использованию уже отживших, устаревших терминов и словосочетаний.

Знаковым событием в жизни Российской империи стало создание Государственной Думы, действовавшей с 1906 по 1917 гг. В связи с созданием этого представительного органа появились и новые этапы правотворческого процесса, изменениям подверглась и сама процедура принятия нормативных правовых актов.

Для нас имеет особое значение созданная в Государственной Думе редакционная комиссия. Поскольку преимущественное большинство депутатов не было знакомо с техникой создания юридических актов, с многообразностью и сложностью терминологии, с грамотным структурированием и логическим изложением текста норм, то впервые в Российском государстве появились «Правила изложения законопроектов», ставшие опорой чиновников и своеобразным прорывом юридической техники того времени.

Изменились и подача, и стиль изложения норм права. В предшествующие эпохи юридические акты характеризовались достаточно властной, императивной подачей главы государства. В последние же столетия стилистика изложения в законах и подзаконных актах становится более обезличенной, акцент ставится на само правовое предписание, а не на лицо, его установившее.

Многие российские учёные XIX и XX сто-

летий занимались вопросами изучения юридической техники. Однако до настоящего времени полностью теория юридической техники так и не выработана. Споры ученых разгораются как об определении данной правовой категории, так и о применяемых к ней подходах. Остро стоят вопросы о применении разных технических терминов, о нормах составления отраслевых и межотраслевых нормативно-правовых актов, об усовершенствовании порядка разграничения общих и специальных норм и соответствующих кодифицированных законов.

По мнению российской ученой Т. В. Кашаниной, обязательному различию подлежат понятия «юридическая техника» и «правотворчество». Юридическая техника в данном случае способствует процессу правотворчества, сопровождает его, играя свою важную роль, но ни в коем случае не замещая его. Именно в этом состоит важность законодательного определения рассматриваемого термина, поскольку отсутствие надлежащей терминологии в совокупности с дискусионностью вопроса на данном этапе являются методологической проблемой как в теории, так и на практике. Бесспорным является лишь то, что эффективный, постоянный и положительный результат в составлении и последующей реализации законодательных актов возможен только при надлежаще сконструированных и оформленных юридических формулировках, объективно точных и ясных. Также правильное применение юридической техники невозможно без логики и связности повествования, без уместного и целенаправленного использования юридических конструкций. Только при надлежащем соблюдении приемов и средств юридической техники возможно полноценное и эффективное правотворчество [6].

Таким образом, мы видим неразрывную связь между юридической техникой и правотворчеством, но не признаем их единым целым, отдавая главенствующую роль процессу создания законов и сопутствующую – процессу правильного их формулирования и

составления. По нашему мнению, юридическая техника должна составить один из важнейших принципов правотворчества.

Особое внимание, как нам кажется, стоит уделить языку нормативных актов при их составлении. Специфичность его состоит в том, что используется он для формирования официальных документов и ясности выражения воли государственных и местных органов, отвечающих за принятие законов и подзаконных актов. Выделим некоторые характерные черты для языка юридической техники:

1.Безличность, а именно выражение государственной воли и отсутствие представления у адресатов законодательного акта о конкретных лицах, составивших закон. Аналогично отсутствие указания на конкретных лиц, к которым будут применяться издаваемые нормы (разумеется, за исключением норм, касающихся определенных социальных групп. Для конкретизации адресата использованию подлежат индивидуальные акты).

2.Нейтральность – юридический язык не должен давать эмоциональную окраску. Из этой черты плавно вытекает следующая.

3.Строгость – использование языка юридической техники должно происходить в определенных рамках: только так возможно сформировать серьезное отношение людей к изложенному.

4.Точность – законодатель должен понимать, для чего он создает и формирует конкретную норму, какой цели желает достигнуть.

5.Лаконичность – для того чтобы гражданам были понятны нормы закона, они должны быть сформулированы не только точно, но и кратко, без потери мысли и основной сути излагаемого.

6.Простота – несмотря на использование юридической терминологии, законы должны быть понятны не только для юристов, но и для обычных граждан.

7.Официальность – прежде всего, язык законодательных актов публичный, соответственно, при их составлении он должен со-

хранять в себе рамки официально-делового стиля речи, не переходящего ни в какие другие.

На сегодняшний день в некоторых странах уже существуют рекомендации по составлению нормативно-правовых актов, по надлежащему использованию в них терминологии и правильному структурированию (например, «Справочник по нормотворческой технике» Германии).

На наш взгляд, в России надлежит также издать документ, регулирующий процесс создания законов, в котором будут содержаться [6]:

- понятийный аппарат, состоящий из обозначения и определения основных юридических терминов, постоянно пополняющийся;
- процедура составления законов (рекомендации по надлежащему смысловому и внешнему оформлению актов);
- правила оформления реквизитов законодательного акта;
- требования к языку юридической техники с обоснованием их значимости, с конкретными рекомендациями по использованию языковых законодательных конструкций;
- правила структурного содержания – определение структурных элементов, которые должны содержаться в каждом законе, и исключений для определенных НПА;
- правила логического характера, отвечающие за последовательность донесения мысли, отсутствие повторов и двусмысленности;
- правила содержательного характера, отвечающие за цель и смысловую нагрузку создаваемого закона.

Также считаем возможной разбивку данного блока на отдельные структурные части, в которых, соответственно, будут находиться правила о содержании каждой части нормативно-правового акта. Не менее интересным и реальным может стать блок о соотношении материальных и процессуальных норм права в едином правовом поле документа.

Следование и соблюдение требованиям такого акта станет важным аспектом для развития правотворчества в России, усилит

значимость законодательства для простых граждан, а при усилении значимости произойдет и повышение уровня ответственности за надлежащее исполнение установленных правил и норм, что положительно скажется на отношениях государственного аппарата и населения, направленных на развитие уровня жизни и совместную работу в этом направлении.

Существуют два подхода к содержанию юридической техники: узкий (документальный) и широкий (деятельностный). Расскажем более подробно о каждом из них.

Приверженцами узкого подхода являются российские ученые С. С. Алексеев и А. Ф. Черданцев. Суть его заключается в рассмотрении юридической техники исключительно как технического средства для оформления законодательных актов, а именно состоящей из различных правил построения, систематизации, методов оформления и др.

Существенным минусом такого подхода является невозможность учета законодательной воли, а также эффективной реализации нормативно-правового акта. Ведь правовая действительность может складываться таким образом, что по всем техническим параметрам идеальный закон не достигает своей цели, а в некоторых случаях даже оказывает своим воздействием негативный эффект.

Исходя из указанного минуса, можно особо отметить мнение российского ученого Льва Леонидовича Кругликова, который считал, что «юридическая техника имеет отношение не только к правотворчеству, но и к правоприменительной деятельности» [8].

Указанная цитата, как нам кажется, наиболее точно характеризует широкий подход к содержанию юридической техники. Главной характеристикой этого подхода является то, что он рассматривает юридическую технику как один из элементов механизма правового регулирования, то есть дает свободу принятия юридических решений и позволяет рассматривать законотворческий процесс в совокупности всех входящих в

него явлений с целью выявления определенных закономерностей развития.

Обозначив характеристику подходов к содержанию юридической техники, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Для документального подхода характерна подготовка законодательных актов, упор на внешнюю сторону вопроса и систематизацию.

2. Для деятельностного подхода значимым является видение не только всех этапов правообразования, но и последующего правоприменения, а также оценка эффективности и корректировка последующих нормативных актов исходя из полученного практического опыта.

3. Несмотря на большую популярность и обоснованность широкого подхода, у него тоже наблюдаются свои минусы. Представителями его также не были выработаны единые терминологические основы, в сформулированных же понятиях отсутствует значимая конкретика, ученые делают упор на разные аспекты юридической техники.

Существует еще одна классификация подходов к рассматриваемому явлению, сформулированная Борисом Викторовичем Чигидиновым. Ученый выделил динамический и статистический подходы к определению юридической техники.

К статистическому подходу относятся определения ученых, касающиеся перечисления элементов, этапов и правил изучаемого правового явления.

Динамический подход, помимо того, что относится к статистическому, также включает в себя деятельность по разработке норм права. Этот подход считается наиболее полноценным, так как рассматривает все грани и многообразие исследуемого юридического понятия.

Как было указано выше, в федеральном законодательстве отсутствует закрепленное понятие юридической техники. Однако рассматриваемый термин нашел свои трактовки не только в научной литературе, но и, как ни удивительно, в региональном законодатель-

стве. Например, определение юридической техники дано в Законе Орловской области от 15 апреля 2003 года № 319-ОЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области» и гласит, что юридическая техника – это средства и приемы, при помощи которых обеспечиваются юридическое содержание правового акта и его словесно-документальное изложение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что необходимым является выработка единого подхода к пониманию термина «юридическая техника» и его законодательного закрепления на федеральном уровне.

Выделим основные тенденции применения юридической техники в России:

- концентрация на планомерном и четком выражении законодательной воли;
- логичность, структурированность и последовательность в изложении норм, закрепляемых в законодательных актах;
- устранение правовых пробелов и коллизий, двойственности в нормативно-правовых актах;
- точность и краткость изложения правовых норм с целью упрощения юридических конструкций, но сохранения полного их содержания;
- детальный подбор языковых элементов, делающих нормативные акты ясными и понятными для большинства граждан;
- сокращение количества законодательных актов по сходным и однородным правовым вопросам с целью облегчения восприятия и приведения к более стройному и лаконичному виду нормативной базы;
- безукоризненное соблюдение порядка обнародования и последующего вступления в законную силу законов и подзаконных актов.

На настоящий момент российская юридическая техника имеет существенные проблемы, как правило, являющиеся следствием слабо развитой правовой культуры граждан, а также недостаточно ответственным и

принципиальным отношением к данному вопросу как населения, так и самих законодательных органов.

Исходя из анализа существующей правовой действительности, считаем необходимым, прежде всего, создание правового акта, устанавливающего законодательные основы юридической техники, а именно прописанное определение и конкретизированные основные разделы, что поможет дальнейшему развитию и совершенствованию не только рассматриваемого правового явления, но и всего законодательства в целом. Также значимым является предложение о проведении комплексной экспертизы каждого принимаемого нормативно-правового акта. Сложность такой экспертизы будет состоять в том, чтобы ее осуществление происходило в разумные сроки и не затягивало законотворческий процесс. Однако налаженный процесс проверки поможет обнаруживать оточенные и полноценные по своему содержанию законы и подзаконные акты, что сократит многочисленное внесение поправок, сводя их к необходимому в связи с развитием общества минимуму. И последней рекомендацией может являться введение в образовательные программы юридических вузов и курсов повышения квалификации учебной дисциплины «Юридическая техника», что поможет студентам ознакомиться с базовыми принципами данного правового института, а специалистам в области юриспруденции повысить свои навыки или пройти соответствующее обучение при вступлении в комиссию, которая будет осуществлять проверку принимаемых нормативных актов.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс формирования юридической техники берет свое начало с древних времен, постепенно развиваясь и набирая обороты. В настоящее время этот правовой институт достиг больших результатов, но в нем по-прежнему наблюдаются ощутимые проблемы, которые требуют современного и своевременного разрешения, чтобы повысить уровень законодательной грамотности и улучшить существующую правовую действительность.

тельность.

Библиография/ References:

1. Асмус В. Платон. – М.: Мысль, 1969. – 247 с.
2. Алексикова О.Е., Агабабов А.Р., Балашова Н.П., Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Селютин Е.Н., Сидорова Г.М., Фомина М.Г., Хватов Д.А., Шуляковская Ю.М., Щеголева Н.А. Запад и Восток: современные тенденции развития отношений в контексте международных конфликтов и миграционных процессов. – Орёл, 2019.
3. Бауэр С. История Древнего мира. Т. 1. – М.: АСТ, 2019. – 480 с.
4. О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области: Закон Орловской области от 15 апреля 2003 года № 319-ОЗ [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/974205175> (дата обращения: 01.11.2021 г.).
5. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Т. 1. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1875. – 321 с.
6. Кашанина Т.В. Юридическая техника. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
7. Кодан С.В. Сперанский и систематизация законодательства в России // Советское государство и право. – 1989. – № 6.
8. Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сборник научных статей // под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 1996.
9. Меркулова А.П. К вопросу о понятии и содержании государственной политики РФ в отношении соотечественников за рубежом // Юридический мир. – 2011. – № 4. – С. 44–48.
10. Овчинникова О.В., Шаганян А.М. К вопросу об истории становления юридической техники // Философия права. – 2020. – № 1 (92).
11. Ульянова И.В., Червинская А.П., Щеголева Н.А. Конституционно-правовые основы деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в современной

России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11. – № 6. – С. 276–282.

12. Червинская А.П. К вопросу о соотношении понятий «парламентаризм» и «народное представительство» // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 6. – С. 50–56.

13. Червинская А.П. Конституционно-правовые особенности статуса переселенцев в свете политической ситуации на Украине // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 4 (34). – С. 72–78.

14. Червинская А.П., Борисенков А.Н., Овчинников Р.С. Проблема конфликта интересов в системе гражданской службы Российской Федерации // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 4 (23). – С. 33–37.

15. Червинская А.П., Щеголева Н.А. Право граждан на осуществление общественного контроля в России: конституционно-правовое регулирование // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 237–244.

1. Asmus V. Platon [Platon]. – М.: «Mysl'», 1969. – 247s. (In Russ.).

2. Aleksikova O.Ye., Agababov A.R., Balashova N.P., Matveyeva Ye.S., Merkulov A.V., Selyutina Ye.N., Sidorova G.M., Fomina M.G., Khvatov D.A., Shulyakovskaya Y.M., Shchegoleva N.A. Zapad i Vostok: sovremennyye tendentsii razvitiya otnosheniy v kontekste mezhdunarodnykh konfliktov i migratsionnykh protsessov [West and East: current trends in the development of relations in the context of international conflicts and migration processes]. – Orol, 2019. (In Russ.).

3. Bauer S. Istoriya Drevnego mira [History of the Ancient World]. T.1. – М.: AST, 2019. – 480с. (In Russ.).

4. О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области [On Lawmaking and Normative Legal Acts of the Oryol Region]: zakon Orlovskoy oblasti ot 15 aprelya 2003 goda №319-OZ [Electronic resource] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/974205175>

(data obrashcheniya 1.11.2021g.). (In Russ.).

5. Iyering R. Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh yego razvitiya [The spirit of Roman law at various stages of its development]. T.1. – SPb.: Tip. V. Bezobrazova i K°, 1875. – 321s. (In Russ.).

6. Kashanina T.V. Yuridicheskaya tekhnika [Legal technology]. – М.: INFRA-M, 2011. – 496s. (In Russ.).

7. Kodan S.V. Speranskiy i sistematizatsiya zakonodatel'stva v Rossii [Speransky and systematization of legislation in Russia] // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1989. – №6. (In Russ.).

8. Kruglikov L.L. O sredstvakh zakonodatel'noy tekhniki v ugovnom prave [On the means of legislative technique in criminal law] // Problemy yuridicheskoy tekhniki v ugovnom i ugovno-protseessual'nom zakonodatel'stve: sbornik nauchnykh statey. – Yaroslavl', 1996. (In Russ.).

9. Merkulova A.P. K voprosu o ponyatii i sodержanii gosudarstvennoy politiki RF v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom [To the question of the concept and content of the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad] // Yuridicheskiy mir. – 2011. – №4. – S.44–48. (In Russ.).

10. Ovchinnikova O.V., Shaganyan A.M. K voprosu ob istorii stanovleniya yuridicheskoy tekhniki [To the question of the history of the formation of legal technology] // Filosofiya prava. – 2020. – №1(92). (In Russ.).

11. Ul'yanova I.V., Chervinskaya A.P., Shchegoleva N.A. Konstitutsionno-pravovyye osnovy deyatel'nosti sotsial'no-oriyentirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v sovremennoy Rossii [Constitutional and legal foundations for the activities of socially oriented non-profit organizations in modern Russia] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2016. – Т.11. – №6. – S.276–282. (In Russ.).

12. Chervinskaya A.P. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «parlamentarizm» i «narodnoye predstavitel'stvo» [On the question of the relationship between the concepts of «parliamentarism» and «representation of the people»]

// Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2019. – №6. – S.50-56. (In Russ.).

13. Chervinskaya A.P. Konstitutsionno-pravovyye osobennosti statusa pereselentsev v svete politicheskoy situatsii na Ukraine [Constitutional and legal features of the status of migrants in the light of the political situation in Ukraine] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2014. – №4(34). – S.72–78. (In Russ.).

14. Chervinskaya A.P., Borisenkov A.N., Ovchinnikov R.S. Problema konflikta interesov v sisteme grazhdanskoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii [The problem of conflict of interest in the civil service of the Russian Federation] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2016. – №4(23). – S.33–37. (In Russ.).

15. Chervinskaya A.P., Shchegoleva N.A. Pravo grazhdan na osushchestvleniye obshchestvennogo kontrolya v Rossii: konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye [The right of citizens to exercise public control in Russia: constitutional and legal regulation] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2017. – T.12. – №1. – S.237–244. (In Russ.).

КОЗЛОВ Владимир Петрович, д-р.истор.наук., член-корреспондент РАН, профессор, учебно-научный центр «Новая Россия. История постсоветской России» исторического факультета, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: petrovich1949.kozlov@yandex.ru

KOZLOV V.P., Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Educational and Scientific Center «New Russia. History of Post-Soviet Russia», Department of History, Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: petrovich1949.kozlov@yandex.ru

«ПРАВДА ИСТОРИИ» И ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

«THE TRUTH OF HISTORY» AND DOCUMENTARY MEMORY

Аннотация. В статье рассматривается рамочное понятие исторической памяти и предлагается новая типология форм исторической памяти (обыденная, конструктивистская, научно-познавательная). Кроме того, отдельно вводится понятие документальной памяти – результата трансформации документа как регулятора человеческой жизнедеятельности в носитель памяти об этой жизнедеятельности – документальный исторический источник.

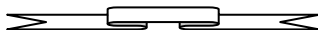
Автором анализируются разные свойства документальной исторической памяти (непрерывность, неактивированность, неприкосновенность и др.), а также её функции, важные для познания прошлого.

Ключевые слова: история, историческая память, конструктивистский тип исторической памяти, документ, документальная историческая память.

Abstract. The purpose of the article is to consider and correlate the concepts of "the truth of history" and documentary memory. The author examines the framework concept of historical memory and proposes a new typology of forms of historical memory (ordinary, constructivist, scientific and cognitive). In addition, the concept of documentary memory is introduced separately – the result of the transformation of a document as a regulator of vital activity.

As a result of the research, the author analyzes various properties of documentary historical memory (continuity, inactivation, inviolability, etc.), as well as its functions which are important for cognition of the past.

Keywords: history, historical memory, constructivist type of historical memory, document, documentary historical memory.

ВВЕДЕНИЕ

Нередко употребляющиеся в публичном дискурсе понятия типа «правда истории» или «фальсификация истории» представляются недостаточно обоснованными. Строго говоря, «фальсификацией истории» можно признать лишь сознательно придуманные, никогда не

имевшие места в прошлом факты, «домысливаемые» ради достижения каких-то целей, а также вымышленные и обнародованные документы, выдаваемые за подлинные и достоверные, содержащие «свидетельства» о якобы имевших место в прошлом фактах, событиях и явлениях. Разоблачение таких «фальсификаций» – дело кропотливое, но вполне реальное.

То же самое можно сказать и о понятии «правда истории». С точки зрения исторической науки оно не выдерживает критики. Мы всегда имеем дело с совокупностью реальных фактов, отразивших событие, явление, процесс и получающих в исторических исследованиях нередко различные, а порой и прямо противоположные трактовки. Для доказательства той или иной трактовки события, явления, процесса используется набор сколь угодно различных аргументов, предлагаемых для публичного обсуждения. При этом для научного сообщества важна аргументированность той или иной трактовки события, явления, процесса, и всегда вызывает раздражение и отторжение политизированная подоснова предлагаемых аргументов. Поэтому более корректным было бы говорить о «примитивной», «игнорирующей реальные факты прошлого», «основанной на сиюминутных интересах правящей элиты некоторых государств» не столько фальсификации, сколько политизации истории. Тем самым можно было бы продемонстрировать уважение к мировой исторической науке, желание вырвать прошлое из рук сиюминутных политических интересов и канализировать его изучение и обсуждение в среде профессиональных историков.

Одним из способов уйти от споров о «правде истории» и «фальсификации истории» стало введённое в научный оборот понятие «историческая память» [8, с. 20]. Следует рассматривать его как своего рода метафору. Существует память физическая, когда мы, например, видим вспышку сверхновой звезды, канувшей в небытие иногда миллионы лет назад. Существует также память физиологическая, сохраняющаяся нашим мозгом, а может быть, и сердцем, память генетическая о каждом из нас как неповторимом божественном или природном создании. По аналогии мыслится и память историческая, формируемая у человека и общества различными способами.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

Трактовки понятия «историческая память»

существенно различаются. В литературе часто в качестве синонимов можно встретить употребление терминов «культурная память», «социальная память», «историческая память», «документальная память». Эта путаница сама по себе является проблемой, тем более что некоторые термины попросту бесполезны и даже вредны для архивоведения, археографии и документального источниковедения, размытая предметы и объекты этих дисциплин, лишая их особого предназначения и эвристических возможностей.

Наиболее широкое из всех этих понятий – «социальная память» – включает в себя и историческую память, и документальную память, и память поведенческую (не забыть выключить телевизор). Что такое культурная память зачастую понять сложно, хотя можно вслед за А. Ассман допустить, что под этим понятием скрывается всё многообразие символов, сохранившихся до наших дней на материальных носителях [2, с. 32]. Наиболее предметно, на наш взгляд, понятие исторической памяти, однако и оно, как уже было сказано, в своей современной трактовке похоже на двуликого Януса. В узком смысле под исторической памятью понимают не что иное, как знание о прошлом, получаемое с помощью общепринятых исследовательских методов, то есть доказательное знание о прошлом, которое невозможно опровергнуть. Однако, с другой стороны, когда мы говорим о коллективной исторической памяти (то есть рассматриваем её с позиций социологии), то включаем в неё наравне с профессиональным знанием и обыденные представления людей о прошлом, которые могут быть выявлены путём опросов общественного мнения или через такие проекты, как, например, прозвучавший в своё время конкурс «Имя России» (2008г.). Проект этот был весьма интересным, демонстрирующим важность коллективной исторической памяти как одной из «скреп» современной российской государственности. Перспектива целенаправленного конструирования исторической памяти – «исторической политики» – выглядит с этой точки зрения весьма соблазнительной. Она может осуществляться как через разные институты, так

и с помощью законодательства. При этом следует иметь в виду, что историческая память стала всё чаще подменять собой историческое знание, которое сегодня в лучшем случае трактуется лишь как одна из разновидностей исторической памяти. И одновременно историческая память начала трактоваться в оценочном ключе – как память «героическая» или «трагическая» [7].

Историческая память – естественное социальное свойство человека, общества, государства. Она изменчива во времени, отражая изменчивость жизни как процесса далеко не всегда поступательного, нодвигающегося в бесконечную неопределенность будущего. Эта изменчивость исторической памяти рождает известный скепсис относительно её соответствия действительному произошедшему прошлому, несмотря на то что человек, общество, государство в любые времена связаны с этим прошлым тысячами видимых и невидимых нитей, подчас осознанно и неосознанно подчиняясь созданным в прошлом обстоятельствам, оставаясь в их власти или стремясь к их улучшению, поправлению, модернизации, а то и к разрушению. Но независимо от любого понимания прошлого заметим, что тяга к его познанию есть свойство человеческого ума и души – неизменное как, например, правила арифметики. Иначе говоря, историческая память всегда выступает как часть общественного сознания и представляет собой многослойный конгломерат представлений о прошлом, существующих у человека, сообществ людей и их государственных объединений. В зависимости от способов и источников формирования исторической памяти можно говорить о нескольких её формах.

ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Первый тип исторической памяти – обыденный. Это представления о прошлом человека, принадлежащего к определённой социальной группе, части общества. Для обыденного типа памяти характерна избирательность – она акцентируется не на исторических явлениях и процессах, а на именах и событиях, поче-

му-либо особенно запомнившимся её носителям, особенно важных для них. Во-вторых, этому типу памяти свойственно соперничательное отношение к предкам, чувство идентичности, связь с прошлым своего поселения, города, региона, страны. В-третьих, обыденный тип памяти о прошлом, как правило, носит воспоминательный характер, а значит, хронологически ограничен периодом жизни двух-трех поколений. В-четвертых, этот тип памяти наиболее восприимчив к мифологизации прошлого, воспринимая миф как абсолютную реальность. Источниками формирования обыденного типа памяти ныне являются СМИ, включая Интернет, коммуникативная среда (рассказы близких и знакомых), произведения литературы и искусства, увлеченные занимательностью музейные и туристические экскурсии, а также масса других источников информации о прошлом, с которыми человек встречается на протяжении своей жизни.

Второй тип памяти мы можем условно назвать конструктивистским. Это те случаи, когда человек, общество, государство конструируют прошлое, то есть осознанно выстраивают, рисуют его картину под свои цели и задачи, когда прошлое стремятся не только принорочить к настоящему и будущему, но и сделать его политическим инструментом. Раскавычивая слова выдающегося мыслителя Августина Блаженного, мы можем сказать, что для конструктивистского типа памяти о прошлом характерна его трактовка исключительно через определенные интересы настоящего. Прошлое как времени ушедшего для него не существует, есть только время прошлого как время настоящего.

Этот тип памяти имеет свои ответвления. Наиболее мощное из них – политологическое конструирование памяти о прошлом, как правило, всегда и везде поддерживаемое разными политическими силами и в их интересах. Другое заметное ответвление конструктивистского типа памяти о прошлом находится в плоскости «искренней веры» или искреннего заблуждения. Мы имеем в виду не только религиозную пристрастность, но и увлеченность определенной концепцией, идеей, оригинальным, совер-

шенно необычным видением ушедшего времени – его людей, событий, явлений, процессов.

Конструктивистский тип памяти о прошлом несколько более совершенен в сравнении с обыденным. В разумных пределах, когда речь идет о подпитке с его помощью кардинальных и истинных интересов государства и общества, когда он не противоречит нормам гражданства и религиозной морали и нравственности, этот тип памяти о прошлом необходим и обязателен как таблица умножения для начинающего жить человека. Без азов конструктивистского типа памяти о прошлом осознанная человеческая жизнь, существование политических институтов, включая национальные государства, невозможны. Но надлежит понимать и все опасности конструктивистского типа памяти о прошлом. Его политическая и интеллектуальная многовариантность содержит скрытые угрозы религиозного фанатизма, национализма, фашизма – всего того, что стремится к деформации современного мироустройства, желает дестабилизировать его вопреки чаяниям, надеждам и воле здорового большинства.

Конструктивистский тип памяти о прошлом силён и опасен своими особенностями.

Во-первых, он, как правило, актуализирует память о прошлом. С одной стороны, это хорошо: людям сегодняшнего дня полезно не только знать, но и учитывать опыт прошлого при решении сходных современных задач. Но, с другой стороны, такая актуализация часто носит поверхностный характер, опирается на формальные внешние признаки похожести событий прошлого и настоящего.

Во-вторых, конструктивистский тип памяти о прошлом во всех случаях и при любых ситуациях сознательно или неосознанно модернизирует память о прошлом, не учитывая принципа историзма. Дело представляется так, будто мы, сегодняшние, сами находимся в прошлом, зачастую свысока оценивая решения предков «недотёп».

В-третьих, и это, пожалуй, главное – его носители стремятся подчинить факты, события, явления, процессы прошлого политической конъюнктуре, сделать их «упряжью» или «скрепой» для решения задач настоящего.

Сторонники конструктивистского типа памяти широко оперируют понятием «образ прошлого». В их понимании это символически-информационная конструкция, внедряемая в общественное сознание. «Образы прошлого» могут быть прямо противоположными относительно тех или иных событий и людей, пересекающимися быстро меняющимися в среде одних и тех же их создателей и носителей. Оперирование понятием «образ прошлого» оставляет в стороне объяснение оснований, по которым формируются эти образы.

Конструктивистский тип исторической памяти отличается от обыденного тем, что в его основе лежит исторический источник. Однако его применение, то есть использование, носит исключительно потребительский характер, главной особенностью которого является приравливание источника к заранее выбранной, придуманной конструкции какого-либо сюжета прошедшего. Исторический источник – вещь бездонная и безграничная, неисчерпаемая по своей сути. Поэтому выборочное, селективное использование его свидетельств и подстраивание их под заранее придуманную схему прошлого бывает удобным и внешне убедительным.

Научно-познавательный тип исторической памяти прямо противоположен конструктивистскому. В сфере его внимания находится проверенное и достоверное свидетельство источника или совокупность свидетельств, на основе которых реконструируется прошлое, устанавливаются события, явления, процессы, случившиеся в прошлом. Иначе говоря, научно-познавательный тип исторической памяти не подстраивает свидетельства источников под определенную схему, а через выявление и анализ свидетельств источников такую схему устанавливает. Научно-познавательный тип исторической памяти изменяется во времени: меняется в сторону постепенного расширения проблематика его интересов, совершенствуются методы добывания свидетельств о прошлом из исторических источников.

Таким образом, конструктивистский и научно-познавательный типы исторической памяти сохраняют в сфере своего внимания историче-

ский источник. Разница заключается только в том, что первый тип памяти идёт к источнику от концепции, а второй – от источника к концепции.

Историческая память может выступать и как культурная память или как память нематериальной духовной жизни людей, зафиксированная в обрядах, мифах, верованиях и других проявлениях человеческого духа, сохраняемых в традициях того или иного народа. Мы имеем в виду натурную демонстрационную форму этого типа исторической памяти, поскольку любая её фиксация автоматически превращает такую память в память документальную. Исторический источник – это любой «интеллектуальный продукт», создаваемый человеком. Однако документальный исторический источник среди других видов исторических источников занимает особое место, являясь носителем и особого типа исторической памяти. На её особенностях мы остановимся ниже, имея в виду, что документальная память – это память документа.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Документальная память выступает не менее чем в четырёх ипостасях: как память о конкретном человеке, повседневности, фактах, явлениях, событиях, процессах прошлого, определявших человеческую жизнедеятельность и судьбы конкретных людей и, наконец, память о человеческой жизнедеятельности, предопределившей те или иные события, факты, явления, процессы в прошлом. Нередко документальная память имеет практическое правовое значение для решения проблем современности. Известно, например, какую роль правовая составляющая документальной памяти сыграла в выплате денежной компенсации германским Фондом взаимопонимания и примирения советским людям, угнанным на работы в Германию в годы Великой Отечественной войны.

Документальная историческая память является результатом трансформации документа как регулятора человеческой жизнедеятельности в носитель памяти об этой жизнедеятель-

ности – документальный исторический источник. В своих предшествующих работах мы не раз пытались рассмотреть особенности документальной памяти как одного из типов исторической памяти [5]. Подчеркнем, что эти особенности как раз и дают нам возможность отделить документ как, говоря словами О. М. Медушевой, «интеллектуальный продукт» от других интеллектуальных продуктов, создаваемых человеком, например электрической лампочки, а значит, отнести знание о нём к особому – архивоведческому, археографическому и источниковедческому знанию.

На наш взгляд, понятие документальной памяти должно стать важнейшим системообразующим понятием исторического знания. Однако до сих пор более привычным является употребление другого понятия – «архивный фонд страны» [3]. И понятно, почему. Оно было изобретено в России в условиях государственного нестроения и Гражданской войны, когда нужно было спастись архивные документы. Это не архивоведческое, тем более не археографическое или источниковедческое, а чисто административное понятие по сей день играет важнейшую организующую роль в архивном деле. Мы, безусловно, далеки от того, чтобы призывать от него отказаться. Но обращаем внимание, что в архивоведении других стран ничего подобного этому термину нет.

Иначе говоря, в историческом знании понятие «документальная память» должно занять ключевое системообразующее место, а принцип документального запоминания действительности должен стать важнейшим при характеристике документальной памяти и работе с ней. Если это особый тип памяти, то мы должны непременно показать эти особенности, поняв и объяснив специфику документальной памяти, выявить особенности ее изучения.

Документальная информация есть не что иное, как сообщение, имеющее смысл и преследующее определенные цели в момент своего создания как некий регулятор общественных процессов. Как регулятор такая информация имеет наивысшую полезность в момент создания, которая со временем неизбежно снижается. Но, утрачивая утилитарную полез-

ность, эта информация обретает ценность благодаря способности отражать произошедшее. Такую информацию в литературе давно рассматривают с позиции теории отражения реальной действительности или как её «запоминание» в качестве частного случая отражения [1]. В этой связи встает вопрос об объективности такого отражения-запоминания, поскольку в подавляющем большинстве случаев оно является, во-первых, результатом субъективного осмысления текущей реальности автором документа и, во-вторых, зависит от её восприятия уже не автором, а потребителем.

В советской литературе рассмотрение познавательных возможностей исторического источника, в том числе документального, с позиций теории отражения основывалось на том, что реальная действительность, существующая независимо от человека, и эта же действительность, воссоздаваемая человеком, так или иначе, отражается в документе как регуляторе человеческой жизнедеятельности, который со временем трансформируется в исторический источник. Теория отображения в исторических источниках реальной действительности в таком толковании носила гносеологический характер и как бы проскакивала важный этап такого отображения, связанный с механизмом сохранения. В этом случае исторический источник, в том числе документальный, представлял собой не просто отображение, а запоминание такого отображения и передачу его во времени и пространстве. Поэтому понятие документальной памяти, представляя нам одну из разновидностей отображения реальности, одновременно выступает в качестве её запоминания и носителя такого запоминания. Иначе говоря, документальная память – это отображение-запоминание реальной действительности прошлого.

Как мы могли убедиться выше, информация документа в процессе его бытования способна изменяться. Часть её в результате различных физических воздействий может утрачиваться безвозвратно или реконструироваться с той или иной степенью полноты. В других случаях, наоборот, документ за счет резолюций и помет приобретает дополнительную информацию.

Документальная память – это не что иное, как совокупность бесконечного множества структурированных и имеющих смысл сообщений, зафиксированных в документах в процессе их создания и оперативного бытования как регуляторов человеческой жизнедеятельности. Такие сообщения есть не что иное, как различные типы документальных свидетельств (свидетельства-факты, свидетельства-события, свидетельства-явления, свидетельства-процессы), зафиксированные в текстах документов. Эта совокупность обладает свойством одновременного увеличения и уменьшения. С одной стороны, документальная память постоянно растет в своих объемных физических и когнитивных измерениях. С другой стороны, документальная память по разным причинам сохраняется во времени далеко не в полном своем виде. В современных условиях, помимо форс-мажорных обстоятельств, она неизменно и неизбежно уменьшается и прежде всего за счет организованных и сознательных действий по её утилизации.

В результате экспертизы ценности создается особая часть документальной памяти – документальная историческая память. В современных условиях документальная историческая память складывается не стихийно, а формируется на основе специальных общепринятых и формализованных критериев, обеспечивающих выделение той части структурированных сообщений документов и самих документов, которые сохраняют свою полезность и ценность неопределенно долго или бессрочно. Эта часть документальной памяти подлежит вечному сохранению.

Надо признать, что в формировании документальной исторической памяти присутствует элемент субъективизма. Но этот субъективизм, если не нейтрализуется, то смягчается тремя факторами. Во-первых, за рядом исключений, такое формирование осуществляется публично, на основе доступных и известных нормативов. Во-вторых, «прополка» документальной памяти является не индивидуальным, а коллективным актом консультативно-консенсусного характера. В-третьих, селекция документальной памяти строго документирует-

ся, что дает возможность при необходимости осуществить реконструкцию её ликвидируемой части.

Таким образом, документальная историческая память представляет собой искусственно сформированную совокупность документальных свидетельств, сохраняющих постоянную, бессрочную, вечную полезность и ценность для любого её пользователя ныне и в будущем. Её прогностическая полезность и ценность может содержать ошибки, но в современных условиях простой перевод всей документальной памяти в документальную историческую память невозможен. Он может стать возможным, когда средства и способы ее сохранения, например, с помощью оцифровки станут дешевле, эффективнее и оперативнее, чем ликвидация, а сама такая ликвидация оригиналов ее носителей коснется лишь их определенной части.

Документальная историческая память предстает перед ее пользователем в двух видах – произвольном и произвольном.

Непроизвольный вид документальной памяти является результатом оперативного бытования её носителя – документа – как регулятора человеческой жизнедеятельности. Это значит, что она создается не для того, чтобы стать документальной памятью, т. е. не ради запоминания происходящего, а для решения поставленных практических задач. Запоминание этих решений является всего лишь следствием достижения через них определенных целей.

В отличие от произвольной документальной памяти, произвольный вид документальной памяти возникает в результате целевого намерения её создателя сделать такую память исторической, т. е. важной для понимания прошедшего. В этом смысл её целеполагания. Наиболее известными примерами произвольной документальной памяти являются мемуары или служебные записки, связанные с историческими обзорами определенных явлений и процессов.

Документальная историческая память обладает свойством непосредственности запоминания происходящего. Оно связано с главным функциональным предназначением доку-

мента – быть оперативным регулятором событий, явлений и процессов современности, средством и способом реализации вмешательства в них человека и установления результатов такого вмешательства. Это свойство документа имеет неоднозначное значение для понимания документальной исторической памяти. С одной стороны, она отражает то, что действительно происходило, что оперативно зафиксировано в документе на оперативной стадии его бытования. С другой стороны, далеко не всегда бытование документа как оперативного регулятора современных ему событий, явлений и процессов отражает их в подлинном виде, т. е. так, как было на самом деле. Пристрастие, возможность ошибаться как свойства мыслительной деятельности человека, определяющей деятельности человека – вещь временная и внациональная. Да и сама схема запоминания действительности с помощью глаз и мозга человека далека от совершенства и к тому же носит индивидуальный характер, определяется психикой человека. В этой связи встает вопрос об объективности такого отражения-запоминания, поскольку в подавляющем большинстве случаев оно является, во-первых, результатом субъективного осмысления текущей реальности автором документа и, во-вторых, зависит от ее восприятия уже не автором, а потребителем, в том числе как памяти о произошедшем.

С учетом этого можно признать, что документальной исторической памяти, как и любому другому типу исторической памяти, присуще свойство пристрастности. Оно имеет свою особенность. Тут пристрастие выступает не как внешнее свойство конструктивистского или научно-исследовательского типов исторической памяти, реконструирующих прошлое по своим принципам и методам, а как ее естественное внутреннее состояние. Пристрастие документальной исторической памяти органично, отражая прошлую современность так, как ее пристраивали люди в реальной жизни. Разумеется, это не значит, что исследователи документальной исторической памяти должны воспринимать ее свойство пристрастности как данность. Научно-исследовательский тип исто-

рической памяти и призван с помощью общепризнанных методов и приемов нейтрализовать это свойство документальной памяти.

Еще одно свойство документальной исторической памяти – непрерывность. Она запоминает зарождение, развитие, результаты и прекращение какого-либо факта, события, явления, процесса как в одном, так и в совокупности документов на протяжении различных временных периодов. Разрыв такой непрерывности носит как объективный, так и субъективный характер и является, как правило, следствием различных социальных катаклизмов. Он преодолевается виртуальной ликвидацией дискретности документальной памяти во времени и пространстве или реконструкцией не сохранившихся по разным причинам документов.

Части документальной исторической памяти присуще свойство воспоминательности. Однако, в отличие от обыденного типа исторической памяти, здесь оно более организовано, так как основывается не на устном запоминании, а на фиксации этого запоминания письменным, аудиовизуальным или иным способом самим человеком – автором воспоминаний, а также в процессе так называемого инициативного документирования или записи «живого наследия». Это свойство, несмотря на свою высокую организованность, также не лишено пристрастия, которое выявляется благодаря еще одному свойству документальной исторической памяти.

Оно связано с системностью документальной исторической памяти. Ее носители – документы – почти всегда представляют собой систему документации как совокупность взаимосвязанных документов, создающихся для организации функционирования определенной сферы человеческой жизнедеятельности. В такой системе каждый документ имеет свое целевое предназначение, ради которого он создается в качестве определенного регулятора. Причем, в отличие от книги, такая связь в первую очередь естественная, определяющая само бытование документа, и лишь потом, как и в случае с книгой, основанная на логических построениях. Эта связь проявляет себя в гори-

зонтальных и вертикальных документационных «цепочках документов» одного и нескольких фондообразователей, решающих общую задачу во времени (например, дневник и мемуары человека), в пространстве (например, дневники и мемуары нескольких человек, рассказывающие об одном и том же событии).

Более того, мы уже давно говорим о многих системах документации, взаимосвязанных или совершенно изолированных друг от друга. Они придают системность и документальной исторической памяти. Это означает, что она состоит не из отдельных сегментов, ячеек, фрагментов, никак не связанных друг с другом, а представляет собой всегда разные, большие и малые, совокупности документов прошлого, естественно в процессе своего оперативного бытования как регуляторов современности связанные друг с другом. Архивное дело, архивный фонд, архив определенного профиля, газета, журнал, книга есть не что иное, как отражение системности документальной памяти. Прошлое в нем «упаковано» естественным образом – так, как организовывалась жизнь через ее документированную упорядоченность.

Документальная историческая память обладает высокой степенью неприкосновенности. Утрата части документальной памяти в результате экспертизы ценности является событием хотя и не совсем нормальным, но всё же регулируемым, подкрепленным опытом, публичными нормативами, здравым смыслом и консенсусом экспертов. После экспертизы ценности документальной памяти любые её утраты являются событиями чрезвычайными, даже в случае воздействия непреодолимой силы. Обеспечение неприкосновенности документальной памяти через комплектование и обеспечение сохранности архивных документов входит в число трех важнейших функций архивов. Свойство неприкосновенности документальной исторической памяти является, во-первых, гарантией ее аутентичности и точности использования, а во-вторых, оно обеспечивает в будущем её новые и бесконечные по вариативности осмысления.

Следующей особенностью, правда, только части документальной исторической памяти

является её неактивированность, иначе говоря, засекреченность, связанная с ограничением доступа к документам в процессе их оперативного бытования и в состоянии покоя, в архиве. Это объективное явление, носящее вневременной и интернациональный характер. Однако оно существенно сужает использование документальной исторической памяти и даже приводит к ее искажению и деформации в каждый момент востребованности. При этом следует иметь в виду, что засекречивание как особое явление в современном документировании имеет под собой не менее двух оснований. Если первое из них, связанное с защитой государственной и иной охраняемой законом тайны, оправдано и выражается определенным временным интервалом недоступности, то второе явно угрожает состоянию документальной исторической памяти как памяти публичной. Мотивом ее является стремление к забвению, исключению из исторической памяти всего травмирующего, откладывание на неопределенное будущее изучение всего негативного в прошлом. Поэтому активация этой части документальной памяти также должна быть явлением объективным и своевременным.

Еще немецкий философ Г. Риккерт, отмечая изменчивость во времени исторического знания, признавал неизменчивость «культурных ценностей, руководящих историческим изложением», т. е. исторических источников. Поэтому «истиной» в истории он признавал только «чистый факт», который несут в себе такие ценности [9, с. 123]. Не будем комментировать вторую часть этого утверждения, обратив внимание на ее первую часть. К числу «культурных ценностей» ученый относил и документальные источники. В отличие от всех других типов исторической памяти, документальная историческая память неизменчива, она такая, какой зафиксирована в документах. Это значит, что поправить её невозможно, так как такие поправки, связанные, например, с уничтожением документов – самым вызывающим способом исказить, деформировать документальную память, всё же грозят наказанием для тех, кто посмеет их инициировать.

Большая часть документальной историче-

ской памяти всегда находится в «свёрнутом», т. е. невостребованном состоянии, в ожидании своей актуализации в документальных публикациях, исторических исследованиях, других формах «развёртывания». Они преобразуют с разной степенью успеха документальную историческую память в историческое знание. Свернутость документальной исторической памяти – это нормальное состояние. Однако её актуализация не только зависит от внешней востребованности, но и связана с обязательными операциями по её упорядочению, наличием возможностей её поиска, обеспечивающих публичность, т. е. общедоступность документальной исторической памяти.

Документальная историческая память является составной частью научно-исследовательской исторической памяти и важнейшим источником ее формирования, развёртывания и развития. Однако в документальных публикациях и документальном источниковедении она приобретает свойство непосредственного воздействия на ее пользователя. В этом случае она может выступать предметом занимательного, поучительного чтения и научно-исследовательского интереса без участия историка-«провайдера». Различные типы документальных публикаций, выработанные археографией, документальных источниковедческих исследований призваны удовлетворить любой рассмотренный выше тип исторической памяти.

Любые сообщения документальной исторической памяти в её произвольном и произвольном видах подлежат проверке на достоверность. Это обусловлено природой происхождения документальной исторической памяти, творцом которой является человек. Человек субъективен в понимании и фиксации происходящего. Эта субъективность может быть как бессознательной, так и сознательной.

Ещё раз повторимся, что о прошлом мы узнаем через исторические источники. Эта общераспространенная точка зрения, впрочем, имеет и своих критиков. Их крайнее, наиболее радикальное крыло утверждает, что история как прошлое – сфера, неподвластная познанию. Более умеренные сторонники этой точки

зрения предпочитают говорить о том, что познание прошлого всего лишь «акт веры», интуитивного и иррационального воспроизведения ушедшего. Исторического источника для сторонников этих позиций не существует, так как он просто не нужен, бесполезен [6, с. 91–92]. Правда, признание так называемой истории повседневности как направления, способного через микромир прошлого понять его макропроцессы, заставляет более внимательно относиться к источникам.

В самом общем смысле исторический источник – это любой «интеллектуальный продукт», создававшийся и создающийся людьми в прошлом, настоящем и будущем. Надо сказать, что к настоящему времени вещественные, предметные исторические источники и источники, производные от языка, стали объектом изучения специальных исторических и историко-филологических дисциплин, таких, например, как нумизматика, сфрагистика, геральдика, фалеристика, фольклористика и т. д. Поэтому сегодня, говоря об источниковедении, как правило, стремятся дополнить его определяющим прилагательным. В нашем случае речь должна идти о документальном источниковедении, объектом которого является самый важный и универсальный исторический источник – документ, а предметом – самая коварная частичка прошлого – документальное свидетельство. Результаты документального источниковедческого исследования могут как представлять самостоятельный научный интерес, так и иметь прикладное познавательное значение для применения в собственно историческом исследовании.

Для документального источниковедения, строго говоря, документальный исторический источник представляет собой некий состоявшийся, действительно в разное время созданный продукт человеческой жизнедеятельности, ставший одним из дошедших «остатков» этой жизнедеятельности. Как продукт, остаток этой жизнедеятельности, он является также, говоря словами И. Д. Ковальченко, одной из разновидностей «фактов исторической действительности». Помимо этой категории фактов, И. Д. Ковальченко называет еще две: «факты исто-

рического источника» («сообщение источника») и «научно-исторические факты («факты-знание»)» [4, с. 130]. Такой классификацией И. Д. Ковальченко демонстрировал процесс исторического познания – от факта действительности, случившегося в прошлом и зафиксированного структурированным сообщением документа, через отражение этого факта в источнике в виде документального свидетельства к факту в историческом исследовании («факту-знанию»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уважение «независимости прошлого», отрицание его «актуальности» в конструктивистском понимании означает другую парадигму: актуальность прошлого является не вызовом времени, а вызовом потребностей самой науки истории. Научно-познавательный тип исторической памяти, исходящий из признания принципа независимости прошлого от современности, вовсе не означает, что историческая память в этом случае не имеет актуальности. Накопленное новое и доказанное историческое знание о прошлом позволяет применить его к современности.

Формирование научно-познавательного типа исторической памяти представляет собой последовательный процесс установления определенных факта, события, явления и процесса прошлого и доказательство их достоверности на основе свидетельств исторических источников.

Научно-познавательный тип исторической памяти не означает абсолютизации источников в процессе познания прошлого. Слепое следование за ними может привести к тому, что желаемое может быть принято за действительность. Поэтому их обоснованная интерпретация является непрямым условием доказательной реконструкции прошлого. При этом установление подлинности и достоверности документальных источников в процессе их интерпретации остается одной из главных задач.

Таким образом, принципиальной особенностью работы историка является то, что

между ним и прошлым лежит исторический источник, в первую очередь документальный, приемы анализа которого постоянно совершенствуются. Однако в историческом исследовании главное – исторический факт, который выявляется на основе проверенных документальных свидетельств источника, совокупность которых, как говорилось выше, и составляет документальную память. Иначе говоря, исторический факт реконструируется на основе материального (исторический источник как материальный объект) и идеального (свидетельство этого источника).

Научное знание о прошлом сегодня структурируется в исторических исследованиях как повседневная жизнь народа, социальных групп, человека в ее многочисленных проявлениях. Набор «структур» или показателей такой повседневности может быть бесконечным: каждое мгновение современности обнаруживает свой, особый интерес к той или иной повседневной жизни прошлого. Раскрытие, описание и объяснение таких черт повседневности позволяет выявить и доказательно охарактеризовать некие явления, процессы и даже закономерности человеческой истории в истории народов, социумов и людей. При таком подходе историческая истина бывает очевидной и доказательной.

Движение к такому постижению исторической истины в российской исторической науке обозначилось в 90-е годы прошлого века, когда для серьезных исследователей изучение документов, подготовка их документальных публикаций стали более важным занятием, нежели создание собственно исторических исследований. В основе этого движения лежит убеждение в том, что необходимо постижение прошлой повседневности через первоисточники, через живой, хотя почти всегда и повсеместно ангажированный, голос их авторов. Нам кажется, что для действительной исторической науки это есть и останется на ближайшие годы основным путем восстановления исторической памяти России.

Библиография/ References:

1. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М.: РГГУ, 2001. – 402 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
3. Декрет о реорганизации и централизации архивного дела от 1 июня 1918 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-06-01-2.htm> (дата обращения: 16.11.2021).
4. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
5. Козлов В.П. Документальная память в архивоведческом знании. – М.: Архив РАН. Древлехранилище, 2017. – 330 с.
6. Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. – М.: Высшая школа, 1983. – 143 с.
7. «Не забудем, но простим?» Образ войны в культуре и исторической памяти [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-zabudem-no-prostim-obraz-voiny/> (дата обращения: 16.11.2021).
8. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Франция – память. – СПб.: Издательство С.-Петербург. университета, 1999. – С. 17–50.
9. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; Сост. А.П. Полякова, М.М. Беляева; Подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

1. Avtokratov V.N. (2001) Teoreticheskiye problemy otechestvennogo arkhivovedeniya [Theoretical problems of domestic archival science]. – M.: RGGU. – 402s. (In Russ.).
2. Assman A. (2014) Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika

[Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics] / Aleyda Assman; per. s nem. Borisa Khlebnikova. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye. – 328s. (In Russ.).

3. Dekret o reorganizatsii i tsentralizatsii arkhivnogo dela ot 1 iyunya 1918 god. [Decree on the reorganization and centralization of archives of June 1, 1918]. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-06-01-2.htm> (data obrashcheniya 16.11.2021). (In Russ.).

4. Koval'chenko I.D. (2003) Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research] / I.D. Koval'chenko; Otdeleniye istoriko-filologicheskikh nauk. 2-ye izd., dop. – M.: Nauka. – 486s. (In Russ.).

5. Kozlov V.P. (2014) Dokumental'naya pamyat' v arkhivovedcheskom znanii [Documentary memory in archival knowledge]. – M.: Arkhiv RAN. Drevlekhranilishche. – 330 s. (In Russ.).

6. Medushevskeaya O.M. (1983) Sovremennoye zarubezhnoye istochnikovedeniye [Modern foreign source studies]. – M.: Vysshaya shkola. – 143s. (In Russ.).

7. «Ne zabudem, no prostim?» Obraz voyny v kul'ture i istoricheskoy pamyati [«We won't forget, but we will forgive?» The image of war in culture and historical memory]. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-zabudem-no-prostim-obraz-voiny/> (data obrashcheniya 16.11.2021). (In Russ.).

8. Nora P. (1999) Mezhdru pamyat'yu i istoriyye. Problematika mest pamyati / Frantsiya – pamyat' [Between memory and history. Problems of places of memory / France – memory]. – SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterb. universiteta. – S.17-50. (In Russ.).

9. Rikkert G. (1998) Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Natural sciences and cultural sciences]: Per. s nem. / Obshch. red. i predisl. A. F. Zotova; Sost. A. P. Polyakova, M.M.Belyayeva; Podgot. teksta i prim. R.K. Medvedevoy. – M.: Respublika. – 413s. (In Russ.).

DOI: 10.22394/2225-8272-2022-11-1-155-166

САРАН Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, зам. начальника научно-организационного отдела, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

SARAN A.Yu., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Scientific and Organizational Department, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

КУШЕЛЕВ И. Е. ПРОСТРАНСТВО ОРЛА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА. XVIII – СЕР. XX В. – ОРЁЛ: КАРТУШ, 2020.

BOOK REVIEW: OREL SPACE AS AN ARTISTIC WHOLE. THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE URBAN LANDSCAPE. / ED. BY KUSHELEV I.E

ВВЕДЕНИЕ

Монография подготовлена в Калужском университете и издана при участии Министерства культуры РФ и Ассоциации искусствоведов и художественных критиков (АИС, г. Москва). Она является переработанным вариантом магистерской диссертации (защита в 2019 г.), написанной за два года магистратуры на кафедре истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского под научным руководством к. и. н., доцента В. А. Иванова, специалиста по истории местного чиновничества и калужскому краеведению, который выступил и в качестве рецензента книги. Другим рецензентом стала кандидат искусствоведения, аттестованный эксперт по культурным ценностям Министерства культуры РФ М. А. Комова.

Обращает на себя внимание широта замысла автора, положительное впечатление оставляет масса предлагаемого материала и набор многочисленных мыслей и предложений, обилие имен архитекторов, краеведов, градозащитников. Так, из 280 человек, упоминаемых в книге, 79 являются архитекторами,

7 – историками и 19 – краеведами. Для удобства пользования книгой желательны были бы географический (в книге упоминаются 817 географических объектов) и именной указатели. Привлекательны занимающие половину книги 307 иллюстраций, многие из которых, хотя и известны по изданиям других авторов, но выполнены на достойном уровне, который обеспечила 8-месячная работа сотрудников издательства «Картуш» с материалом, который И. Е. Кушелев самостоятельно собрал, в том числе в архивах Орла – Государственном архиве Орловской области (ГАОО), ОГУП «Орловский центр «Недвижимость» (Орловский филиал), ГУП ООЦ «Недвижимость» г. Орла, а также в музее изобразительных искусств и наиболее ценное – в Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург).

В книге встречаются небольшие ученические ошибки. Так, в библиографическом списке на с. 145–147 большая часть раздела неверно отнесена к «Опубликованным источникам», например, книга В. М. Неделина «Орёл изначальный» (Орёл, 2001) и еще 35 из 49 работ, в то время как место им в разделе «Литература». И. Е. Кушелев пытается ввести

новые стандарты в библиографию – на С. 96 вместо «Орёл» в обозначении места издания автор ставит лишь «О.», что в настоящее время считается ошибкой. Имеются и неточности например, «Махаило-Архангельский переулочек» вместо «Михаило-» (С. 25) или «почтмейстер Аркаутов» вместо Арнаутов. Нашлось место и для логических ошибок, в частности, на с. 58 автор пишет, что у одного здания «архитектурная образность отсутствовала изначально», и тут же заявляет, что позднее ее «восстановили».

Вполне извинительна для начинающего историка, который имеет базовое музыкальное образование (окончил Санкт-Петербургскую государственную консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова в 2005 году), и противоречивость замысла его магистерской работы, представленной в виде книги. Заголовок говорит о «художественном целом», что, скорее, относится к области искусства. Например, один из разделов литературоведения так и называется: «Литературное произведение как художественное целое». У некоторых теоретиков архитектуры город рассматривается как пространство архитектурно-художественного синтеза. То есть в первой части заглавия автор пытается сочетать теоретический аппарат литературоведения с понятиями архитектуры.

Во второй части громоздкого заголовка говорится уже об «Истории формирования городского ландшафта», что, несомненно, свидетельствует о заявке на научность именно в русле исторической науки, а не искусствоведения, во всяком случае, не литературной традиции. Очерчивание хронологических рамок – XVIII – середина XX в. – также должно подчеркивать исторический характер работы.

Сомнения в научно-историческом характере работы невольно вызывают некоторые формулировки разделов книги, где используются скорее, модные для исторической науки выражения, чем научные понятия, такие как «сакральный каркас»¹ или «информационная

парадигма»². Впрочем, автор и сам признает, что его работа не чисто историческая, а выполнена «на стыке локальной истории (краеведения), культурной географии (ландшафтоведения), искусствоведения (история архитектуры), культурологии и музеологии и охраны памятников» (С. 9). Такой продекларированный мультинаучный подход, вероятно, должен объяснить, помимо прочего, отчего текст работы перенасыщен такими далекими от истории терминами, как эзотерические «ментальные оболочки» (С. 19) и т. п.

И. Е. Кушелев хочет с позиций искусствоведения «рассмотреть город как произведение искусства» (С. 141), то есть рукотворное произведение человека, и при этом справедливо учитывает влияние природы. Он верно пишет, что «Орёл развивался в районе экотона», то есть на пограничной территории между природными зонами.

Книга состоит из четырех глав: 1. Формирование территориального каркаса города. 2. Эпоха регулярного плана в градостроительной истории Орла. Вторая половина XVIII – сер. XIX века. 3. Комплексное реконструктивное описание ключевого фрагмента городской среды – рядовой застройки кварталов центра города. 4. Город-ансамбль.

Вызывает одобрение обязательное для историка любого уровня знакомство с работами предшественников. При этом И. Е. Кушелев высказывает собственное мнение о чужих работах, хотя с ним не всегда можно согласиться. Всего три избранные работы – кандидата искусствоведения, почетного академика Российской академии архитектуры и строительных наук С. И. Федорова «Центры городов Орла, Курска и Белгорода – комплексные памятники истории и культуры» (Л., 1969), профессора В. М. Неделина «Орёл изначальный» (Орёл, 2001) и доктора исторических наук, доцента А. Ю. Саран «Как пойдешь по Болховской... Город Орёл в XVI – XXI веках: улица Болховская – Ленинская

¹ В некоторых работах по архитектуре выражение «сакральный каркас» используется для обозначения

условной сетки, соединяющий здания религиозного назначения на схеме населенного пункта.

² Парадигма – пример, образец.

улица» (Орёл, 2016) – магистрант отнёс к книгам, которые «в той или иной степени отвечают требованиям, предъявляемым к научным работам» (С. 5). Остальная литература отнесена автором к ненаучной, хотя в работе используются вполне квалифицированные исследования учёных, в частности, кандидата исторических наук С. Н. Абакумова, кандидата филологических наук Е. Н. Ашихминой.

Впрочем, автор колеблется в своей атрибуции книги А. М. Ставцевой «Архитектура города Орла конца XVIII – начала XX века» (Орёл, 2015), отмечая, что в ней «отсутствует научный аппарат», без чего работу невозможно отнести к научному жанру, И. Е. Кушелев тем не менее заявляет, что «при своей полезности она еще не достигает уровня зрелой научной работы» (С. 7, выделено мною. – А. С.). Эти слова заставляют предположить, что он считает ее «незрелой», но научной работой. А вот здесь требуется определенность – или научная, или иного жанра. Подобные противоречия не раз встречаются на страницах этой книги.

В целом в этой работе обращает на себя внимание налёт крикливого журнализма, не имеющий ничего общего ни с настоящей журналистикой, ни с объективностью ученого. Например, И. Е. Кушелев пишет о «сенсационном результате» (С. 30), в то время как для научной литературы было бы уместнее выражение «научное открытие». Он заявляет о неточностях и даже «явных фактических ошибках» в работах других авторов (С. 6, 7), но по примеру некоторых журналистов «горобличителей» не только не исправляет, но и не указывает даже, где они находятся и в чем состоят. Или на с. 8 делается попытка нагнетать «таинственность» – упоминается некая «утраченная работа Н. О. Поповой», но при этом не приводится ни названия, ни хотя бы темы исчезнувшего труда, ни характеристики значимости автора, не говоря уже об обстоятельствах «утраты».

Говоря о «загадочных» утраченных работах, И. Е. Кушелев по каким-то причинам не смог познакомиться со всей доступной литературой по теме своей работы. Так, он пишет,

что «нужно внести ясность в вопрос сохранности на этом месте остатков храма» (С. 102). Речь идёт о здании кинотеатра «Победа» на ул. Ленина, д. 22. Но ясность давно уже была внесена в нескольких работах¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что автор выполнил много кропотливой работы. Илья Евгеньевич, благодаря регулярно получаемым грантам, смог посещать и обильно копировать документы архивохранилищ Орла (использовано 124 дела из 16 фондов) и Санкт-Петербурга (66 дел из 12 фондов). Он обнаружил целый ряд новых для истории орловской архитектуры материалов о зданиях XVIII века. Уже одно только описание этих архивных открытий в сочетании с известной ранее информацией могло стать заметным вкладом в исследование истории застройки г. Орла и формирования его городского ландшафта.

В работе, претендующей на научность, а магистерское исследование по истории предполагает именно такой подход, необходимы определения основных терминов. Опорный из них – «художественное целое» – автор заявил в заголовке (первая его часть), но ни четкого определения (хотя бы чем художественное целое отличается от художественного нецелого), ни типологии, чтобы понять, что за тип «целого» именно у города Орла, в книге нет. Можно предположить после ознакомления с книгой, что «целое», по замыслу автора, должно само сложиться в голове читателя этой мультинаучной книги в некоем «художественном» виде.

Вторая задача, продекларированная в следующей части заголовка книги, – исследование истории формирования городского ландшафта – гораздо более внятная, и именно она решается во всей работе. Вероятно,

¹ См.: Саран А.Ю. Храм на Болховской улице (Страница истории города Орла) // Под парусом спасения. Вып. 1. – Орёл: Труд, 2002. – С. 94–103; Вып. 2. – С. 123–126; Саран А.Ю. Как пойдешь по Болховской... Город Орёл в XVI – XXI веках: улица Болховская – Ленинская улица. – Орёл: Издательство ОФ РАНХиГС, 2016. – С. 366–395.

эта часть заглавия книги была заголовком магистерской работы, предложенным научным руководителем В. А. Ивановым, а первую часть автор добавил от себя.

На с. 8 автор определяет цель работы как выявление «образа пространства Орла и закрепление его в музейном проекте», а в «Заключении» на с. 141 еще более конкретизирует – «целостный пространственный образ» города, «пространственная структура Орла». То есть акцент с неопределенного «художественного целого» постепенно, по ходу изложения переходит на вполне определенное «городское пространство».

На той же 8-й странице автор определяет 12 задач исследования, каждая из которых формулируется вокруг Генерального плана 1779 года, однако, помимо решения этих задач, на с. 96 начинается анализ плана 1945 года. С точки зрения эстетики и истории городской застройки Орла этот план действительно важен, но вызывает недоумение отсутствие его упоминания в разделе «Задачи».

Наблюдается и некоторая путанность автора в понятиях. В частности, на с. 128 он заявляет: «Мы изучаем город с эстетической точки зрения, иные аспекты не входят в предмет исследования», – вероятно, забыв, что на с. 9 были продекларированы целых пять наук – локальная история, культурная география, искусствоведение, культурология, музеология и охрана памятников, а вот философская наука эстетика даже не упоминалась. Действительно, такие определения, как «антихудожественное замещение компонентов городской среды» или «грязное изображение архитектурного пейзажа» на с. 130, демонстрируют именно эстетическо-философский подход. Но если даже забыть про все остальные науки, используемые автором, помимо философии, то рядом с этим мы наблюдаем совсем другой – не эстетический, а этический подход в других оценках: «изменение [городского ландшафта. – А. С.] часто негативно» (С. 128), «деградация формы городов» (С. 129), «угрожающая тенденция» (С. 130). Безусловно, автор имеет полное право как на эстетическо-философский, так и на этически-

философский подход, но для чего же себя вначале ограничивать одним из них и отрицать все «иные аспекты», а затем нарушать собственный запрет?

Если обращение к эстетике и этике носит оправданный характер, то вот упоминание «философии общего дела» Н. Ф. Федорова (С. 144) довольно рискованно для книги об истории города Орла. Дело в том, что этот самобытный философ призывал воскрешать отнюдь не города, а людей и вообще считал город извращенной формой жизни и предрекал, что жители покинут все города и вернуться в сельские поселения. Парадоксально, но декларирующий себя в качестве «градозащитника» И. Е. Кушелев активно цитирует негативные высказывания о городе Н. Ф. Федорова (С. 122–123), более того, пишет, что «такое феноменологическое понимание города глубоко коренится в естественной нравственности, не нуждаясь в доказательствах, и закреплено многовековым опытом» (С. 123). Правда, опыт последних веков ярко демонстрирует нам противоположную мировую тенденцию – урбанизацию, когда идет движение не по Федорову – из городов, а, наоборот, в города. Не вполне понятна позиция И. Е. Кушелева: он выступает за сохранение и развитие городской среды или за ликвидацию городов в принципе?

В целом справившись с описанием основных направлений развития городского пространства Орла в первой главе, И. Е. Кушелев сравнительно подробно раскрыл и развил мысль архитектора С. И. Федорова о том, что «такие мощные природные факторы, как две реки, красивый рельеф местности и зелень, придают центру Орла запоминающуюся, своеобразную выразительность»¹.

Автор во второй главе (С. 23–65), самой большой по объему, логично переходит к анализу истории застройки. Он справедливо выделяет два периода ее развития – до регулярного плана 1779 года и после его принятия. В этой главе сосредоточены основные

¹ См.: Федоров С.И. Очерки архитектуры Орла. – Орёл, 1992. – С. 46.

находки И. Е. Кушелева, сделанные в архивах Орла и Санкт-Петербурга. На основании анализа карт XVIII в., в том числе отложенных в личном фонде С. И. Федорова в ГАОО, автор выделяет элементы радиально-кольцевой, линейной и трехчастной планировки города, а также «выявляет около десятка каменных домов XVIII столетия в городе Орле, что без преувеличения можно считать прорывом» (С. 27), при этом он подтверждает мнение Доктора исторических наук, профессора В. А. Ливцова о возрасте одного из этих 8 зданий (С. 28).

Анализируя Регулярный план города Орла 1779 года, автор попутно сообщает о деталях биографии орловского архитектора этого периода А. П. Клавера (С. 31–33). И. Е. Кушелев верно отмечает, что главной улицей города по этому плану должна была стать нынешняя ул. Горького, при этом он отмечает, что нынешняя Ленинская улица, а тогда – «Болховская играла связующую роль между старым и новым городом» (С. 36). Однако и в период разработки и реализации плана 1779 года, и вплоть до 1860-х гг. Большая Болховская улица разворачивалась в районе современной площади Ленина и шла вплоть до городской окраины. Только в 1860-е гг. её «равнинную» часть переименовали в ул. Садовую¹. То есть на деле Болховская улица выполняла роль и связующего звена между 1-й и 3-й частями города, и сама была частью этого «нового города». Автор знает об этом, но, пытаясь разрешить противоречие между своим заявлением и реальностью, заявляет, что её «разворот» является «топонимическим казусом» (С. 36). Однако таких «казусов» (лат. casus – происшествие, инцидент) на карте Орла немало и в прошлом, и в настоящем, например, пересекающий Болховскую Ленинскую улицу Георгиевский переулок, идущий от места Сретенской (Георгиевской)

церкви к реке Орлик, делает такой же резкий поворот в районе ул. Тургенева (Георгиевская). Ул. Новикова вообще раздваивается около школы № 24, да и Болховскую (Ленинскую) в 1860-е гг. не обрезали, а «развернули» с востока на север (дома № 43–46), в таковом виде она и пребывает до настоящего времени. Так что никакое это не «происшествие», а обычная градостроительная практика.

И. Е. Кушелев прослеживает связь Генеральных планов 1779 и 1842 гг., верно отмечая их обусловленность реальным развитием города и справедливо критикуя ошибки, допущенные в «Пояснительной записке» к плану 1842 года, где были перепутаны между собой 1-я и 3-я городские части (С. 61).

Подводя итог второй главе, автор утверждает, что Регулярный план 1779 года «выявлял и фиксировал художественные закономерности пространственной организации города» (С. 65). Учитывая, что «художественность» – это явно черта человеческая, И. Е. Кушелев одновременно утверждает, что им «доказана исключительная роль природных ландшафтных факторов, преобладающих над антропогенными, и происхождение эстетических достоинств видовой композиции города из этой зависимости» (С. 65).

Наш магистрант в заключение своей книги ставит задачу перед всеми другими краеведами, пишущими об орловской архитектуре: «должны быть исследованы все исторические улицы с сохранившимися на них и утраченными старинными зданиями» (С. 144). И автор предлагает в книге свое исследование по Карачевской улице, посвятив ей третью главу (С. 66–95, но собственно Карачевской посвящено только 11 из 30 страниц). При этом орловским краеведам дано директивное указание: «историческая застройка Орла должна быть изучена и описана по предложенным нами образцам в полном объеме» (С. 144).

Рассмотрим кушелевский вариант методики реконструкции истории улиц. Карачевская улица, которая в 1927–1992 гг. носила имена казненных американских анархистов Сакко и Ванцетти, описана автором, к сожа-

¹ См.: Саран А.Ю. «Как пойдешь по Болховской...» Город Орёл в XVI – XXI веках: улица Болховская – Ленинская улица. – Орёл, 2016. – С. 47–48; Емельянов В.Г. Улицы города Орла. История названий: справочник. – Тула, 1986. – С. 50.

лению, лишь частично – от Воскресенского переулка до 1-й Посадской вообще затронуты дома лишь нечетной стороны, далее – выборочно здания по обеим сторонам улицы. На часть зданий предлагают архитектурные планы, фотографии фасадов, иногда сообщаются имена некоторых владельцев, иногда – некоторых обитателей зданий. Информация подается без разделения на тематические группы, но в промежутках довольно обильны такие пассажи, как о «дыхании города, биении его сердца» на с. 67 и т. п. Бесспорно, они добавляют художественности тексту, но отдаляют его от научности. Описание домов на Карачевской улице не отличается ни полнотой, ни последовательностью, в частности, на с. 72–76 нумерация описываемых зданий дается в следующем порядке: д. 36, за ним д. 35, следом № 74, потом д. 41, 27, 118, 93 и т. п. Не вполне ясно, каким образом Кушелев втиснул между соседними домами на Карачевской, д. 1 и д. 3, еще целых два дома без всякого пояснения их связи с описываемой улицей (С. 67–68). С другой стороны, автор утверждает, что им улица реконструирована полностью (С. 66), но после описания домов № 1 и № 3 следует описание дома № 9, и нет никакого объяснения про отсутствие домов № 5 и № 7. Сегодня крайний дом на Карачевской улице – № 144, Кушелев рассмотрел или упомянул в 3-й главе лишь 27 адресов, самый дальний – Карачевская, д. 120–122. Это составляет менее пятой части от общего числа усадебных мест избранной автором улицы. Впрочем, в других разделах книги упоминаются еще 36 зданий на Карачевской улице, но и с ними это менее половины зданий при авторском требовании «полного объема» для чужих работ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно заключить, что полная или даже приблизительная реконструкция истории Карачевской улицы автору пока не удалась, что вполне понятно: восстановить историю почти полутора сотен усадеб – это сложная и кропотливая задача, но автором сделан хороший

задел для завершения этой работы, если ему хватит усидчивости, последовательности и удачи в дальнейшем поиске материалов.

Неясна и цель описания в той же 3-й главе, наряду с заявленной Карачевской улицей, выборочных зданий остальной застройки кварталов – д. 36, 37, 51 и 61, расположенных на других улицах (С. 68 и далее).

Добавим, что, помимо наиболее полно, хотя и не полностью описанной Карачевской улицы, на страницах книги И. Е. Кушелева упоминаются здания еще с 68 улиц Орла из 306 имеющихся на данный момент. В частности, на улице Горького (31 здание из 172 существующих или утраченных), Ленина (26 из 46), Московской (25 из 181), Комсомольской (24 из 406), Салтыкова-Щедрина (21 из 49), Васильевской (21 из 165), Октябрьской (18 из 218) и т. д. Кроме того, из 817 географических объектов, как природных, так и рукотворных, упоминаемых в работе, можно отметить 35 городских площадей, притом что в современном Орле их насчитывается лишь 19. Такие описания могут представлять интерес для всех читателей, интересующихся историей г. Орла.

Конечно, такому количеству имен (280) и географических наименований (817) тесновато на 144 страницах книги, но автор, помимо мультинаучного подхода, в данном случае использует и прием многожанровости – наряду с анализом материала по истории городской застройки Орла, И. Е. Кушелев включает элементы справочника, публикуя целые списки адресов (С. 50–51, 80–81, 100, 101, 103 и другие). К элементам справочника можно отнести и тексты исторических справок о некоторых зданиях, которые автор включил в основную часть работы (С. 84–94), а не вынес в отдельные приложения.

Одновременно с такими явными попытками «экономии» места автор порой избегает точной адресации, а использует многословные описания. В частности, на с. 28 вместо «ул. Ленина, д. 6а», как написано на современных картах г. Орла, мы читаем у И. Е. Кушелева: «стоящий во дворе дома № 10 на ул. Ленина каменный корпус, зани-

маемый университетским факультетом – первоначальное здание Главного народного училища, где оно и было открыто в 1786 году». Не беда, что с таким же основанием описанное здание можно «приписать» и ко двору дома на ул. Ленина, 8: те, кто в курсе, должны понять автора и так.

Гораздо больше усилий потребует разгадка адреса «ул. Васильевская, д. 25» на с. 28–29, поскольку И. Е. Кушелев, описывая свои 8 открытий орловских зданий XVIII века на разных улицах города (ул. 7 Ноября, Васильевская, Соляной переулоч, Горького, Энгельса), «перескакивает» с одной улицы на другую. Для характеристики именно этого дома он пишет, напротив какой церкви он стоит. Попутно делится церковными новостями, сообщает о другом доме на противоположной стороне неназванной улицы с его особенностями, а также о третьем доме, что расположен рядом с неназванным, о «целом городском районе», о том, что «здание доминирует в окружающей застройке» (С. 29), но так и не называет связно его адреса.

Некоторые адреса можно восстановить, сравнивая информацию на разных страницах книги И. Е. Кушелева, в частности, на иллюстрации № 187 дано изображение дома наследников А. Д. Говорова, но не указана (в отличие от соседних иллюстраций) улица, где он располагается, но на с. 79 эту информацию пылливый читатель сможет восстановить. Подобным образом можно узнать и адреса домов мещанки М. Е. Кузнецовой (иллюстрация № 188 и с. 79) и крестьянки В. Е. Давыдовой (иллюстрация № 189 и с. 79). Некоторые трудности вызывает отсутствие номеров на отдельных иллюстрациях, в частности в блоке между с. 80 и с. 81, или один номер на 16 изображений (дважды там же).

А для нескольких домов нам так и не удалось восстановить адресацию: для дома Апрятиных (С. 54, 55, 109); дома Боровкова А. И. (С. 54); дома графа Шереметева (С. 53); дома Иванова И. Г. на иллюстрации № 234 и еще 23 зданий. Можно было бы предположить, что Е. Кушелев смог найти только старые чертежи этих зданий, по кото-

рым объективно не всегда можно сделать адресную привязку, но вот безадресный дом купеческой жены Е. В. Поповой у него описан на с. 76, а далее на иллюстрации № 181 приводится цветная фотография дома, выполненная собственноручно автором, причем видны дощечки с названием улицы и № дома, но их невозможно прочесть из-за масштаба снимка. То есть автор знает адрес, но по неясным причинам не указывает его в книге.

Впрочем, по описаниям автора не всегда можно понять, не только о каком доме он ведет речь, но даже – о какой стороне улицы. Так, на с. 68 написано: «далее по левой стороне улицы». В современном городе можно было бы предположить, что мы идем от начала улицы, где расположены дома № 1 и № 2 к ее продолжению, хотя принято разделять стороны улицы с четными и нечетными номерами домов, но речь в тексте идет о городе середины XIX века, где определение «левая-правая сторона» ни о чём не говорит, а только вводит читателя в недоумение. И в то же время несколькими страницами ранее И. Е. Кушелев вполне определенно пишет о «застройке нечётной стороны Карачевской улицы» (С. 66).

Проявляющаяся порой неясность адресации сочетается в книге И. Е. Кушелева и с размытостью понятий. В частности, он заявляет о «роковом несоответствии высокого художественного уровня архитектуры и качества строительных работ» (С. 102), то есть проявляет четкое знание различия между профессиями архитектора и строителя. При этом на с. 70 он сообщает, что архитектор В. С. Попов «построил» определенный дом, в то время как в других случаях Кушелев говорит лишь о проектах, создаваемых архитекторами, полагая, что здания по этим проектам возводят строители.

Четвертая глава книги называется «Город-ансамбль» и посвящена анализу Генерального плана 1945 года и послевоенному восстановлению Орла. Автор книги высоко оценил Генплан Орла 1945 года (С. 36), который при осуществлении дал бы нам совсем иной городской центр. Однако следует заме-

титель, что задачи этого плана совершенно не совпадали с декларациями и развернутыми предложениями Кушелева относительно сохранения исторической застройки (С. 138–140). Они предлагали как раз решительную перепланировку города с прокладыванием новых улиц прямо через существующую, в том числе историческую, застройку.

И. Е. Кушелев из большой группы орловских архитекторов военного и послевоенного периода выделяет юную Е. В. Трубецкую и посвящает анализу ее немногочисленных, по сравнению, например, с И. А. Ивановым, проектов несколько страниц (С. 118–120). Не всегда объяснимая избирательность характера для этой книги, в частности, уделяя большое внимание работе 79 архитекторов, упоминаемых на ее страницах, частично осветив биографии двоих из них – Клавера и Трубецкой, Кушелев размещает портрет не кого-либо из творцов, а лишь одного заказчика – некоего домовладельца Жемарина (иллюстрация № 219).

Рассуждая в первой главе (С. 11–22) о формировании территориального каркаса города – природного, природно-культурного и архитектурно-градостроительного, автор утверждает, что «масштаб разрушений Орла в годы [Великой Отечественной. – А. С.] войны преувеличен: за исключением отдельных локальных утрат, город практически полностью сохранился после нее» (С. 22). При этом Кушелев не уточняет, кто именно «преувеличивает», насколько велико это преувеличение и какие именно утраты понес Орёл. Обратимся к документам. 1 ноября 1944 года работником обкома ВКП(б) А. Смирновым была составлена «Справка о восстановлении жилищно-коммунального хозяйства и промышленности строительных материалов области». В ней сообщается, что после разрушений 1943 года в Орле осталось 66,7 % жилого фонда от предвоенного 1940 года, при этом жилье предприятий и ведомств сохранилось на 34 %, местных Советов – на 57 %, а частного сектора – на 85 % (ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 976. Л. 51). Все электростанции и водонасосные станции были выведены из строя,

разрушены все бани, обе гостиницы, два из трех кирпичных заводов, цементный и известковый заводы, больницы им. Семашко и им. МОПРа, роддом, горком и горсовет, авторемонтные мастерские, здание штаба Орловского военного округа (бывший Александринский институт благородных девиц), драмтеатр, Дом печати, госбанк, железнодорожный вокзал, трамвайное хозяйство, «Зеленстрой», трест очистки, пединститут, школы, здание бронетанкового училища им. Фрунзе (бывший Орловский Бахтина кадетский корпус), 11 мостов, вырублен парк «Андриабуж». Из 36 зданий орловских учебных заведений только 6 остались пригодны для восстановления, остальные были уничтожены полностью (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 16. Л. 2–16). Какие уж тут преувеличения, когда восстановление отдельных объектов продолжалось до середины 1950-х гг., а развалины Николаевской женской гимназии (школа № 1 им. Ломоносова) на будущей площади Ленина были разобраны только во время строительства Дома Советов, сданного в 1961 году. Конечно, сохранилась планировка города, «информационный слой городского ландшафта», о котором пишет Кушелев на с. 22, но треть городского жилья, подавляющая часть общественных зданий, обеспечивающая инфраструктура и промышленные предприятия лежали в руинах. Вместе с тем нельзя не согласиться с автором, что «утраты военного времени следует оценивать дифференцированно» (С. 121), избегая крайних выводов о том, что Орёл был весь разрушен или весь уцелел.

Продолжая множить ряд наук, привлекаемых к изучению городского ландшафта Орла, автор обращается к военной науке – стратегии и тактике. При этом нельзя согласиться с высказыванием Кушелева, что якобы Орловская крепость «никогда не имела важного стратегического значения» (С. 141). Орёл был основан в 1566 году в качестве важного элемента, усиливающего Большую Засечную черту по Оке для защиты южных границ страны. Развивая эти военно-стратегические усилия, через 20 лет сын Ивана IV – царь Фёдор

Иванович заложит вторую Засечную черту, основав для этого в 1586 году города Ливны и Воронеж, Кромы (1594 г.), Белгород (1596 г.). Крепости и городища XVI – XVII вв. на территории современной Орловской области входили сразу в четыре Засечные черты, которые и позволили стране обрести безопасность от угроз постоянных набегов Крымского ханства, что, безусловно, имело стратегическое значение.

По нашему мнению, автор неправ и в оценке выбора места для крепости – он пишет о ее «неудобном фортификационном положении» (С. 21, 141). Орловская крепость была построена на стрелке Оки и Орлика как раз для защиты части бродов через эти реки, противник должен был идти на Москву с юга по низкому правому берегу Оки, а переправу на высокий левый берег как раз и защищала крепость, которая доминировала над бродами, занимая выгодное тактическое положение. Тем более что, по предположению В. М. Неделина, после 1571 года была возведена третья линия укреплений (Большой острог), «занимая левый берег реки Орла и правый берег Оки»¹, а также частично и правый, высокий берег Оки, для ее защиты были поставлены осадные дворы орловских дворян и детей боярских.

Несколько перевернутой выглядит логика рассуждений автора о развитии города: Кушелев пишет, что «храмы ориентировали город и по сторонам света: все въездные дороги устремлялись к ним» (С. 142). Да нет, дорожная сеть сложилась еще до основания Орловской крепости и города Орла, а жители впоследствии расселялись именно вдоль дорог. Болховская, Московская, Карачевская улицы получили свои названия именно по дорогам, а уже после застройки территории города жилыми и хозяйственными зданиями орловчане начинали строить церкви. Казалось бы, вполне очевидная мысль для исследователя истории формирования городского ландшафта.

¹ Неделин В.М. Орел изначальный. – Орёл, 2001. – С. 47–48.

Другой движущей силой развития городской застройки, помимо выстраивания «сакрального каркаса» вокруг церквей, И. Е. Кушелев считает «ментальные изменения» у архитекторов послевоенной поры. Именно они стали «гораздо более серьезными, чем какие-либо материальные и практические мотивы» (С. 97). В чем же практически проявилось изменение архитектурского менталитета? Да в том, что «не новое строительство, а восстановление и реставрация стали основными парадигмальными установками в данный период» (С. 97). Орёл после своего освобождения 5 августа 1943 года в значительной степени лежал в развалинах, страна вела борьбу за выживание, какое же в этих практических обстоятельствах «новое строительство», надо сначала руины разобрать да старое жилье восстановить для массы возвращающихся в город жителей. Впрочем, автор и здесь остается верен себе – высказывая какую-либо идею, расходящуюся с реальностью, он делает ряд оговорок, как бы уступая действительности. Вот и на с. 97 через несколько абзацев после «ментальной движущей силы» следует пассаж о том, что «отчасти за этим стояли прагматические соображения, но, полагаем, они не были определяющими». Ну, и на том спасибо.

Впрочем, последние примеры, как и вся книга И. Е. Кушелева, раскрывают нам многие трудности, связанные с использованием в одной работе теоретического багажа и инструментария нескольких наук одновременно, что иногда называют междисциплинарным подходом. Для того чтобы избежать очевидного конфликта разных дисциплин, по нашему мнению, желательно строго очерчивать области их применения. Например, для анализа современного сложившегося города вполне подходят самые модные концепции архитектуры с ее «сакральными каркасами» и т. п. Но как только автор пытается применить их, да еще в сочетании с религиозными догматами для объяснения логики истории застройки города, то выявляется конфликт таких теоретических подходов с историческими реалиями. Те же исторические реалии упорно тре-

буют и аккуратности в психологическом анализе послевоенного менталитета архитекторов и их заказчиков, когда всё-таки реальность определяет условия, основные направления и идеологию городской застройки в этот особый исторический период. Возможно, оптимальным решением было бы разделение работы на разделы, в каждом из которых использовался бы лишь один из многочисленных научных и ненаучных подходов, применяемых И. Е. Кушелевым, что хотя бы внешне исключило их конфликтность на стадии последовательного знакомства с книгой.

Пока же в работе очевиден конфликт исторического подхода с футурологическим. Если историческая наука видит своей задачей наиболее достоверную реконструкцию определенных аспектов прошлого, то взоры футурологов обращены в противоположную сторону – в будущее. В работе И. Е. Кушелева, посвященной истории городской застройки, мы находим и проект создания в будущем историко-культурного заповедника на территории Орла (С. 138–140). Это полностью выходит из области исторической науки, но с точки зрения дисциплины «музеология и охрана памятников» вполне оправдано.

Какое же будущее предлагается Орлу в проекте И. Е. Кушелева? Автор считает необходимым внести в Единый реестр объектов культурного наследия Российской Федерации «исторический центр города Орла в основном в границах города XVI века» (С. 138), правда, здесь же предлагаются границы «планировочной структуры в соответствии с Регулярным планом 1779 года», а на иллюстрации № 306 допускается «другой возможный вариант – по контуру границ Плана 1901 года». На этой территории (XVI, XVIII или начала XX века – отметим, что все эти три границы совершенно не совпадают между собой) предлагается «полный запрет нового строительства и строгая охрана... всех зданий и сооружений, возведенных до 1960 года, независимо от их современного состояния» (С. 138). Более того, автор проекта смело вторгается в застройку, сложившуюся после 1960 года, и требует «сноса 5-этажного и 10-

этажного жилых домов, ТЦ «На Черкасской»...» (С. 130) ради восстановления «видовых коридоров, панорам и перспектив» по схеме, составленной им самим (иллюстрация № 305) с опорой на разработки архитектора М. Б. Скоробогатова (иллюстрация № 304). В этом футурологическом замысле, безусловно, замечательном для всякого любителя экскурсий по Орлу, на наш взгляд, проявляется не столько научный подход, сколько дерзостный порыв отдельных современных градозащитных движений любыми способами сохранить уцелевшие элементы исторической застройки. При этом у наших футурологов отсутствует не только финансовое обоснование для своих проектов, но и достаточный анализ их с точки зрения градостроительства и архитектуры, призванных обеспечивать нужды и потребности горожан и города как единого организма.

В подобных подходах, на наш взгляд, проявляется очевидная зависимость их авторов от неких теорий. Наша страна на 74 года стала таким полигоном для эксперимента по строительству коммунизма. В жертву этой теории было принесено немало жизней. Конечно, архитектурные теории не столь кровопролитны, но всё-таки и к ним следует относиться лишь как к одному из вариантов объяснения, в данном случае – логики сложившейся городской застройки Орла. Но И. Е. Кушелев всерьез заявляет о «высокой, приближающейся к крайней степени деформации градостроительного каркаса» (С. 129). То есть он предлагает своим музейным проектом подогнать реальную городскую застройку под искусственную схему. Схема каркасов был призвана осмыслить сложившуюся городскую среду, но теперь она используется Ильей Евгеньевичем в качестве «лекала», по которому существующую городскую архитектурную реальность нужно подогнать под одну из умозрительных теорий. Что ж, красота требует жертв, вопрос только: нужны ли они горожанам?

И. Е. Кушелев «выявил, – как он пишет, – необычайную цельность, наличие осевых структур, симметричных отражений и приёмов

экстраполяции и мультипликации» (С. 143) в планировке Орла, правда, не поясняет, насколько это необычно по сравнению, например, с планировкой Москвы или Курска, а такое сравнение имело бы не только доказательную силу (вспомним, что сам Илья Евгеньевич требует доказательности от других авторов (С. 31)), но и проявило бы творчески-аналитические способности самого Кушелева.

Пытаясь быть комплиментарным по отношению к Орлу, автор порой «перебарщивает». Он пишет «о знаменитых орловских «утюгах» как характерном, самобытном явлении в архитектуре нашего города» (С. 99). Что ж, клиновидных в плане зданий в Орле действительно немало, их, вероятно, можно отнести к «характерным» архитектурным приемам. Но вот относительно орловской «самобытности», уникальности у всякого читателя, побывавшего в других городах с элементами радиально-кольцевой планировки или видевших их на экране, возникают сомнения, поскольку таких «утюгов» немало и в Москве, и в Воронеже, и во многих других городах.

Сомнительной выглядит мысль автора, что «единственными здоровыми участками городской ткани» в Орле являются рудиментарные остатки исторической застройки (С. 144). При всей художественной удаче использование медицинских метафор не отменяет того, что комплексная застройка новых микрорайонов, таких как 909 квартал, Алроса, Болховский и других, также является вполне здоровой частью городской среды Орла. А «болезни» исторической застройки сам автор неоднократно и подробно описывал на других страницах книги.

Призыв Кушелева превратить заповедную историческую часть города в храм (а заодно – в кладбище, школу и музей), а «новым поколениям людей нести храмовую службу» в качестве жрецов (С. 144) выглядит не только ненаучно, но и не очень здраво. Церкви и церковники всегда составляли лишь небольшую долю застройки и жителей, они несли задачу как раз религиозного обслуживания населения, у которого было и множество дру-

гих потребностей. Скорее, важной целью было бы прививать уважительное отношение ко всему жизненному пространству человека, в том числе к городской среде, в которой для полноценной жизни необходимы не только школы, музеи, церкви и кладбища, как считает И. Е. Кушелев, но и роддома, и жильё, и водоканал, и библиотеки, и архивы, и Дом Советов, а также множество других составляющих сложной городской экосистемы.

Согласно научной логике исследования, вначале кристаллизуется первоначальная тема предстоящей работы. Процесс кристаллизации, пользуясь понятийным аппаратом химиков, происходит в голове исследователя в «насыщенном растворе» имеющихся у него знаний. Хотя возможно и привнесение темы извне, но и тогда в чужой голове должен был пройти тот же процесс кристаллизации темы. В случае с работой И. Е. Кушелева приходится констатировать, что кристаллизация темы не была завершена, ее формулировка, приведенная в названии книги, осталась чрезмерно многозначной, что предопределило и многие проблемы с реализацией темы.

Следующий этап связан с поиском сведений по теме исследования. Этот этап включает знакомство с опубликованными работами, консультации экспертов, если они имеются в данной области, а также поиск новых сведений в разного рода источниках. Этот этап был выполнен автором, но поскольку задача была поставлена не вполне определенно, то и материалы были собраны весьма разнородные.

Затем найденные по теме сведения концентрируются в какой-либо однородной форме или формах. С этим автор тоже справился, выделив теоретические материалы из разных научных и религиозных направлений, практические сведения о застройке и архитектуре Орла в вербальной и графической формах.

Далее следует процесс систематизации и классификации информации. Если работа останавливается на этой фазе, результатом может стать создание справочного издания, которое может послужить базой и для других исследователей данной темы. Эта часть ра-

боты у автора получилась достаточно слабой: справочника из данной книги не получится из-за неполноты информации, поскольку, взявшись полностью описать лишь одну Карачевскую улицу, И. Е. Кушелев не смог справиться и с этой локальной в масштабах всего исследования задачей.

Если работа над темой продолжается, то найденная, сконцентрированная и систематизированная информация становится базой для последовательного изложения материала, завершающегося некими обобщениями и выводами. Наш автор смог организовать собранный материал в относительно последовательной форме и сравнительно внятно изложить его, снабдив каждую главу рядом выводов.

Если тема исследования имеет, помимо научного, еще и прикладное значение, то могут появиться практические рекомендации для определенной сферы деятельности на базе теоретической разработки. И. Е. Кушелев выполнил и эту часть исследования, представив собственный план музеефикации центральной части города Орла.

В конце книги вместо принятой краткой биографической аннотации И. Е. Кушелев поместил развернутую автобиографию. Из нее следует, что наивысшим его достижением на музыкальном поприще стала дипломная работа в консерватории под названием «Симфониетта». Википедия нам сообщает, что «симфониетта – это род симфонии, характеризующийся простотой музыкального содержания, смягчением конфликтной симфонической драматургии, нередко введением частей с чертами бытового жанра. Звучание симфониетты по сравнению с симфонией за счет сокращения масштаба частей в циклической форме меньше». Следующим достижением музыканта стало участие в создании гимна г. Орла в сотрудничестве с отделением ВООПИК, телерадиокомпанией ОГТРК и оркестром Академии Федеральной службы охраны. Что ж, гимн важный, хотя и не самый сложный музыкальный жанр, во всяком случае, не сложнее симфониетты. По аналогии с музыкальной биографией настоящая книга –

первая на творческом пути историка И. Е. Кушелева, это тоже дипломная работа, но уже на историческом поприще. Каждый читатель после знакомства с книгой сможет сам решить, получилась ли у автора полноценная историческая симфония для оркестра из десятка наук, или упрощенная симфониетта, или законченное произведение другого жанра, или перед нами какофония разрозненных фактов и противоречивых мыслей.

Подводя итог, следует заключить, что, по нашему мнению, несмотря на ряд очевидных промахов и противоречий, книга И. Е. Кушелева является определенным вкладом в орловскую научную историко-краеведческую литературу. В большей степени она является вкладом в осмысление истории застройки Орла с позиций искусствоведения и разного рода религиозной культуры. Попытку пусть фрагментарно, пусть не на таком профессиональном, как у архитектора С. И. Федорова, уровне, пусть спорно, но рассмотреть в целом историю городского ландшафта Орла можно признать удавшейся, а часть опубликованных материалов, в первую очередь иллюстративных – несомненно, новыми, чрезвычайно полезными и интересными.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Среднерусский вестник общественных наук» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история

07.00.03 – Всеобщая история

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

117571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).**

Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.

При перепечатке материалов ссылка на журнал

«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.

Главный редактор П. А. Меркулов

Ответственный секретарь Е. С. Матвеева

Переводчик Е. А. Князькова

Корректор И. Л. Кургузова

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.

Адрес редакции: 3020001, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Тел./факс 8(4862)43-20-28.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
по адресу: 3020001, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Подписано в печать 26.03.2022. Дата выхода тиража в свет 15.04.2022.

Усл. п. л. 12,4.

Формат 70x100 1/16

Тираж 1000 экз. (первый завод – 25 экз. Заказ № ____).

Цена свободная.

© Вестник государственного и муниципального управления

Научно-образовательное издание

№ 1 (43) 2022г.